

Стивен Хантер
Жарким кровавым летом
Серия «Эрл Свэггер», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128621

Жарким кровавым летом: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2011

ISBN 978-5-699-47820-0

Аннотация

Даже у самых крутых парней есть свои слабости, и для Эрла Свэггера, героя Второй мировой войны, бывшего морского пехотинца, таким больным местом является тайна смерти его младшего брата и его отца, шерифа полиции. Бесстрашный и хладнокровный воин, Эрл в составе ударного отряда полиции приезжает в Хот-Спрингс, город многочисленных казино, тотализаторов и публичных домов, которым твердой рукой управляет крупный гангстер Оуни Мэддокс. Отряд Эрла начинает кровопролитное сражение с игровой мафией, в котором Эрл должен не только выстоять, но и найти наконец ответы на вопросы, мучившие его на протяжении долгих лет.

Еще один захватывающий бестселлер от автора знаменитого романа «Снайпер»!

Содержание

Часть 1	5
Глава 01	5
Глава 02	11
Глава 03	20
Глава 04	25
Глава 05	29
Глава 06	33
Глава 07	41
Глава 08	50
Часть 2	55
Глава 09	55
Глава 10	66
Глава 11	69
Глава 12	78
Глава 13	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Стивен Хантер

Жарким кровавым летом

Моим братьям Энди и Тиму и моей сестре Джули, которые уже знают эту историю, а также моим детям Джейку и Эми и детям Джули, Ханне и Саре, которым только предстоит прочитать о ней

*Моя страна! Америка! Вот что это такое!
Оди Мерфи. В ад и обратно*

Часть 1 ВЛАЖНАЯ ЖАРА

Глава 01

Отец Эрла был настоящим щеголем.

Каждое утро он тщательно брился прекрасно направленной бритвой, застегивал пуговицы чистойшей, накрахмаленной до хруста белой сорочки и завязывал черный галстук-бабочку. После этого он накидывал на плечи подтяжки и надевал черный пиджак (у него было семь воскресных костюмов, и каждый день своей сознательной жизни он, невзирая на погоду, натягивал на себя один из этих тяжелых костюмов плотной шерсти, выписанных по каталогу «Сирс и Ребук»), клал в карман коротенькую дубинку, налитую свинцом, прицеплял кобуру с «кольцом-миротворцем» и значок, засовывал под манжет левой руки «оружие Иисуса», надевал на голову широкополый черный стетсон и отправлялся выполнять свои обязанности шерифа округа Полк штата Арканзас.

Но сейчас Эрл вспомнил именно о галстукке. Его отец гордился своими галстуками и мастерски завязывал их: узлы его бабочек всегда были квадратными, петли банта – идеально симметричными, а концы – совершенно одинаковой длины. «Нужно всегда выглядеть наилучшим образом, – не раз и не два говорил он сыну с той строгостью, которая характеризовала его отношение к жизни. – Старайся всегда выглядеть лучше всех и делать все лучше всех. Никогда не отступай. Никогда не пускай все на самотек. Живи, как велит Библия. Этого хочет Бог. Это все, что от тебя требуется».

Поэтому одной из тех бесполезных вещей, в которых Эрл так прекрасно разбирался, – например, как прочистить забитый вулканической пылью «Браунинг» А-3 почти на глазах у наседающих японцев, – было умение правильно повязать галстук-бабочку.

Бабочка, которую он сейчас видел перед собой на шее щеголеватого низкорослого человека в двубортном кремовом костюме, была завязана идеально. Нельзя было не понять с первого взгляда, что ее завязывали человек, любящий хорошо одеваться, знающий толк в одежде и получающий удовольствие от ношения своей одежды. Костюм сидел на нем превосходно, так что между воротником и розовой шеей, равно как и между накрахмаленной белой сорочкой и лацканами кремового костюма не было ни малейшего зазора. Это был энергичный дружелюбный коротышка с маленькими розовыми ручками и свойскими манерами, знакомыми Эрлу с детства: так держат себя фермеры, парикмахеры, аптекари или менеджеры продовольственных магазинов – дружелюбно, но сдержанно, открыто от сих до сих и ни на шаг дальше.

– Знаете, – сказал Гарри Трумэн¹ Эрлу, который смотрел вовсе не в излучавшие силу глаза этого человека, прятавшиеся за очками без оправы, а на безупречно завязанный узел бабочки, две идеально соразмерные петли по обе стороны от него и один не образующий петли конец плотной шелковой ленты бордового цвета, испещренной мелкими синими точками, – я говорил это уже много раз и готов повторять снова и снова. Я согласился бы поменять свой высокий пост на ту почетную награду, которую вручаю вам. Вы, парни, заставили нас гордиться тем, что сделали. Вы были лучшими из лучших, и, ей-богу, вы и впредь никогда нас не подведете. Страна будет в долгу перед вами, доколе она существует.

¹ Трумэн Гарри (1884–1972) – 33-й президент США (1945–1953).

Эрлу не дали заранее никакого совета по поводу того, что отвечать на эти слова, а сам он не смог придумать ничего вразумительного. Умение вести светские разговоры не входило в число его сильных сторон. Вдобавок ко всему он был изрядно навеселе после доброй трети пинты бурбона «Бун каунти», уже успевшего разойтись по всем закоулкам его организма, отчего Эрл несколько смазанно воспринимал события, в центре которых оказался. Он успешно справился с легким пошатыванием, причиной которого было виски, сглотнул слюну и постарался напирать волю, чтобы еще некоторое время оставаться прямым, как шомпол, и сохранять внимание. Никто не заметит, как его развезло, если он будет держать рот закрытым и не выдыхать пары виски. Голова у него болела. Раны болели. И еще у него было дурацкое предчувствие, что он вот-вот расплывется в улыбке.

– Да, сэр, первый сержант Свэггер, – продолжал между тем президент, – вы один из лучших людей, которых когда-либо рождала эта страна.

Президент на мгновение зажмурил глаза, словно смаргивая самую настоящую слезу. После этого он взял из коробочки, которую держал неподвижно стоявший чуть в стороне подполковник, золотую звезду и шагнул вперед, одновременно разворачивая ленту. Поскольку президент был мелковат по сравнению с Эрлом, рост которого превышал шесть футов, ему пришлось чуть ли не встать на цыпочки, чтобы надеть на бычью шею Эрла голубую ленту.

Медаль Почета², висевшая на ленте на густо-синем парадном кителе морского пехотинца, оказалась рядом с орденами и медалями, полностью закрывавшими левую сторону груди Эрла: пять «Боевых Звезд», «Военно-морской Крест», знаки об упоминании воинской части в приказах Верховного главнокомандующего и медаль «За отличную службу». На каждом рукаве ниже локтя красовались по три нашивки, говорившие о сроке его службы. Ярko сверкнула фотовспышка; от ее неожиданного блеска Эрл даже чуть-чуть растерялся, и почему-то в его памяти мелькнуло воспоминание о трассирующих пулях азиатов, которые оставляли в полете бело-голубой след, в отличие от американских трассирующих пуль, оставлявших красный след.

Потом инициатива перешла к капитану морской пехоты, который прибавил церемонии торжественности, зачитав выдержку из постановления Конгресса: «За несравненную отвагу, далеко выходящую за пределы требований служебного долга, первый сержант Эрл Ли Свэггер, рота А первого батальона двадцать восьмого полка пятой дивизии морской пехоты, награждается медалью Почета за боевые действия на острове Иводзима, Д плюс три, на Чарли-дог-ридж 22 февраля 1945 года».

За спиной президента стояли Смит по прозвищу Воющий Безумец и Гарри Шмидт, два генерала морской пехоты, которые руководили сражениями на Иво; затем министр ВМС Джеймс Форрестол и рядом с ним – его, Эрла, собственная жена Джун, очаровательная, хотя и немного бледная, в цветастом платье, как всегда красивая, но явно слегка расстроенная всем происходящим. И дело было вовсе не в том, что ее окружали такие великие люди, – нет, она боялась того, что все время видела в сердце своего мужа.

Президент схватил Эрла за руку и легонько потряс, и непосредственно за этим действием в Картографическом кабинете (так назывался этот зал, хотя тут не было видно никаких карт, а лишь множество предметов старинной мебели, как и в доме его отца) раздались вежливые, не слишком энергичные аплодисменты. Эти аплодисменты, эхом отразившись от стен и картин, заполнили все помещение, похожее на музей. Дело происходило 30 июля 1946-го. Война закончилась около года назад. Эрл больше не был морским пехотинцем. Его колено почти не работало, а левое запястье все время болело – оба сустава были сильно

² Медаль Почета – высшая военная награда Соединенных Штатов, присуждаемая Конгрессом США военнослужащим за особые заслуги, проявленные в бою и при исполнении служебных обязанностей.

повреждены вражескими пулями. В его теле все еще сидело около тридцати кусков металла. На его заднице имелся огромный шрам, похожий на трещину в штукатурке, – память о пребывании на Гуадалканале. Другой большой шрам красовался на груди, чуть повыше левого соска, – его он заработал во время высадки на Тараве, когда нужно было под непрерывным шквальным огнем японцев преодолеть широкую полосу прибоа. Последнее время Эрл работал бригадиром на лесопилке неподалеку от Форт-Смита. Рано или поздно ему предстояло лишиться кисти, а то и всей руки. Так случалось со всеми.

– Так каким вы видите свое будущее, первый сержант? – спросил президент. – Надеюсь, намереваетесь остаться в корпусе морской пехоты?

– Нет, сэр. Слишком много ранений. Левая рука почти не работает.

– Проклятье, до чего же неприятно расставаться с таким замечательным человеком, как вы. Но как бы там ни было, для вас открыты любые пути. Эта страна теперь быстро воспрянет, вот увидите. Как говорится, все еще впереди, а Бог не выдаст. Теперь мы входим в пору нашего величия, и я знаю, что вам найдется достойное место. Вы достаточно навоевались.

– Да, сэр, – ответил Эрл.

Вежливость не позволяла ему возражать человеку, которым он безмерно восхищался, человеку, спалившему дотла японские города Хиросиму и Нагасаки и спасшему тем самым жизни сотен тысяч американских парней.

И все же он не был согласен с президентом. Он не мог вернуться к учебе, используя право, данное ему так называемым Законом о военнослужащих. Не мог, и все тут. Он не мог заниматься работой, связанной с продажей или необходимостью убеждать кого-либо в чем-либо. Он не мог обучать, потому что молодежь была так глупа, а у него не осталось никакого терпения, совершенно никакого. Он не мог работать на человека, который не побывал на войне. Он не мог стать полицейским, потому что полицейские были похожи на его отца: задиры с дубинками, только и знающие, что орать. Мир, столь заманчивый и добрый для такого множества народа, похоже, не позаботился оставить какое-нибудь место лично для него.

– Между прочим, – сказал президент, понизив голос и подавшись вперед, – этот бурбон, который вы пили, на мой вкус, пахнет просто замечательно. Я не собираюсь укорять вас. Слишком много идиотов вокруг, чтобы можно было прожить день, не сделав глоток-другой. Должен вам признаться, что это всемирная столица идиотов. Если бы я только мог, если бы я не был должен заседать со всякими комитетами и тому подобным, я сказал бы вам: пойдете ко мне в кабинет, прихватите с собой вашу пинту и давайте посидим за бутылочкой!

Он еще раз пожал Эрлу руку и устремил на него голубые глаза, исполненные такой силы и проницательности, что казалось, они способны видеть сквозь закрытые двери. Но в следующий момент между ними волшебным образом очутилось сразу несколько человек, и президент уже шагнул в одну сторону, а Эрл – в другую. Эрл даже не видел, кто направлял его движение сквозь собравшуюся в зале толпу, однако вскоре он оказался перед двумя генералами, двумя людьми, чьи лица и взгляды были настолько тверды, что их с трудом можно было отнести к роду человеческому.

– Свэггер, мы гордимся вами, – сказал один из них.

– Первый сержант, вы были чертовски хорошим морским пехотинцем, – заявил другой. – Вы были трижды чертовски хорошим морским пехотинцем, и если бы я только мог, то сейчас же переписал бы ваши бумаги и оставил бы вас здесь. Здесь вам самое место. Здесь ваш дом.

Это был Смит, которого очень часто называли мясником или мясорубкой, но который тем не менее сумел разрушить Японскую империю, завалив ее телами морских пехотинцев, потому что другого способа просто не было.

– Спасибо, сэр, – ответил Эрл. – Дело-то в чем: это же мне за всех тех парней, которые не смогли вернуться.

– Носите ее гордо, первый сержант, – скомандовал старик Шмидт. – Ради них.

Затем Эрла снова волшебным образом отнесло прочь, и вскоре он, наподобие пакета, дошедшего до конца ленты конвейера, оказался просто выброшенным в небытие. Оглянувшись, он увидел, что Джун стоит одна-одинешенька.

Она была ослепительно хороша, хотя и слегка напугана всей этой процедурой. Она училась на младшем курсе Юго-Восточного учительского колледжа штата Миссури в Кейп-Джирардо, а он был с ног до головы увешанным побрякушками мастер-сержантом морской пехоты, прибывшим в отпуск перед началом вторжения на внутренние японские острова. Она была красивой девушкой, а он – красивым мужчиной. Они встретились в Форт-Смите на танцах, устраиваемых Объединенной службой организации досуга войск, и поженились в конце той же недели. У них было четыре дня безумной любви, а потом он возвратился на войну, убил еще около сотни японцев, был дважды ранен, проводил на тот свет множество друзей и знакомых и вернулся домой.

– Как дела? – спросил он.

– О, все прекрасно, – ответила она. – Я вовсе не хочу, чтобы кто-то обращал на меня внимание. Это день героя, а не жены героя.

– Я же говорил тебе, Джуни, никакой я не герой. Я просто везучий сукин сын, которому посчастливилось не угодить под снаряд, убивший десяток других парней. Сегодня мне дают медаль за везение, только и всего.

– Эрл, ведь ты же герой. Ты должен этим гордиться.

– Знаешь, что я тебе скажу? Все эти люди, они ничегошеньки не понимают. Они не знают, как все это было. То, как они себе это представляют, и то, за что они дали мне эту штуку, не имеет никакого отношения к тому, что было.

– Ты только не расстраивайся снова.

Среди многих серьезных проблем, которые имелись у Эрла, одна заключалась в том, что у него и у остального мира были диаметрально противоположные взгляды на то, что считать правильным. Из-за этого у него то и дело случались неприятности. С войны вернулось не так уж много настоящих боевых солдат, а поскольку он был большим героем, каждый встречный стремился остановить его, чтобы сказать, что он великий человек, а потом изложить свое мнение по поводу войны.

Он вежливо выслушивал непрошенных собеседников, но каждый раз у него в груди мало-помалу начинал закипать гнев. В конце концов он терял контроль над собой, из-за чего произошло несколько весьма неприятных инцидентов.

– Нельзя же все время так сходить с ума, – сказала Джун.

– Да знаю я, знаю. Послушай-ка, похоже, что япошки все-таки выиграли войну, судя по тому, что со мной творится. Когда же вся эта пакость закончится?

Эрл привычно шагнул за спину Джун и, используя ее как прикрытие, сунул руку под китель чуть ниже поясного ремня, туда, где его отец носил дубинку, которой колотил по башке непослушных черномазых и дрянных белых парней, и где сам он носил флягу бурбона «Бун каунти», чтобы подавлять непослушные мысли.

Он легко извлек ее, отвинтил крышку и поднес горлышко к губам, проделав все это с тем стремительным изяществом, которое позволяло ему, почти не целясь, без промаха попадать с двухсот ярдов по бегущим живым мишеням из простого «гаранда», положенного рядовому первого класса.

Бурбон оглушил его, словно упавшая на голову с крыши куча кирпичей. Эрл почувствовал прямо-таки физическое наслаждение произведенным эффектом: тем, как все рас-

плылось у него перед глазами и как все, что терзало его душу, сделалось менее жестоким и более терпимым.

– Эрл, – сказала ему жена, – ты нарвешься на неприятности.

«Да кому какое дело?» – подумал он.

Рядом с ними вдруг возник совсем молоденький – даже без следа щетины на подбородке – капитан морской пехоты.

– Первый сержант, – негромко проговорил он, – примерно через пять минут автомобиль отвезет вас в отель. У вас будет пара часов, чтобы сложить вещи и поесть. «Рок-Айленд» отходит с Юнион-стэйшн в двадцать ноль-ноль. Купе для вас забронировано, но вы должны быть в поезде к девятнадцати сорока пяти. Автомобиль за вами и вашим багажом подадут к девятнадцати ноль-ноль. Вас это устраивает?

– Да, сэр, – ответил Эрл этому серьезному ребенку.

Мальчишка поспешно направился дальше.

– Пожалуй, они могли бы приставить к тебе кого-нибудь из ветеранов, – заметила Джун. – Я имею в виду, после всего, что ты для них сделал.

– Все в порядке. Это же просто ребенок. Он не хотел меня обидеть.

Этот молодой человек напомнил ему о тех многих юнцах, которые служили под его началом да так и не вернулись домой, а если и вернулись, то настолько непохожими на себя, настолько изломанными и изуродованными, что для многих из них было бы лучше вовсе не возвращаться.

– Ты должен чувствовать себя счастливым, Эрл. Но я вижу, что ты ничего подобного не испытываешь.

– Со мной все в порядке, – ответил он, ощутив внезапную потребность ошарашить себя еще одним здоровенным глотком бурбона. – Просто мне нужно заглянуть в туалет. Как по-твоему, в таком роскошном месте найдется туалет?

– О, Эрл, конечно же. Никто не может жить без этого!

Около двери стоял слуга-неф. Эрл обратился к нему и был направлен в противоположный конец зала. Он нашел нужную дверь, захлопнул ее за собой и защелкнул задвижку.

Вообще-то туалет был ему совершенно не нужен, так что он расстегнул китель, извлек бутылку и сделал огромный глоток. Огонь опалил его нутро – казалось, можно было даже слышать грохот, с которым бурбон лился по пищеводу, и Эрл снова почувствовал сильный удар изнутри по голове. Он сделал еще глоток, и бутылка опустела. Проклятье!

Он взял полотенце, смочил его холодной водой и вытер лоб, отчего засевшая там боль ненадолго отступила, хотя и не ушла совсем. Когда он вешал полотенце, боль уже вернулась. Пустую флягу он положил в мусорную корзину.

Затем он засунул руку под полу и извлек свой автоматический пистолет сорок пятого калибра.

Это оружие было при нем на Иводземе, а перед тем на Тараве, на Гуадалканале, на Сайпане, на Тиниане. Этим пистолетом ему тоже доводилось убивать, хотя своим «томми»³ – несравненно больше. Однако оружие являлось неотъемлемой деталью его поясного ремня, и в значительной степени именно этой детали он был обязан тем, что оставался более или менее нормальным. Оружие для него было не носителем смерти, а, напротив, частью жизни. Без оружия человек оказывался беспомощным и беззащитным.

Этот пистолет, гладкий, с коричневыми пластмассовыми накладками на рукояти и небольшой выпуклой мушкой, был заряжен. Привычным движением Эрл взвел курок и услышал щелчок. Он посмотрел на себя в зеркало: герой, морской пехотинец с медалью на

³ «Томми» – пистолет-пулемет Томпсона.

шее, с любовью к своей стране, с любящей женой, с неограниченными и восхитительными жизненными перспективами, которые открывает перед ним вторая половина 1940-х годов!

Он приложил дуло пистолета к виску и погладил указательным пальцем спусковой крючок. Так мало нужно, чтобы присоединиться к тем единственным людям, о которых он заботился и к кому мог испытывать любовь; большинство из них давно уже покоились под крестами на разных дерьмовых островах, о которых раньше никто никогда не слышал и о которых скоро начисто забудут.

– Эрл, – донесся из-за двери голос Джун. – Эрл, машина уже пришла. Поторопись, нам пора идти.

Эрл осторожно спустил курок пистолета, засунул его обратно за пояс, застегнулся, оправил китель, чтобы не было ни единой складочки, и открыл дверь.

Глава 02

Они вышли к автомобилю из западного портика Белого дома.

– Это ваша последняя официальная церемония в качестве морского пехотинца Соединенных Штатов, – сказал молодой капитан, похожий на хорошо воспитанного ребенка. – Вам есть чем гордиться. Ваши достижения огромны. Я отдаю вам честь, первый сержант. Не салютуйте мне в ответ.

– Сынок, не тревожься об этом, – ответил Эрл. – Если я хоть немного знаю жизнь, у тебя еще будет свой шанс.

Они подошли к машине, оливково-серому «форду», за рулем которого сидел рядовой первого класса в парадной форме морской пехоты.

Капитан открыл дверь перед Эрлом и Джун.

Внезапно Эрл ощутил, как на него нахлынуло новое мощное чувство. Когда он сел в автомобиль и дверь за ним захлопнулась, ему показалось, будто что-то ушло от него навсегда, а именно прошедшая часть его жизни. Начиналась новая жизнь, и куда она его заведет, он понятия не имел. Он не относился к числу людей, не знающих, что такое страх, – он испытывал почти непрерывный страх на протяжении трех лет, которые провел на Тихом океане, – но страх, который он чувствовал сейчас, был совсем другим. Это не был тот страх, который угрожал внезапно сломить тебя, вызвать у тебя панику и погубить и тебя самого, и твоих людей – такой страх порой подступал к сердцу во время интенсивного обстрела. Этот страх был куда глубже, он гнезился в костях или даже в душе. Это была боязнь тщетности всей жизни. Она подступала к нему исподволь и уже очень давно.

Он покачал головой. Атмосфера здесь была гнетущей, почти такой же, как на островах. Слева возвышался Белый дом, похожий на огромный свадебный торт; с трех других сторон раскинулись лужайки с редкими деревьями, листья на которых пожухли от жары. За воротами по Пенсильвания-авеню плыли черные флотилии автомобилей.

Эрл обеими руками обнял Джун. Он с силой прижал ее к себе и крепко поцеловал.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Я действительно тебя люблю. Ты – самое лучшее из всей той чертовщины, которая когда-либо случалась со мной.

Жена удивленно взглянула на него; помада у нее на губах размазалась.

– Я не могу ехать назад, – сказал он. – Просто не могу. Не сейчас. Я чувствую себя не слишком-то хорошо. Скажи этому парню. Увидимся в отеле вечером, перед отъездом на вокзал.

– Эрл, ты опять будешь пить.

– Да не волнуйся ты ни о чем! – воскликнул он с деланной жизнерадостностью. – Я обо всем позабочусь.

Если на ее лице и отразилась боль, он не стал задерживаться, чтобы заметить это. Он повернулся, опустил голову, снял медаль, скомкал ленточку и положил медаль в карман. Затем он вышел из машины, повернул налево и уже через несколько секунд смешался с толпой безымянных американцев, спешивших на исходе дня по раскаленным улицам Вашингтона.

«КРАСНЫЕ УБИЛИ 4 МОРСКИХ ПЕХОТИНЦЕВ В КИТАЕ!» – кричал заголовок в «Стар».

Никому до этого не было никакого дела.

«МНОГИЕ МИЛЛИОНЫ РАСХИЩЕНЫ ПРИ ВОЕННЫХ АФЕРАХ!» – орала «Таймс геральд».

Никто не обращал внимания.

«ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ ОПУСТИЛИСЬ НА ДВА ПУНКТА», – паниковала «Дэйли ньюс».

«БЮРО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕН РАЗРЕШИЛО ПРИБАВИТЬ 11 %», – успокаивала «Пост».

Эрл протискивался через все это, мимо безымянных мужчин в мягких соломенных шляпах и коричневых костюмах и женщин в цветастых платьях, тоже прятавших головы под широкополыми шляпами. Каждый встречный казался ему невозможно пестрым. За годы, проведенные в Корпусе морской пехоты, он привык к тому, что мир в основном одноцветен: хаки разных оттенков, и все тут. Но Америка уже пробуждалась от затянувшегося периода военных ограничений: витрины внезапно заполнились товарами, снова можно было свободно покупать бензин, на лицах женщин стала мало-помалу появляться косметика, а мужчины носили с белыми сорочками веселые желтые галстуки, как будто желая сообщить о приходе весенней поры надежды.

Медали на груди темно-синего парадного кителя Эрла не привлекали никакого внимания; униформа успела намозолить всем глаза, да и медали мало что значили. Здесь вдоволь насмотрелись на героев. Многие из прохожих сами были героями. Он слился с их безликостью и безымянностью, стал очередным никем, шагающим по Коннектикуту, направляясь неведомо куда. Вскоре он оказался на открытом месте – на Фарагут-сквер с ее деревьями, скамейками и строгим адмиралом, глядящим на Белый дом. На прославленном флотоводце сидели голуби и гадили на его плечи и голову, а на скамейках сидели молодые мужчины и женщины, беседовавшие о любви и больших надеждах на завтрашний день.

Вдруг парк накрыл басовитый гул, и люди задрали головы, стали тыкать пальцами в небо.

– Смотрите, реактивные самолеты!

Высоко вверху с юго-запада на северо-восток летело звено чудесных самолетов; за каждым из четырех тянулся белым хвостом инверсионный след, обтекаемые серебряные фюзеляжи ослепительно сверкали в солнечных лучах.

Эрл понятия не имел, какого типа эти самолеты, но счел сам принцип окраски самолетов в серебристый цвет смехотворным. На Тихом океане япошки в секунду засекли бы такую блестящую птичку, а еще через секунду сбили бы ее.

Там самолеты раскрашивали зелеными и коричневыми пятнами или же светло-синим, под цвет морской волны, потому что там не хотели, чтобы враги заметили тебя раньше, чем ты увидишь их. Да и ничего чудесного в тех самолетах не было – обычные, изрядно потрепаннные боевые машины, к тому же их всегда не хватало. Но эта четверка непонятных самолетов мчалась наверху, подобно стрелам, волокла за собой стену звука и тянула Америку к чему-то новому. Говорят, что скоро они будут летать быстрее звука.

– Могу поспорить на что хотите, вы сейчас жалеете, что этих птичек не было с вами в Берлине, – улыбнувшись, сказал ему какой-то лысый парень. – То-то они прижгли бы задницу Гитлеру, верно, сержант?

– Верно, – отозвался Эрл.

Он пошел дальше; отзвук грохота реактивных самолетов все еще отдавался в ушах. Вокруг него снова сомкнулись городские стены, и следующим экспонатом паноптикума гражданской жизни оказалось нечто выставленное в возникшей прямо перед ним витрине, возле которой собралась плотная толпа. Это было очень похоже на кино, только его показывали на круглом экране, вделанном в ящик чуть побольше хорошего радиоприемника. На серо-голубом фоне всячески выламывалась марионетка.

– Вы только посмотрите, сэр, – сказала негритянская женщина в большой старомодной шляпе с розами и вуалью. – Это называется телевидение. Радио с картинками.

– Разве это не чудо? – отозвался Эрл.

– Да, сэр, – согласилась негритянка. – Говорят, что такие будут у всех и мы сможем смотреть кинофильмы, не выходя из дома. Больше не нужно будет ходить в кино. Сиди дома и смотри картину. И спорт тоже будут показывать. Знаете, бейсбол и все прочее. Хотя, честно скажу, не понимаю, кому захочется смотреть игру «Сенаторов», сидя дома.

– Что ж, мэм, – сказал Эрл, – президент сам сказал мне, что теперь все будет лучше и лучше.

– Ну, может быть, и так. Жаль только, моего Билли не будет здесь, чтобы посмотреть на все это.

– Сочувствую вам, мэм. Война?

– Да, сэр. Где-то в Италии. Он вовсе не был героем вроде вас, не получил никаких медалей. Он был простым санитаром в госпитале. Но его все равно убили. Мне сказали, что это была мина, зарытая в землю.

– Мне очень жаль, мэм.

– Надеюсь, вы порядком уложили этих немцев.

– Нет, мэм, я воевал с японцами, и мне довелось убить нескольких.

– Это все равно, – горько проговорила женщина, выдавила кривую улыбку и ушла.

А смерть Билли на какой-то далекой неаполитанской дороге осталась с Эрлом. Билли сделался еще одной частью большого приключения, одним из сотен тысяч погибших. Ну и кому до этого хоть какое-то дело теперь, когда вокруг реактивные самолеты и телевидение? Все это ушло в прошлое.

«Выкинь это из головы», – сказал себе Эрл.

Он опять слишком расчувствовался. Ему нужно было выпить.

Он пошел дальше и вскоре увидел лестницу, уходящую вниз, в полутемный бар. Там было почти пусто, и Эрл пробрался в самый дальний угол и сел, с удовольствием вдыхая прохладный воздух.

Гремел музыкальный автомат.

Звучала веселая песня о поездке в Атчисон, Топику и Санта-Фе. Эта чертова баба пела так, словно готова была лопнуть от удовольствия. О поездке на поезде. Долгой веселой поездке на старинном поезде.

Обратно в Огайо – там я родился.
Я много мечтал и по свету шлялся,
Но даже не чаял дожить я до дня,
Когда в Санта-Фе поезд умчит меня.

Все поезда, которые он помнил, везли его лишь на войну, а то и куда похуже. Пока что у него оставалось еще несколько часов, прежде чем он сядет в поезд и поедет... черт знает куда он поедет!

– Что будете пить, сержант? Выбирайте, чего вам хочется, и оно ваше. Одна выпивка за мой счет в честь Корпуса морской пехоты США. Там из моего сына сделали человека. Убили, но сделали мужчиной.

Это был бармен.

– Сочувствую вашей потере, – сказал Эрл, ощутив рядом с собой еще одного мертвеца.

– Не стоит. Единственным хорошим поступком за всю его жизнь был бой с япошками на Окинаве. Вы там были?

– Нет, туда не попал.

– Что ж, он был плохим сыном, но в его жизни был один хороший день, когда он не побежал от проклятых япошек. Морские пехотинцы научили его смелости. А мне так и не удалось. Боже, благослови морских пехотинцев. Так что будете пить?

– У вас есть «Бун каунти»?

– Первый раз слышу о таком.

– Наверно, это арканзасское пойло. Ладно, тогда попробую вон тот «Джим Бим». Воды совсем чуть-чуть. И немного льда.

– Чу-чу-ч-буги... – пропел бармен. Он быстро смешал и подал напиток. – Вот и ваш поезд, точно по расписанию.

Эрл сразу сделал большой глоток и почувствовал, что выпивка, как обычно, смяла его мысли и ощущения. Виски приглушило страхи и разогнало сомнения. Теперь он снова чувствовал себя равным всему остальному миру.

– Нет, он был совершенно никчемным, – продолжал бармен. – Сам не знаю, почему он вырос таким трусом. Уж как я его учил-учил, а он все равно только и знал, что удирать и прятаться. Как он смог там...

– Мистер, – сказал Эрл, – я очень ценю ваше угощение. Но если вы скажете еще хоть одно худое слово о морских пехотинцах, которые дрались и стояли насмерть на Окинаве, я перепрыгну через стойку и заставлю вас сожрать сначала все стаканы, потом стойку, а на закуску – табуретки.

Бармен, очень крупный мужчина, взглянул на Эрла, увидел в его глазах темную пелену готовности пойти на любое насилие и проглотил уже просившийся на язык ответ. Эрл тоже был крупным мужчиной, с кожей, выдубленной за годы тяжелой службы под тихоокеанским солнцем. Он был мрачен, под глазами темнели одутловатые мешки, появившиеся из-за непрерывных военных треволнений, но нельзя было не заметить его бычьей шеей и свойственный хорошим НКО⁴ взгляд, который не только видит человека насквозь, но и может без усилия пригвоздить его к стене. Его черные как смоль волосы были коротко подстрижены, но торчали на черепе, словно зубцы колючей проволоки. На туго обтянутом парадным кителем поджаром теле, глядя на которое нельзя было даже предположить, что оно много раз пробито пулями и осколками, играли мускулы. На кулаках выделялись рельефные вены. И хотя его голос не перекрывал гул разговоров немногочисленных завсегдатаев и уж давно не ревел, как динамик автомата, певшего про Санта-Фе, но в нем слышалось нечто такое, что внушало немалый страх. Когда он говорил таким тоном, никто не мог его послушаться, и бармен тоже не посмел возразить. Он хорошо понимал, что, если этот посетитель выйдет из себя, могут произойти страшные вещи.

Так что бармен предпочел немного отстраниться.

– Смотрите-ка, вот вам двадцатка, – сказал Эрл, вынимая последнюю крупную банкноту. – Поставьте на стойку бутылку и отправляйтесь заниматься другими посетителями. Можете сколько угодно рассказывать им, каким плохим был ваш сын. А мне – не смейте.

Бутылка тут же появилась; бармен исчез.

Эрл занялся бутылкой, а бутылка воздействовала на Эрла. Когда количество жидкости убавилось на треть, Эрл почувствовал себя счастливым: он начисто забыл, кем, где и когда был и почему там оказался. Но, добравшись до половины бутылки, он снова все вспомнил.

«Чу-чу-ч-буги», – автомат завел новую песню, и ритмы ее были исполнены такой радости и надежды, что Эрл содрогнулся.

Я просто люблю
Ритм «кликети-клэк».
Скажи мне скорей,
Где станция, Джек.

⁴ НКО (сокращение от Non-Commissioned Officer) – военнослужащий сержантского состава.

И снова поезда. О поездах он помнил только одно: они подвозили его к пароходам, а потом пароходы везли его через море.

Он помнил Гуадалканал, помнил то время, когда дело дошло до рукопашной, когда он и его зеленые мальчишки дрались с япошками на гребне горы, дрались ножами и саперными лопатками, прикладами винтовок и камнями. У них не было боеприпасов, потому что самолеты не прилетали уже несколько недель. Японцы сражались тогда как сумасшедшие: они кидались на приступ раз за разом, волна за волной, зная, что у морских пехотинцев плохо с боеприпасами, и не жалея отдавали свои жизни, чтобы враги истратили патроны, пока патроны действительно не иссякли. А потом наступило время рукопашной, побоища столь жестокого, что ты или погибал, или едва не терял рассудок при виде трупов людей, головы которых ты расколол, из чьих животов выпустил кишки, которых забил насмерть. И, глядя вокруг, ты видел соратников, тоже оказавшихся на грани душевного краха. Что ты этой ночью сделал во имя чего-то, именуемого твоей страной? Хорошо ли ты убивал? Дорого ли продал свою жизнь? А потом была Тарава. Наверно, худшее из всего пережитого. О, эта высадка была настоящим кошмаром. Идти было просто некуда. Пули шлепали по воде, как детишки в озере Арканзас, – повсюду. Трассирующие пули летели низко над водой, плетя над головами сети из нежно мерцающих светящихся лент. Было так глубоко, что ты не видел ни берега, ни своих кораблей, оставшихся за спиной. Ты промок, замерз и изнемог, ноги наливались свинцом и коченели, но остановиться значило умереть, и идти вперед тоже значило умереть. Ты пытался собрать своих людей вместе, заставлял их идти, не останавливаясь, поддерживал их дух. Но все, кто окружал тебя, мало-помалу исчезали, пока не стало казаться, что ты один на этой залитой водой планете, а японцы – вся эта нация – одержимы одной-единственной мыслью: убить тебя.

Эрл зажмурился на мгновение, чтобы прогнать дрожь, и влил в себя еще одну добрую дозу этого самого «Джим Бим». Прекрасное пойло! Потом он посмотрел на часы. Ему предстояла поездка в Атчисон, Топику и Санта-Фе, но куда он должен был ехать и зачем, он никак не мог вспомнить.

Иво, там он попал в бункер. Этого ему никогда не забыть.

Непрерывно убивая, он двигался по Чарли-дог. Его огнеметчики не смогли пробиться вместе с ним. Капитана зацепило пулей. Не было никакого укрытия, потому что в пепел невозможно было зарыться: он просто тут же обрушивался на тебя. Эрл вскочил в ячейку, строча из своего «томми». Пули вылетали и сразу же попадали в японцев. Они сбивали их с ног, вырывали огромные куски из тел. По лицу Эрла текла кровь, японская кровь. Но он шел дальше, от ячейки к ячейке, поливая свинцом ходы сообщений, пока наконец не пробился, убивая, к главному бункеру.

Бункер был заперт изнутри. И в довершение всего Эрл остался безоружным: его «томми», залитый кровью и забитый пеплом, отказался работать, и его пришлось бросить. Он явственно слышал, как с другой стороны бункера тарахтели японские пулеметы «намбу».

Эрл метнулся назад, в ячейку, которую только что очистил, перевернул труп японца и сорвал с его пояса три гранаты – японские штучки, которые нужно стукнуть обо что-нибудь твердое, прежде чем кидать. Он схватил их, подбежал к металлической двери бункера, со всей силы стукнул по ней фанатами и поспешно сунул их под дверь. Затем бегом вернулся в ячейку. Когда почти одновременно раздалась три разрыва, он как раз вытаскивал из-под трупов японцев автоматы «намбу».

Дальнейшее было трудно вспомнить, но еще труднее – забыть. Он оказался в бункере. Надо отдать японцам должное: эти гады были настоящими солдатами. Они сражались до конца, заливали свинцом Чарли-дог, убивая все движущееся в их поле зрения. Они были готовы умереть ради того, чтобы убить, – таков был их кодекс. Эрл метался из отсека в

отсек или, скорее, из каморки в каморку, поскольку внутри бункер очень походил на темное тесное гнездо насекомых и там сильно воняло: дерьмом, кровью, пищей, страхом, потом, сопревшими носками, гнилью, рисом. Он вскочил в первую каморку и принялся палить. Но он не знал, что «намбу» был заряжен трассирующими патронами.

Как только он открыл огонь, темноту, ставшую еще непрогляднее из-за густого дыма, прорезали бело-голубые полосы трасс; пули с визгом рикошетировали, раз за разом ударяясь в любую твердую поверхность и рисуя в дыму сумасшедшие зигзаги. Каждое нажатие на спусковой крючок порождало вспышку света, иссиня-серого, мерцающего, извергающего на японцев смертоносный поток их собственных пуль со смещенным центром тяжести – куда более яростный поток, чем даже он, Эрл, мог ожидать. Это выглядело так, будто он метал молнии.

Он мчался из каморки в каморку, приостанавливаясь только для того, чтобы менять магазины на раскаленной железке, которую держал в руках. Странное оружие: магазин крепился сверху, а не снизу, как это бывает у всех, кто хоть немного думает об удобстве использования. Эта штука нисколько не походила на привычный «браунинг»; такую глупую, дрянную вещь могли изобрести только те же парни, которые выдумывали самурайские мечи, и самолеты камикадзе, и атаки до последнего человека, волна за волной. Японская пушка даже казалась узкоглазой. Но, между прочим, работала безотказно.

В последнем закоулке бункера японцы поджидали его с жутким спокойствием затаившегося хищника. У них кончились боеприпасы. А ему на это было плевать. И им тоже. К тому, что произошло потом, и он, и они были готовы. Они бросились на него; один японец выхватил меч и попытался размахнуться, но в проходе высотой со сточную трубу, освещенном лишь огнем из дула автомата да трассами пуль, у него не было пространства для маневра. Эрл поливал их огнем, а они плясали жуткий танец, раздираемые на части своими собственными, японскими пулями калибра 6,5 мм. Когда они наконец попадали, он в очередной раз сменил магазин и снова расстрелял их всех потоком молний. А после этого выбросил маленький раскаленный автомат.

Эрл посмотрел на дело рук своих: это была настоящая резня. Все произошло слишком легко. Японцы не оглядывались себе за спину, их барабанные перепонки были оглушены артобстрелом и собственной стрельбой, их абсолютное чувство долга не позволяло им обращать внимание на что бы то ни было, кроме того, что творилось перед амбразурами. Он просто расстрелял их всех, иссек, искромсал потоком светящегося свинца. В дальнем углу раздался стон, и он подумал: кто-то все-таки жив. Но в следующее мгновение он услышал лязгающий звук, означавший, что граната приведена в действие, и ему удалось выскочить на поверхность, наверно, за одну десятую долю секунды до того, как эта граната взорвалась, прикончив градом осколков последних недобитых японцев.

Оказавшись снаружи, Эрл прислонился к стенке хода сообщения и стоял, жадно хватая ртом воздух. Его люди заняли Чарли-дог сразу же после того, как замолчали пулеметы бункера, но если они и обращались к нему, то он ничего не слышал: грохот от стрельбы в бункере оглушил его.

«Огня туда!» – выкрикнул он.

Одна из команд огнеметчиков направила внутрь бункера жерла своих орудий и вычистила подземелье пламенем с температурой две тысячи градусов; огонь внутри был настолько яростным, что всем пришлось отойти подальше от входа.

Капитан сказал, что, черт побери, он никогда не видел ничего подобного, вот только капитан этот был из какого-то места под названием Йель и поэтому он произнес своим странным, по-девчоночьи тонким голосом: «Едва ли мне когда-либо доводилось видеть более великолепный пример агрессивного поведения в полевых условиях». Или что-то наподобие этого.

Эрл и его бутылка исполнили еще один тур своего танца. Очередной удар вышиб мысли из его головы, но вскоре мысли вернулись снова.

Докучливее всего вели себя лица. Но они постепенно исчезали. В один тяжелый день в госпитале на Гуаме, куда Эрл угодил после неприятной раны, полученной на Иво, он сделал кое-какие подсчеты и обнаружил жестокую истину.

Он был сержантом во Второй дивизии морской пехоты, потом взводным сержантом в той же Второй дивизии, потом ротным ганнери-сержантом там же. Когда в сентябре 1944-го формировали новую Пятую дивизию морской пехоты, его включили в ее 28-й полк и повысили до первого сержанта роты «А». В общей сложности под его командованием находилось 418 молодых морских пехотинцев, а сам он пребывал в прямом подчинении у трех лейтенантов, капитана и, наконец, у майора. Из всех этих людей 229 были убиты. Никто из остальных не обошелся без ранений; и он тоже относился к их числу: семь ран, из них три тяжелых. Из офицеров не уцелел никто. Из его друзей НКО, с которыми он служил с момента поступления 7 декабря 1941 года в отряд морской пехоты, стоявший в Панаме, выжил он один. Из той роты контрактников погибли все, включая офицеров, кроме него самого. Из его первого взвода второго полка морской пехоты, попавшего на Гуадалканал, он был одним из десятка уцелевших; из роты в 232 человека, высадившейся по горло в воде у берега Таравы, выжило тридцать три человека, и он в том числе; из роты в 216 человек, атаковавшей покрытый черным вулканическим песком пляж на Иво, осталось 111 человек, считая его, но он не имел никакого понятия о том, сколько из них получило тяжелые ранения и оказалось покалечено. На Тиниане и Сайпане цифры были не такими страшными – если, конечно, судить по стандартам войны на Тихом океане.

Эрл знал, что не должен был остаться в живых, что это нарушение всех законов математики и что медали, которыми его награждали, давались главным образом за грубое насилие над цифрами, а вовсе не за какой-то там героизм. Манила Джон Бэзилоун, самый храбрый человек, какого ему доводилось видеть, получил медаль Почета за горный хребет на Гуадалканале, где он остановил японское наступление, имея лишь пулемет тридцатого калибра с водяным охлаждением, боевой дух и ничего больше; потом он совершил поощрительное турне по Штатам, стал знаменитостью, женился на хорошенькой девчонке и был разорван снарядами на мелкие кусочки в первый же день боев на черном песке Иво.

По другую сторону от стойки бара Эрл видел себя в зеркале, видел свои глаза, черные, как вода во время паводка, когда она все поднимается и поднимается, пожирая один за другим клочки земли. Его щеки ввалились, а серые губы беззвучно шевелились, будто у сумасшедшего. Он сглотнул, зажмурился и открыл глаза, чтобы снова взглянуть на себя. И увидел опустошенного человека, человека настолько усталого и потерянного, что он вряд ли стоил того кислорода, который вдыхал, или бурбона, который пил.

Он чувствовал, что недостоин вообще ничего.

«Никуда ты не годишься», – услышал он голос отца и был полностью согласен со стариком.

«Никуда я не гоюсь. Любой из этих парней был куда лучше меня. Почему, черт побери, я не с ними?»

Эрл сделал очередной огромный глоток бурбона, прикончив бутылку, и посмотрел на часы. Перед глазами у него все расплывалось, так что он не смог разглядеть ни цифр, ни стрелок, но, судя по количеству выпитого, поезд в Форт-Смит должен был уже уйти, и теперь ему оставалось только расплатиться за все.

Он неуверенно поднялся, нетвердой походкой пересек бар и нашел мужскую комнату. Войдя туда, он закрыл за собой дверь, запер ее на защелку, не спеша помочился, вынул свой пистолет и взвел курок.

Никогда за всю войну он не чувствовал себя таким несчастным, как сейчас. Было так несправедливо, что он жив, а столько других парней мертвы, и что у него в кармане валяется медаль, которая удостоверяет, что он герой, а у них имелись только белые кресты на островах, которые никто никогда не будет посещать, и скоро все они окажутся забытыми.

Эрл приложил дуло к виску, почувствовал прохладное прикосновение круглого отверстия. Его палец лег на спусковой крючок, а затем нажал на него.

Выстрела не последовало.

Пистолет дернулся, как всегда бывает, когда курок бьет по ударнику, который сейчас ударил в пустоту. Эрл посмотрел на оружие, затем немного оттянул затвор и убедился, что патронник пуст. Вынув магазин, он обнаружил там шесть патронов сорок пятого калибра. Значит, кто-то очень аккуратно вынул магазин, извлек патрон из патронника и вставил магазин на место. Он *знал*, что зарядил пистолет сегодня утром.

Неужели это сделала Джун? Но ведь она совершенно ничего не понимала в оружии. Тогда кто? Может быть, он сам забыл дослат патрон? Что, черт возьми, происходит?

Эрл перезарядил пистолет, оттянув затвор и дослав патрон, а потом аккуратно спустил курок с боевого взвода.

После этого он убрал оружие за пояс, оправил китель и отпер дверь.

Вестибюль «Карлтон-отеля» был ярко освещен и переполнен буйством красоты. Свет, казалось, весело танцевал, как будто стены были стеклянными. Вероятно, празднование дня победы над Японией еще не закончилось. Здесь было множество хорошеньких молодых женщин и их поклонников, и все настолько возбуждены из-за телевидения и реактивных самолетов, что с трудом сдерживали свое волнение.

Эрл пробрался сквозь толпу веселящихся. Все были в смокингах или вечерних платьях; радостная молодежь суежилась, жадно ожидая прихода великолепного завтра.

Все юноши были чисто выбриты и казались неженками; он знал, что не должен ненавидеть их, но он их ненавидел, и, позволив этой ненависти пробиться сквозь владевшую им тоску, он почувствовал, что ему нужно выпить. Не еще одну бутылку бурбона, а что-нибудь такое, что помогло бы утихомирить головную боль, вроде коктейля, джина с тоником или мятного джулепа. Он поглядел на циферблат своего «гамильтона» и с облегчением обнаружил, что все же не опоздал на поезд: еще не было семи часов. У него даже оставалось время для...

– Сержант Свэггер?

Он обернулся.

Перед ним стояли двое мужчин. Один, лет тридцати, был настоящим красавцем – лощеным, с блестящими черными волосами и зубами как у кинозвезды. Второй – намного старше, мрачный тип с грустным морщинистым лицом и медленными движениями. Костюм не позволял полностью скрыть его необыкновенно длинные руки, а из рукавов торчали самые громадные кисти, какие Эрл когда-либо видел у человека. Его мягкая фетровая шляпа была небрежно сдвинута на затылок, а поношенная сорочка только условно могла считаться белой – она была застирана до серости, и на ней даже виднелись пятна. Но взгляд его был настолько настороженным и быстрым, что Эрлу сразу же пришел на память Воюющий Безумец Смит или какой-нибудь другой старый, закаленный в бесчисленных сражениях морской пехотинец. На груди у этого человека Эрл увидел прикрытый галстуком ремень, выдававший наличие наплечной кобуры, а по натяжению этого ремня ему стало ясно, что в кобуре у незнакомца лежит нешуточная пушка.

– Сержант Свэггер, – произнес первый с интонациями, по которым Эрл сразу же понял, что этот красавчик имеет непосредственное отношение к его родному штату, – мы ждем вас.

Ваша супруга наверху собирает вещи. Она сказала, что вы задержитесь в городе и придете позже.

– В чем дело, сэр? – спросил Эрл.

– Сержант Свэггер, мы прибыли, чтобы предложить вам работу.

– Работу? У меня уже есть работа. Я ворочаю бревна на одной проклятой лесопилке.

– Нет, речь идет о работе в правоохранительных органах.

– Кто вы, черт возьми, такие?

– Меня зовут Фред К. Беккер, и неделю назад я одержал победу на специальных выборах на должность окружного прокурора в округе Гарленд, Арканзас.

– В Хот-Спрингсе? – уточнил Эрл. – И что же вам нужно от меня?

– Хот-Спрингс – это самый дикий город в Америке. У нас есть игроки, у нас есть убийцы, у нас есть шлюхи, у нас всяких мошенников больше, чем вы можете себе представить, и многие из них ходят в полицейской форме и носят оружие. Всем заправляют нью-йоркские бандиты. Прямо говоря, сэр, я намерен очистить этот содом и гоморру, и я ищу подходящего человека. А все, с кем я разговаривал, указывали мне на вас как на лучшего из лучших.

Глава 03

Самый высокий небоскреб города был увенчан очаровательным шпилем в стиле, представлявшем собой смесь ар-деко⁵ и византийского и символизирующем декадентские прелести империи. А управление империей осуществлялось из квартиры на верхнем этаже.

– Это же прямо Нью-Йорк, а? Я хочу сказать, нельзя не согласиться, что это самый настоящий Нью-Йорк, – заявил гордый хозяин своему самому почетному гостю.

– Ваша правда, – поддержал его гость.

Они очень подходили друг к другу. Один, говоривший с английским акцентом, лет пятидесяти пяти, пяти футов десяти дюймов ростом, очень крепкий, но не толстый, с красивым смуглым лицом, как раз и являлся хозяином. Белый смокинг сидел на нем изумительно и казался столь же неотъемлемой его частью, как сливки неотъемлемы от молока, которое наливает трудолюбивая доярка. В петлицу лацкана была вдета гвоздика, настолько свежая, что казалось, будто на ней искрится роса. Его волосы были приглажены назад, и он курил сигарету, вставленную в мундштук. Лицо его украшали небольшие щеголеватые усики, тонкие как ниточка, говорившие не только о мужественности их обладателя, но и о немалом умении и находчивости в бизнесе, а также и в сердечных делах. В другой руке он держал высокий, на тонкой ножке, бокал с мартини. На манжетах сверкали ониксовые запонки.

– Не, – сказал гость, – я ничего против не имею, вы же понимаете. Это красиво. Это очень красиво. Но я же простой парень. Я заполучил дом из тех, что называют тюдоровскими. Он выглядит так, словно в нем мог бы жить король вашей страны.

– Да, старина. Я знаю этот стиль. Весьма приемлемый, я бы сказал. Он действительно назван по имени королевской семейки.

– Ага, – согласился гость, – это как раз для меня. Чем я не самый настоящий гребаный король?

Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

Его лицо было более румяным, чем у собеседника. От него исходила животная жизненная сила. Он тоже носил прекрасно сшитую одежду, но более спортивного стиля: кремовый льняной пиджак поверх безупречно отглаженной темно-синей сорочки с расстегнутым воротником, свободные брюки из тончайшей шерсти с начесом и ослепительно белые туфли. Ансамбль дополнял эскотский галстук – маленькая вспышка багрового шелка. В сильных пальцах человек крутил дорогую гаванскую сигару.

– Но это клево, – продолжил он, чуть помолчав. – Настоящий шик.

Он был ниже ростом, более мускулистый, загорелый почти докрасна, вообще имел более спортивный вид. У него были большие руки и широкие плечи. Такими часто бывают полузащитники. Его глаза вспыхивали особенно ярко, когда он обшаривал взглядом комнату. Он не был дураком, но не отличался и блестящим умом.

– Вы знаете, кто это сделал? – спросил хозяин.

– Это?

– Обстановку. Нужно нанять декоратора. Незачем заниматься самому. Сам ни за что не влезешь во все тонкости.

– О! – воскликнул спортсмен. – Ага, декоратор.

⁵ Ар-деко – декоративно-оформительский стиль 20 – 30-х гг. XX в... соединивший в себе черты модерна и конструктивизма.

– Дональд Дески. Тот самый парень, который делал интерьеры в мюзик-холле Радио-Сити. А следовательно, дерево, сплошной глянец, модерн, плавные линии. Коул Портер⁶ был бы здесь в самый раз.

Он размахивал рукой с мундштуком, а вокруг сверкали великолепием его апартаменты: стены вишневого дерева, казавшиеся темными в приглушенном золотистом свете торшеров и бра, покрытая черным лаком мебель с отделкой из мерцающего мягким блеском металла. Ветерок, задувавший с террасы, колебач портьеры из шелковой парчи, а снаружи искрились бесконечно привлекательные огни города.

В углу этого собора из вишневого дерева играл маленький джаз-оркестр, и певец-негр с завитыми волосами негромко пел в микрофон. Это была гладкая, как шелк, зажигательная и быстрая песенка о красотах дороги № 66, которую никак нельзя миновать на пути к Калифорнии. Рядом с оркестром другой негр разливал напитки – по большей части мартины, но иногда также бурбон или скотч – для вихрящейся блестящей толпы. В этой толпе были и кинозвезда Дик Пауэлл – красивая голова с резкими чертами лица, венчающая сухопарое тело, – мужчина, так и светившийся красотой и доброжелательством, и его красавица-жена, необычайно миловидная женщина, какая в любом нормальном месте собрала бы вокруг себя всех присутствующих. Но только не здесь. Немного в стороне стояла Джун Оллисон, изображавшая на экране подругу Пауэлла, маленькая женщина с почти идеальной фигурой, но кажущаяся очень похожей на куклу, с очаровательными веснушками, копной белокурых волос и синими глазами с чуть заметными морщинками у уголков.

Прочие экземпляры были не столь совершенны. Здесь присутствовал писатель Джон П. Маркуэнд в окружении нескольких горячих поклонников, одетых весьма изысканно. Был здесь и звезда футбола Боб Уотерфилд, на редкость крупный мужчина с могучей мускулатурой и пышной гривой волос. Он был настолько огромен, что, казалось, мог играть без всяких защитных щитков. Журналиста-обозревателя Уолтера Уинчелла ожидали попозже. По слухам, собирался появиться также киноактер Микки Руни, но с Микки ничего нельзя было знать наверняка. О Микки все знали, что он яростно жжет свою свечу с обоих концов и потому живет по собственному распорядку. Таков уж был Микки. Еще здесь, как обычно, присутствовали различные политиканы, столпы игорного мира и их богато упакованные женщины, многие из которых даже принадлежали к весьма почтенным семействам.

Но в центре внимания находилась другая красавица. Ее плечи, бледные в золотистом свете, плавно перетекали в груди, столь пышные и мягкие, что на них могла найти отдохновение целая армия, и словно выставленные на обозрение самим покроем платья, благодаря которому ее соски отделялись от всего остального мира лишь тонкой, как паутинка, материей. Вместо талии у нее имелся тончайший перехват, который сделал бы честь даже осе. Ее широкие бедра были округлыми, а ягодичы – упругими. Красное вечернее платье из тафты выразительно подчеркивало фигуру и к тому же имело разрез, сквозь который можно было разглядеть прекрасной формы ноги, казавшиеся еще длиннее и рельефнее благодаря высоченным каблукам. И все же самым привлекательным в этой женщине было лицо, умное, но не интеллектуальное, скорее хитрое. Правда, его тонким чертам не очень соответствовал вульгарный большой рот с пухлыми губами. Глаза у женщины были ярко-голубые, кожа настолько бледная и нежная, что при взгляде на нее становилось больно, а волосы имели подлинный темно-рыжий цвет, словно пламя запретной мечты, – поразительные волосы.

– Эй, детка! – окликнул ее с противоположной стороны зала спортивный гость, вместе с которым пришла сюда эта красавица.

Она словно не расслышала его и продолжала обольстительно покачиваться под музыку, как будто пребывала в царстве грез, навеянных ритмом. Партнер нервно улыбнулся ее другу

⁶ Портер Коул (1893–1964) – знаменитый американский джазовый композитор.

и хозяину апартаментов. Партнер был маленьким бледным молодым человеком, которому повезло родиться красивым. На самом деле он не был хорошим танцором и на самом деле не танцевал с этой женщиной, а просто служил фоном для ее сольного номера, одновременно помогая красавице удержаться от перехода за грань откровенного хвастовства своей внешностью. У него были не слишком густые белокурые волосы; его звали Алан Лэдд, и он тоже порой появлялся на киноэкране.

– Пожалуй, стоит присмотреть за ней, – объяснил спортсмен хозяину, – а то с нее станется дать этому смазливому мальчишке. С нею никогда не знаешь, чего ожидать.

– Не волнуйтесь насчет Алана, – сказал хозяин, хорошо понимавший такие вещи. – Это, как говорится, не его масть, верно, старина? Нет, если из-за кого и стоит волноваться, так это из-за черных. Вот они невероятно сексуальны. Можете мне поверить, я-то знаю. У меня когда-то был клуб в Гарлеме. Эти парни дают белым женщинам покурить травки, а когда те забалдеют, они заправляют им свой африканский корень, все двенадцать дюймов. После того как белая попробует это удовольствие, мужчины своего цвета для нее больше не существуют. Я видел, как такое случалось.

– Ну уж нет, – возразил спортсмен. – Вирджиния, конечно, сука, но она знает, что, если попробует трахнуться с schvartzer⁷, я буду гнать ее пинками под задницу обратно до самой Алабамы.

Хозяин стремился во всем достичь британской утонченности и потому скривил губы, услышав эту вульгарность. Но он мужественно воздержался от замечаний.

– Бен, – сказал он, – я должен кое-что показать вам.

Он взял своего молодого собеседника под руку и направился вместе с ним через зал, то и дело кивая с самым радушным видом то одному, то другому гостю, прикасаясь к множеству рук, раздавая поцелуи, приостанавливаясь для того, чтобы позволить кому-то кого-то представить, и отлично зная о том мистическом обаянии, которым обладал. Вскоре они с гостем очутились в небольшой нише.

– Хмм, что-то я не врубаюсь, – признался Бен.

– Это живопись.

– Я понимаю, что живопись. Но почему здесь все такое квадратное, да к тому же и коричневое? Очень похоже на Ньюарк, если бы в нем вдруг появились деревья.

– Уверю вас, Бен, что наш друг мсье Брак⁸ никогда не видел Ньюарка.

– По картине этого не скажешь. Выглядит так, будто он там родился.

– Бен, попробуйте почувствовать это. Он что-то нам говорит. Включите свое воображение. Как я уже сказал, это надо почувствовать.

Красивое лицо Бена напряглось в попытке сосредоточиться, но он явно так ничего и не почувствовал. На картине «Дома в Эстаке» был изображен городской пейзаж, написанный в приглушенных коричневых тонах; справа тянулись по косой невысокие домики, слева спереди торчало грубо намалеванное дерево, и все законы перспективы нарушались самым безбожным образом. Когда хозяин смотрел на эту картину, он действительно кое-что чувствовал, а именно какие деньги ему пришлось уgroхать, чтобы ее заполучить.

– Это самое значительное произведение раннего периода кубизма в нашем полушарии, – сказал он. – Написано в тысяча девятьсот восьмом году. Обратите внимание на особенность геометрического построения, отсутствие центральной точки схода. Это предшественник Пикассо, на которого он оказал большое влияние. Она стояла мне семьдесят пять тысяч долларов.

– Вау! – воскликнул Бен. – У вас, наверно, неплохо идут дела.

⁷ Schvartzer – черный (*искаж. нем.*).

⁸ Брак Жорж (1882–1963) – французский живописец, один из основателей кубизма.

– Говорю вам, Бен, это бизнес, которым стоит заниматься. Здесь нельзя проиграть. Все у вас перед глазами, и, согласно закону больших чисел, каждый день в этом деле – выгодный день, каждый год – выгодный год. Дело просто идет само собой, и нет необходимости кого-то убивать, или взрывать, или отправлять плавать вместе с рыбами по Ист-ривер.

– Возможно, возможно, – отозвался Бен.

– Давайте выйдем и посмотрим с крыши. Ночью вид отсюда очень впечатляет.

– Ладно, – согласился Бен.

Хозяин негромко щелкнул пальцами, и сразу же появились двое чернокожих мужчин: один с новой порцией мартини, а второй с длинной толстой кубинской сигарой, уже обрешанной, и с золотой зажигалкой.

– Зажечь, сэр?

– Нет, Ральф, я же говорил тебе, что ты держишь зажигалку неверно. Если я хочу правильно прикурить сигару, я должен сам воспользоваться зажигалкой.

Негры бесшумно исчезли, а двое мужчин проскользнули между занавесками и вышли на плоскую крышу, окунувшись в душную ночь.

Неподалеку ворковали голуби.

– Птицы. Все еще возитесь с птичками, Оуни? – заметил Бен.

– Я пристрастился к ним во время сухого закона. Голубь никогда не предаст, уж поверьте мне, старику.

Голуби, обитавшие в изумительно чистых клетках, стоявших в несколько рядов около стены, ворковали и шуршали в темноте.

Оуни одним большим плотком прикончил свой мартини, поставил стакан на стол и подошел к клеткам. Открыв одну, он вынул оттуда птицу, поднес ее к лицу и потерся подбородком о гладкую головку.

– Такая славная, – сказал он. – Такая чудесная девочка. Сладенькая моя. Малышка.

Исполнив этот ритуал, он вернул голубя в клетку, двумя пальцами извлек из кармана сигару и умело зажег ее: сначала неторопливым движением провел огоньком зажигалки вдоль сигары, затем начал поджигать кончик, вращая сигару в пальцах. И лишь через некоторое время втянул в себя дым, позволив горящему кончику ярко запылеть, просмаковал все нюансы вкуса и выпустил изо рта густое серое облако. Ветерок сразу же подхватил дым, унес его и развеял над центром города.

– А теперь взгляните, – сказал Оуни, подводя собеседника к краю террасы.

Двое мужчин стояли неподвижно. За их спинами резвился джаз, раздавались взрывы смеха, звон стаканов и льда.

Перед ними тянулся, плавно изгибаясь, великий белый путь.

Огни светили снизу вверх, заполняя небо блеском иллюминации. На широкой дороге кишели толпы; с такой высоты нельзя рассмотреть отдельных людей, зато отлично было видно движение людских масс, волны, гулявшие по огромному беспокойному морю, носившему название человечества. На проезжей части образовалась пробка, и полицейские отчаянно трудились, пытаясь справиться с затором. Сквозь нестройный хор автомобильных гудков то и дело пробивались похожие на выстрелы звуки выхлопов и взвизгивания шин и тормозов. Можно было подумать, что по обеим сторонам широкой улицы столпился весь мир, глядевший, разинув рты, на маленькую местную драму, и эта толпа казалась единым организмом, мечущимся из стороны в сторону в попытке захватить все имеющиеся здесь удовольствия.

– В самом деле, это хорошее место, – сказал Оуни. – Работает, жужжит помаленьку, и все счастливы. Это настоящая машина.

– Оуни, – прочувствованно произнес Бен, – вы проделали здесь огромную работу. Все так говорят. Оуни Мэддокс, о, он управляет большим городом. Ни одним другим городом не

управляют так хорошо, как городом Оуни. В городе Оуни все счастливы, в городе Оуни не счесть «капусты». Оуни – это, черт возьми, самый настоящий король!

– Я очень горжусь тем, что создал, – откликнулся Оуни Мэддокс, глядя на свой город Хот-Спрингс в штате Арканзас, на большой бульвар, по сторонам которого расположились бесчисленные казино, ночные клубы, публичные дома и бани, на Сентрал-авеню, плавно обтекавшую здание «Медикал арт», на шестнадцатом, верхнем этаже которого располагался его пентхаус.

– Да, всегда полезно узнать пару-другую новых долбанных штучек, – заметил его гость, Бенджамин Сигел по прозвищу Багси из Лос-Анджелеса, Калифорния, входивший в организованное преступное сообщество, имени которого тогда, в 1946 году, еще не знали ни следователи, ни исследователи, зато участники этой организации называли ее просто: «Наше дело», а те из них, кто происходил из Сицилии, – на итальянский манер: «Коза ностра».

Глава 04

Бар «Карлтон-отеля» относился к числу тех мест, где Эрл ощущал себя совершенно не в своей тарелке. Здесь преобладали формы, каких никогда не встретишь в природе, главным образом круглые: круглые зеркала с вытравленными матовыми надписями и узорами, круглая стойка коктейль-бара, круглые небольшие столики, округлые стулья с броской полосатой обивкой. Такой бар скорее ожидаешь увидеть в ракетном корабле, направляющемся на Луну или на Марс.

«Хорошо-О-О бы нам бы-ЫТЬ поумеренне-Е-ЕЙ», – пел по радио какой-то славный юноша, делая непонятные завывания в тех местах, где, по логике, ничего подобного ожидать не приходилось. Все здесь были молоды, жизнерадостны, возбуждены, полны энергии. Над баром, уставленным таким количеством бутылок, что можно было бы без труда напоить в лежку чуть ли не целую дивизию, плыл челн, несший на себе молодую богиню, обнимавшую за шею своего любимого оленя. Богиня была бакелитовая, изваянная руками искусного скульптора; ее хрупкие ребра, казалось, двигались в такт дыханию, и ребра ее оленя тоже, и обе фигуры влажно блестели, покрытые мельчайшими капельками воды из фонтанчика, устроенного таким образом, чтобы орошать крошечные, заодно торчащие грудки.

– Эй, вы только посмотрите на это, – воскликнул старший из новых знакомых Эрла. – Неужели это не переплюнет Всемирную ярмарку в Сент-Луи?

Эрл лишь мельком бросил взгляд в том направлении. Ему казалось, что все это неправильно. Скульптура была голой. Он был пьяным. Мир был молод. Он был стар.

Трое мужчин целеустремленно направились к последнему столику в ряду, расположенному под зеркалом, покрытым резными изображениями виноградных гроздьев, собак и женщин. Это было очень странно. Ничего подобного этому на Иво не было.

Подошла девушка. Беккер взял мартини, старик – содовую, а Эрл – тот же самый «Джим Бим», к которому теперь испытывал прямо-таки нежную привязанность.

– Вы не пьете, сэр? – спросил он у старшего.

– Уже нет, – ответил тот и повторил: – Уже нет.

– Во всяком случае, – сказал Беккер, возвращаясь к делам, – я выиграл внеочередные выборы, и мы получили мандат только потому, что доказали: подушный налог распределяется городской администрацией неправильно. Мы – это я и еще двенадцать молодых людей, все ветераны, повоевавшие за морями и знающие, что такое долг. Со следующего вторника я становлюсь окружным прокурором Гарленда. Но из всех тринадцати победить удалось только мне одному. Поэтому, когда подойдут очередные выборы – в конце осени, – могу открыто сказать, что меня ждет. Ничего хорошего.

Эрл присмотрелся к нему повнимательнее. Красивый парень, очень уверенный в себе. А этот печальный старый трезвенник с настороженными глазами и большими руками никак не годился ему в компанию. Кто они такие? И чего они хотят?

– Так что я оказался в неприятном положении, – продолжал Беккер. – Я все время получаю письма с угрозами, за моей женой следят в открытую, и все становится чем дальше, тем хуже. Хот-Спрингс. Несчастливое место. Полностью коррумпировано. Считается, что городом управляют старый задавака мэр и судья, но можете сразу забыть о них. Реальная власть у нью-йоркского гангстера по имени Оуни Мэддокс, за которым стоят парни с большими деньгами. Они всем владеют и имеют свой кусок от каждого пирога.

– Я пока что не вижу, при чем здесь Эрл Свэггер.

– Ну, я как раз к этому подхожу. Сержант, этот самый Оуни Мэддокс очень не хочет, чтобы кто-нибудь встревал в дела его империи. Но я приносил присягу и обязан это сделать.

– Вы, наверно, хотите нанять меня телохранителем, – предположил Эрл. – Но я никакой не телохранитель. И не знаю ровным счетом ничего об этой работе.

– Нет, сержант, я хочу не этого. Чтобы выжить, я должен атаковать. Если я уйду в оборону, то все, пиши пропало. У нас есть шанс, небольшой промежуток времени, в течение которого мы можем прибрать к рукам Хот-Спрингс. Сейчас они спокойны и не боятся меня, потому что остальные кандидаты проиграли. «Что может сделать один человек?» – думают они. Если мы будем действовать напористо, то сможем добиться своей цели. Сейчас мы можем их переиграть.

– Но я вовсе не реформатор.

– Зато вы знаете Хот-Спрингс. Ваш отец был убит там в сорок втором году, когда вы воевали с японцами.

– Вы копались в моих бумагах? – резко спросил Эрл.

Он не был уверен, что ему это хоть сколько-нибудь нравится. Хотя, в конце концов, этот человек представлял собой закон и был избран должным образом.

– Мы навели некоторые справки, – пояснил старик.

– В таком случае вы должны знать, что это был не Хот-Спрингс. Это был городишко на холме на изрядном расстоянии от Хот-Спрингса, даже ближе к его собственному округу. Маунт-Ида. И я тогда вовсе не дрался с японцами. Я сидел в поезде с двумя тысячами других сосунков, и мы тащились через всю страну, чтобы попасть на пароход и отправиться на Гуадалканал. К тому же мне совсем не знаком Хот-Спрингс. Отец ни за что не пустил бы нас туда. Хот-Спрингс в восьмидесяти милях к востоку от нас, и дороги там никудышные. И это город дьявола. Мой отец был баптистом до мозга костей, верил в адский огонь и вечное проклятие. Да если бы он узнал о том, что я только лишь захотел съездить в Хот-Спрингс, он сразу же засек бы меня до смерти.

– Э-э, в общем... – только и сумел проблеять Беккер, столкнувшись с упрямством Эрла, которое иногда охватывало его без каких-либо видимых причин.

Эрл сделал еще один глоток бурбона, вернее, смочил губы, потому что не хотел, чтобы его мозги снова затуманились. Впрочем, у него не возникло никаких добрых чувств по отношению к Беккеру. Он взглянул на свой «гамилтон». Стрелки подползали к 7.30. Скоро ему нужно будет идти. А эти парни... в какую еще чертовщину они собираются его втянуть?

Он посмотрел на старика, неподвижно сидевшего рядом с Беккером. Почему тот казался чем-то знакомым ему?

– В таком случае, сержант...

Но Эрл пристально уставился на старика, а потом выпалил:

– Извините меня, сэр, я, кажется, не расслышал ваше имя.

– Паркер, – сказал старик. – Ди-Эй Паркер.

И это имя тоже было ему откуда-то знакомо.

– Вы не имели отношения к?... Нет.

– К кому?

– Вы не имели отношения к тому агенту ФБР, который разделался со всеми этими «джонни» в тридцатые годы? С Младенцем Нельсоном, Джоном Диллинджером, Ма Баркер, Бонни и Клайдом. К агенту, который ходил в перестрелки с плохими парнями во время Великой депрессии. Был в свое время знаменит. Американский герой.

– Я вовсе не имел к нему отношения, – сказал старик. – Я и есть Ди-Эй Паркер.

– Ди-Эй Паркер!

– Да, это я. Я больше не работаю в Бюро. И кстати, я никогда не стрелял в Джонни Диллинджера, хотя пару раз и подбирался к нему довольно близко. Что касается Бонни и Клайда, я тут тоже ни при чем. Это сделали техасские рейнджеры, они настигли этих негодяев в Луизиане, и им потребовался целый день серьезной работы. Я нагнал Ма и ее мальчишку

Фредди во Флориде, но не думаю, что в могилу ее отправил мой выстрел. Мы полагаем, что она покончила с собой. Я действительно выпустил одиннадцать патронов во Фредди, и это положило конец его карьере. И я действительно два раза сталкивался с Младенцем. Мы обменялись выстрелами. Я до сих пор таскаю при себе не только пулю сорок пятого калибра, которую он всадил мне в ногу, но и ту пушку, из которой она вылетела.

Паркер подался вперед и шевельнул плечом, позволив пиджаку распахнуться. Эрл взглянул туда и увидел рукоять пистолета с приваренной к затвору прицельной рамкой. Оружие, упрятанное в необычную кожаную кобуру и придерживаемое ремнем – с первого взгляда было видно, что кожа изрядно потерта, – не причиняло своему хозяину ни малейшего неудобства. Эрл заметил, что курок взведен, а это уже характерный признак настоящего *pistolero*⁹.

– Как бы там ни было, Свэггер, – сказал Беккер, пытаясь вернуть себе инициативу в разговоре, – мы сейчас собираемся устроить рейд.

– Рейд?

– Вот именно. Я собираю специальную команду. Все молодые, неженатые или овдовевшие офицеры¹⁰, не из Арканзаса, поскольку я не могу допустить даже доли вероятности того, что кто-то из них окажется подкупленным, и не желаю, чтобы их семьи подверглись опасности. Эта группа будет подчиняться только мне и не будет включена в состав полиции; вообще никак не будет связана с полицией – ни изнутри, ни снаружи. Мы ударим по казино, публичным домам, букмекерским конторам, по всем заведениям, которыми заправляют бандиты, будь они первоклассными или низкопробными. Мы будем очень хорошо вооружены. Мы обложим их. В этом вся суть: обложить их и давить до тех пор, пока они не почувствуют это и не подожмут хвосты.

Беккер говорил так, как будто произносил речь, и Эрл сразу же понял: это лишь часть того, что этот молодой человек запланировал для жителей Хот-Спрингса. И в особенности для одного из жителей Хот-Спрингса, по имени Фред Беккер.

– Звучит так, будто вам потребуется серьезная огневая, мощь, – заметил Эрл.

– Совершенно верно, – согласился Ди-Эй. – Я уже раздобыл на черном рынке шесть «томпсонов» двадцать восьмого года. Три БАР¹¹. Несколько карабинов. И поскольку я потратил последние четыре года, работая на «Кольт», мне удалось устроить так, что мы получим восемнадцать пушек совершенно новой модели «нэшнл мэтч» сорок пятого калибра. Плюс к тому у нас имеется более пятидесяти тысяч патронов, лежащих на армейском складе в Ред-Ривере, где мы некоторое время будем проходить подготовку. Я и еще двенадцать парней; нам очень недостает только одного – сержанта.

– Понимаю, – сказал Эрл.

– Нам требуется инструктор, – уточнил Беккер.

– Эрл, я уже слишком стар, – сказал Ди-Эй. – Я очень много лет размышлял на эту тему. Я участвовал в рейдах, которые устраивало не только ФБР, но и еще раньше – Отдел полиции Оклахома-Сити. Я попадал в двадцать восемь перестрелок и получил четыре дырки. Я убил восемнадцать человек. Опыт достался мне не просто так, и теперь я глубоко убежден: когда дело доходит до оружия, у американского полицейского очень мало шансов, поскольку он не имеет достаточной подготовки. Поэтому я хочу одного: создать профессиональную, хорошо обученную рейдовую группу. Безукоризненное взаимодействие, полная взаимозаменяемость, обучение, подготовка и тренировки, тренировки, тренировки. Говоря о полицейских, я имел в виду и ФБР, особенно теперь, когда всех старых стрелков повышибали. Когда

⁹ *Pistolero* – наемный убийца (*исп.*).

¹⁰ Офицер – в США это самое распространенное обращение к любому полицейскому, независимо от чина.

¹¹ БАР – автоматическая винтовка системы «браунинг» (*Browning automatic rifle*).

Младенца прикончили, он забрал с собой двух прекрасных молодых агентов ФБР, потому что они не были достаточно хорошо обучены иметь дело с таким типом, беспредельно жестоким и храбрым, как бешеный бык и раздраженный гусь, вместе взятые. Господи, как мне жаль, что я не оказался там в этот день! Они всадили в него семнадцать пуль, а он продолжал отстреливаться и уложил их обоих. Он был той еще штучкой. Поэтому, черт побери, мне нужна отлично обученная команда, обученная лучше всех. Но мне нужен кто-то, кто стал бы хлестать этих лодырей шомполами. Я намерен быть старым папашей, мудрым и спокойным. Но мне позарез необходим полноценный погоняла, который будет непрерывно хлестать их по задницам и вбивать в их головы все уроки до последних мелочей. Мне нужен такой человек, который не побоится стать ненавистным для всех, потому что быть ненавистным – это часть его работы. Мне нужен такой человек, который не раз стоял лицом к лицу с вооруженными врагами и убивал их, а не они его. Мне нужен, черт возьми, стопроцентный герой. Теперь-то вы видите, при чем здесь Эрл Свэггер?

Эрл чуть заметно кивнул.

– Эрл, – сказал Ди-Эй, – вы годитесь для этой работы, как ни один другой человек на земле.

– Похоже на то, – согласился Эрл, глядя на ярко одетую, веселую молодежь, потягивающую шампанское, танцующую джиттербаг, залиvisto смеющуюся, сжимающую в объятиях такую же молодую плоть, и подумал: «Проклятье, я снова дома».

Глава 05

За окном тянулась Западная Виргиния, хотя, возможно, это был Огайо. Ночью трудно определить точно, да и поезд неудержимо мчался вперед. Эрл сидел в отдельном купе, наблюдая, как за окном в темноте пролетает Америка, и чувствовал, как вагон потряхивало на стыках. Голова у него болела, зато после целого дня героического пьянства он чувствовал себя более или менее трезвым.

Отдельное купе было последней подачкой страны одному из ее героев. Обладателю медали Почета не подобало ехать на жестком сидячем месте, не полагалось пытаться дремать вполглаза в неудобной позе, потому что в ребрах у него все еще сидел металл и спина болела. Но он не пил.

Джун спала на нижней полке. Эрл отчетливо слышал ее ровное дыхание. Но сам он все еще сидел на кожаном диванчике перед маленьким круглым столиком, ощущая дорожный ритм и устремляясь мыслями вперед, к тому, что станет его новой судьбой. Потом Джун заворочалась.

– Эрл?

– Я думал, что ты спишь, милая. Тебе нужно немного поспать.

– Я не могу спать, если ты никак не заснешь. Эрл, с тобой все в порядке?

– Да, мэм. Все хорошо.

– Эрл, ведь ты пил, правда? Я чувствую запах.

– Да, я останавливался, чтобы выпить, пока гулял. Я праздновал. Я был счастлив. Я повстречался с президентом. Я побывал в Белом доме. Я получил большую медаль. Меня фотографировали. Таких дней бывает немного.

– Эрл, кстати, о медали. Она оказалась в кармане твоих форменных брюк. Лента вся помялась. Я положила ее в коробку. Ты должен беречь ее. Когда-нибудь ты передашь ее сыну.

– Знаешь, милая, если у меня когда-нибудь будет сын, не думаю, что я скажу ему: «Вот, смотри, каким великим человеком был твой отец». Так что, если у меня будет сын, я позволю ему просто вырасти без всяких баек о том, какой я славный и знаменитый, тем более что сам никак не припомню в своей жизни ни одного такого вот проклятого великого дня.

– Эрл, ты все это время такой сердитый.

– Я переборю это, клянусь тебе, Джуни. Я знаю, что для тебя это будет нелегко. Понимаю, что теперь совсем не похож на того человека, за которого ты вышла замуж.

– Тот Эрл был красивым и гордым и в своей форме выглядел просто восхитительно. Он был похож на кинозвезду. Все девушки были без ума от него. А я так влюбилась в него! Боже, я тогда думала, что не доживу до рассвета. А потом он пригласил меня танцевать. Но этот Эрл более человечен, чем тот. Да, этот Эрл больше мужчина, настоящий мужчина. Он делает свою работу, даже если ненавидит ее, и никогда ни на кого не жалуется. Он настоящий мужчина, и теперь он каждую ночь будет дома, и мне больше не нужно бояться, что придет какое-то письмо, где будет сказано, что он убит.

– Сладенькая моя, какой же ты персик. Ты лучше всех на свете.

Он наклонился в темноте и поцеловал жену.

Она прикоснулась к нему рукой; это было прикосновение особого рода, говорившее о том, что нынешняя ночь очень хороша для телесной близости. Но он остался сидеть.

– Я сначала должен кое-что тебе сказать.

– Эрл, мне не нравится этот тон. В чем дело? Это касается тех двоих типов, которые явились в отель искать тебя?

– Да, ты права.

– Хлыщ в дорогом костюме и печальный старик. Хлыщ мне очень не понравился.

– Мне он тоже не слишком понравился, но тут уж ничего не поделать. Его зовут Беккер, и когда-нибудь он станет большой шишкой. Он уже сейчас политический деятель, избран на серьезный пост. Эти два парня предложили мне работу.

– Ты согласился?

– Это означает немного больше денег. И еще, что я не оставлю свои пальцы в пилораме. Они обещали платить мне сотню в неделю. Получается больше пяти тысяч долларов в год, не считая, конечно, налогов. У них также предусмотрены страхование жизни и медицинские выплаты от штата Арканзас, так что можно будет не беспокоиться об оплате докторов. Они даже подбросили мне денег на новую одежду. Мне следует купить несколько костюмов.

– Но это опасно.

– Почему ты так думаешь?

– Чувствую по твоему голосу.

– Конечно, может возникнуть некоторая опасность. Но вовсе необязательно. Главным образом это будет обучение.

– Обучение?

– Придется обучать нескольких мальчишек. Я буду работать с молодыми полицейскими, натаскивать их по части пользования огнестрельным оружием, учить стрельбе, движению, основам тактики, может быть, кое-чему из дзюдо и тому подобному.

– Эрл!

– Да, мэм?

– Эрл, ты будешь готовить их к войне?

– Ну, не совсем, милая. Ничего похожего на войну. Им нужно совершать облавы в игорных заведениях. Этот парень – новый окружной прокурор Гарленда.

– Хот-Спрингс!

– Да, Хот-Спрингс. Он намерен попытаться очистить город.

– Мы переезжаем в Хот-Спрингс?

Да будь он проклят, если отложит это хотя бы ненадолго. Он сделает так, что она с величайшей радостью воспримет идею переезда из поселка для ветеранов в Кемп-Шаффи туда, где у них, возможно, будет дом со стенами, ровными от пола до потолка, а не сходящимися кверху от середины, с настоящим полом вместо грубого настила из некрашенных досок, которые никогда не бывают чистыми, с потолком, который не гремит и не протекает под дождем. У них будет большой холодильник, и ей не придется ходить за покупками каждый день. Душ будет прямо в доме, а может быть, не только душ, но и ванна. И плита будет газовая.

– Пожалуй что переедем, – сказал он, помолчав. – Пожалуй что скоро. У нас будет хороший дом за городом, подальше от суеты. Там, в этом городе, вскоре может начаться изрядная суета.

– Но ведь я туда не еду, ведь так, Эрл?

– Нет, мэм. Не сразу. Мне нужно будет сначала осмотреться самому. Но тебе не о чем беспокоиться. Зарплату будут переводить прямо тебе. Ты сможешь положить часть денег на счет в банке штата, а то, что мне потребуется на текущие расходы, я буду получать по чекам. Ты хорошенько продумаешь, что нам может понадобиться, а уж потом, через некоторое время, мы переедем насовсем.

Джун ничего не сказала. Она передернула плечами, повернулась на спину и напряженно уставилась в верхнюю полку. Когда же выражение ее лица несколько смягчилось, стало казаться, что мыслями она далеко-далеко от этого темного купе.

– Ты понимаешь, в первые дни просто не удастся устроить тебя там, – сказал он. – Придется немного подождать. Я некоторое время пробуду в Техасе; там мы будем обучать этих ребяташек, а после переберемся в Гарленд. Но я даже не буду ходить в рейды. Я нужен

им как инструктор и сержант. Я должен согнать всех этих мальчишек в одно стадо, точно так, как это было в Корпусе, только и всего. Там действительно существует проблема безопасности, по крайней мере так они говорят, но ведь ты же знаешь, нужно только не забывать об осторожности, вот и все.

– Я все могу отгадать по твоему голосу. Ты будешь ходить с ними на облавы. Такой у тебя характер.

– Это не планируется. Они вовсе не хотят, чтобы великий герой вроде меня совался под выстрелы.

– Они-то, может, и не планируют, но твой характер не переделать, и ты будешь следовать его велениям. То есть водить людей в бой и делать все возможное, чтобы они уцелели. Такой уж ты есть.

– Об этом и разговора не было. Мы не хотим брать туда с собой женщин только из простой предосторожности. Очень уж в Хот-Спрингсе все прогнило. И уже в течение многих лет. Все полицейские продажны, газеты продажны, и судьи тоже продажны.

– Я слышала, что там полным-полно гангстеров и шлюх. Что и Аль Капоне, и Элвин Карпис, и Ма Баркер ездили туда отдыхать и принимать ванны на горячих водах. Что у них есть оружие и убийцы. Что там убили твоего отца.

– Мой отец погиб в Маунт-Иде, но мог погибнуть где угодно, где только есть мерзавцы, которым нравится грабить других людей, а такие есть повсюду на земле. Он не имел никакого отношения к Хот-Спрингсу. Это совсем другая история, и не верь ты никаким слухам. Тут дело в деревенских парнях, которые любили повсюду ходить с дробовиками.

– О, Эрл, ты совершенно не умеешь лгать. Ты снова отправляешься на войну, потому что война – это то, что ты лучше всего знаешь и больше всего любишь. А меня ты собираешься оставить в Форт-Смите, где я никак не смогу связаться с тобой, и мне останется только сидеть и ждать, не притащится ли кто-нибудь с телеграммой и не скажет: о, миссис Свэггер, штат Арканзас скорбит вместе с вами, потому что ваш муж Эрл погиб. Но не расстраивайтесь, все в порядке, он был настоящим героем, и вот вам еще одна позолоченная железка, которая вознаградит вас за эти неприятности.

– Джуни, клянусь тебе, ничего со мной не случится. А даже если и случится... ну, черт возьми... в общем, ты получишь пять тысяч, и ты самая красивая девчонка во всем Форт-Смите, и тебе не нужно будет продолжать ютиться в хижине. К тому времени, когда кончится вся эта неразбериха с жильем, ты, вероятно, сможешь подыскать себе хорошую квартиру. Скоро все наладится, клянусь тебе.

– А кто вырастит твоего сына?

– Моего... Но у меня же нет сына.

– Может быть, это дочь. Неважно, он это или она, но оно растет у меня в животе.

– Господи, – сказал Эрл.

– Я не стала говорить тебе до окончания церемонии, потому что хотела, чтобы ты не отвлекался ни на что другое. А потом ты ушел, и тебя не было весь день.

– Мне очень жаль, милая. Я даже и подумать не мог.

– А чего еще, по-твоему, нужно было ожидать? Или ты думаешь, что можно по четыре раза в неделю укладывать меня в постель и не получить ребенка?

– Мне казалось, что тебе нравится ложиться со мной в постель.

– Я люблю это. Ты когда-нибудь слышал, чтобы я сказала «нет»?

– Нет, мэм, вроде бы не слышал.

– Но это ничего не меняет, не так ли?

– Я обещал им. Я сказал «да». Это значит больше денег. Лучшая жизнь.

– Подумай о своем мальчике, Эрл.

Но Эрл не мог послушаться ее. Разве можно рождасть ребенка в мир, где мужчины поливают друг друга пламенем из огнеметов или идут врукопашную со штыками и прочими подручными средствами? А теперь еще эта новая штука – атомная бомба, которая может в любой момент превратить любой кусок этой проклятой земли в еще одну чертову Хиросиму. Он смотрел на лицо жены, неясным пятном белеющее в темноте, и чувствовал, как Джун отдаляется от него. Он думал о крошечном существе, растущем в ее животе, и эта мысль ужасала его. Он никогда не хотел стать отцом, он не считал себя достаточно сильным для этого.

Ему сделалось страшно. Внезапно он почувствовал почти непреодолимое желание сделать то, чего он никогда не делал во время войны на Тихом океане: повернуться, убежать, удрать, оставить все это позади.

Он как наяву увидел свое собственное безрадостное детство, состоявшее почти целиком из страха и боли. Он не хотел этого для своего мальчика.

– Я... я не знаю, что сказать, Джуни. Я никогда не думал ни о каком мальчике или девочке. У меня даже и мысли о них не возникало.

И еще одно чувство владело им, чувство, которое он так часто испытывал прежде: он снова подвел кого-то, кто любил его.

Он хотел, отчаянно желал подарить ей нечто такое, что помогло бы исправить положение. Хоть какую-нибудь мелочь.

А потом он придумал.

– Я пообещаю тебе одну вещь, – сказал он. – Твердо пообещаю. Я брошу пить.

Глава 06

Мальчишке было жарко. Мальчишка курил. Его белокурые волосы с рыжеватым оттенком наполовину закрывали плоское, словно морда мопса, лицо, которому сигарета, свисавшая из уголка рта, придавала особенно наглый вид; в сложенной чашечкой ладони левой руки, которую он поднес ко рту, покоились игральные кости.

– О, деточка, – бормотал он. – Шестерочка, сестреночка, дrochenочка, утеночка, курвеночка, маманечка, говненочка, сластеночка, детка, детка, детка, детка, будь послушной деточкой, сделай, что говорит папочка, сладкая конфеточка, деточка, шестерочка!

На его лице обрисовался почти религиозный экстаз, он принялся медленно вращать крепко стиснутый кулак, а на лбу мальчишки поверх густых веснушек выступили крупные, ярко сверкавшие капли пота. Он закатил глаза, а потом и прикрыл веки, хотя, возможно, последнее было вовсе не связано с заклинанием судьбы, а вызвано раздражением от дыма «Лаки страйк», не вовремя попавшего в глаза.

– Давай, милый, давай, давай! – сказала его подруга, выглядывавшая из-за плеча мальчишки.

Она казалась лет на десять старше своего спутника, увесистые пухлые груди туго натягивали платье, подол которого был настолько короток, что открывал взорам все, на что стоило обращать внимание. Это была платиновая блондинка с накрашенными рубиново-красной помадой губами; ее серьги и ожерелье сверкали алмазами. Она прикоснулась к плечу мальчишки на удачу.

Его лицо исказилось судорогой, и он разжал кулак.

Кости бешено запрыгали по столу, и Эрл вспомнил о японском «бетти» – двухмоторном бомбардировщике, который когда-то на его глазах, подбитый, упал в море. Самолет совершенно невероятным образом кувыркался в воздухе, пару раз подпрыгнул на воде, подняв фонтан брызг, и канул в глубину. Кости, в отличие от самолета, остались на поверхности стола. Эрл снова взглянул на парнишку, который всем телом подался вперед; его глаза, полные надежды, были широко раскрыты.

– Проклятье! – в ужасе закричал мальчишка, увидев на обращенных кверху гранях маленьких кубиков три и четыре точки. Не две и четыре, или три и три, или пять и одну, которые были ему нужны. Выпали несчастные семь очков, а это означало, что он проиграл.

– Сожалею, сэр, – произнес крупье с чисто профессиональным равнодушным почтением в голосе и отработанным движением пододвинул к себе лопаточкой ставку белобрысого мальчишки – кучку двадцати-, пятидесяти- и стодолларовых банкнот.

Этот проигрыш, несомненно, значительно превышал сумму нового – и лучшего в его жизни – годового жалованья Эрла. Впрочем, мальчишка только ухмыльнулся и вытащил из кармана большой, как кулак Демпси¹², комок смятых купюр.

– Он просадил кучу денег, – сказал Эрл Ди-Эй Паркеру, который стоял рядом с ним в переполненной комнате на втором этаже клуба «Огайо», наблюдая за игрой. – И продолжает улыбаться. Откуда такой молокосос мог набрать столько «капусты», чтобы пригоршнями разбрасывать ее? И где он подцепил эту куклу – прямо с календаря?

– Там, откуда он взялся, всего этого добра хватает, – ответил Ди-Эй. – Вы ведь не часто ходите в кино, верно, Эрл?

– Нет, сэр. Времени не хватает.

¹² Демпси Джек (Вильям Харрисон Демпси, 1895–1983) – американский боксер, чемпион мира в тяжелом весе 1919–1926 гг.

– Ну так вот, этого мальчишку зовут Микки Руни. Он большой актер. Всегда играет таких деревенских олухов, молодых парней из провинции. Он выглядит на четырнадцать, но на самом деле ему двадцать шесть, он был дважды женат и выбрасывает по десять тысяч за ночь всякий раз, когда приезжает в город. Я слышал, что игроки называют его «мистер Эй-парни-давайте-устроим-шоу!».

Эрл потряс головой, не скрывая отвращения.

– Это Америка, Эрл, – сказал Ди-Эй. – То самое, за что вы сражались.

– Давайте пойдем отсюда, – предложил наконец Эрл.

– Конечно. Но только сначала осмотритесь, запомните все как следует. Возможно, когда вы в следующий раз увидите это место, у вас в руках будет «томми».

В клубе было темно и людно. Здесь, на втором этаже, где царила игра, висела непроницаемая пелена дыма и воздух был пропитан вьевшимся навсегда запахом табака. Этот запах напоминал серную вонь на Иво, а в помещении ощущалось безумие, сходное с тем, что владело людьми на очищенной от японцев прибрежной полосе, куда начали доставлять раненых и боеприпасы и где никто не имел ни малейшего представления о том, каким образом можно попасть в глубь острова. И шуму здесь было, пожалуй, не меньше, чем там.

В одном конце зала крутилось колесо рулетки, выкачивая деньги из карманов собравшихся вокруг него сосунков. Под низко висящими лампами располагалась дюжина столов, за которыми играли в покер. Вдоль стен сплошной шеренгой стояли игровые автоматы, перед которыми толпились многочисленные паломники, взывавшие к милосердию бога наживы и приносившие ему свою дань в виде никелей, даймов¹³ и серебряных долларов. Но любимой игрой посетителей «Огайо» были кости; собравшиеся вокруг многочисленных столов толпы щеголей вручали свою удачу паре кубиков, которые, подпрыгивая, катились по зеленому сукну, заставляя похожие на айсберги груды денег перемешаться по столам, как правило, от игроков к крупье. А негритянская джазовая группа наяривала горячий бибоп, фортепиано выдавало сумасшедшие риффы¹⁴, саксофон, кларнет и еще какой-то инструмент с печальным звуком вели рассказ об утраченных состояниях, проигранных любви и надеждах.

Эрл снова покачал головой. «Господи помилуй!» – подумал он.

– А теперь, Эрл, и впрямь пора идти, – сказал старик. – Они не любят здесь бездельников вроде нас. Либо играй, либо проваливай.

Спускаясь вниз, они миновали бар, тоже переполненный. Его обслуживали пять девушек, которые сбивались с ног, выполняя непрерывные заказы. За их спинами на причудливом стеллаже красного дерева выстроились ряды темных бутылок, обещавшие разнообразные варианты заманчивого забвения.

– Хотите выпить, Эрл?

– Нет, – отрезал Эрл. – Я завязал с этим дерьмом.

На Эрле был новый, синий в полоску костюм-тройка, на шее желтый галстук, на ногах сверкающие коричневые полуботинки. Коричневую фетровую шляпу он низко надвинул на глаза. Он чувствовал себя так, словно его обмотали бинтами, зато выглядел на 850 долларов – столько он истратил на свое новое барахло.

– Это, пожалуй, хорошо, – одобрил Ди-Эй. – Я выиграл пьяным шестнадцать перестрелок, но, будь оно все проклято, наступило время, когда я стал пить так, что сам боялся в один прекрасный день проснуться в Гонконге с разбитым носом, большой бородой, татуировками на всех частях тела и вновь обретенной китайской семьей, которую нужно будет содержать.

– Такое случалось не с одним и не с двумя из моих знакомых морских пехотинцев, – заметил Эрл.

¹³ Никель, дайм – монеты в пять и десять центов (амер.).

¹⁴ Рифф – небольшая ритмическая фигура, часто служащая сопровождением к сольной импровизации (в джазе).

Они вышли на улицу. Перед ними, на другой стороне Сентрал, словно семь роскошных лайнеров, пришвартованных к пирсу, сверкали огнями в ночи семь главных городских достопримечательностей – водолечебниц, которые даже теперь были переполнены людьми, стремившимися причаститься к чудесной целебной силе богатых минералами вод, извергавшихся из находившейся позади зданий и невидимой отсюда горы мощной неиссякаемой струей с температурой 60 градусов по Цельсию.

Люди посещали эту маленькую долину уже на протяжении нескольких столетий, и таким образом город приобрел весьма необычную постоянную клиентуру – тех, кому было просто необходимо попасть сюда. Если вам требовалось поправить здоровье и найти облегчение от болей, вызванных растяжениями мышц или артритом, или от припадков сифилитического нервного расстройства, вы приезжали в Хот-Спрингс и просиживали по многу часов в воде, от которой поднимался пар и которая, как ничто другое, снимала боль и вычищала заразу из всех уголков тела. Выходя из ванны, вы чувствовали себя словно заново родившимся. Лучше? Ну... возможно. Но уж наверняка не так, как прежде. Но годы шли, город предлагал своим посетителям все новые и новые услуги, уже не столь прозаического характера, и к 1946 году основную массу приезжих составляли не больные старики, а молодые и очень здоровые люди. Не было ни одной человеческой потребности, которую нельзя было бы удовлетворить в Хот-Спрингсе за один-единственный вечер, и неважно, к какой сфере эта потребность относилась – к сексуальной или финансовой, преступной или религиозной.

Трубопровод от пресловутых горячих источников теперь тянулся по кривой, отмечавшей бывшее местоположение засыпанного к настоящему времени ручья. По одну сторону располагались водолечебницы, а по другую раскинулась коммерческая, а вернее, развлекательная часть города: устричные заведения, рестораны, тир, ночные клубы, казино, букмекерские конторы и, конечно, публичные дома. Улица представляла собой широкий бульвар и была так освещена, что вряд ли можно было здесь заметить разницу между дневным и ночным светом. Только гора, находившаяся в собственности американского правительства, оставалась невидимой, зато всю остальную пакость можно было рассмотреть во всех подробностях.

– Похоже на Шанхай в тридцать шестом году, – сказал Эрл, – вот только глаза у шлюх не раскосые.

С их наблюдательного пункта – они стояли на тротуаре перед водолечебницей «Фордайс» и имели обзор в оба конца улицы, тянувшейся между горами и как бы охраняемой с севера гигантскими воротами, образованными массивным зданием отеля «Арлингтон» с одной стороны и намного превосходившим гостиницу по высоте зданием «Медикал арт» с другой, – улица казалась просто гигантской. Миля суеты и греховности сияла огнями, уходившими за горизонт. При всем том это была лишь самая показная сторона сложного явления, носившего наименование Хот-Спрингс. От главного проезда, извиваясь, уходили в холмы другие дороги, и в каждом квартале имелись публичный дом, и казино, и букмекерская контора, и часто всего этого было не по одному. Дальше, в сторону Малверна, цвет становился черным, поскольку в грехе Хот-Спрингс не знал никаких расовых барьеров, и чем дальше, тем больше становилось дыма и пара – там находились отель и водолечебница «Пифийские», единственное место в городе, где негры, которые делали здесь всю реальную работу и обеспечивали жизнедеятельность всей округи, имели возможность и сами окунуться в целебную горячую воду.

– Нет, я совершенно не понимаю, как Беккер собирается прикрыть эти заведения силами всего двенадцати человек, – сказал Эрл. – Да здесь дивизии не хватит.

– Ну, на то и подготовка, – ответил старик. – В этом городе насчитывается с полтысячи букмекерских контор, и они-то и есть первая цель всей операции. От них кормятся все остальные. Но среди них есть одна, так называемая центральная контора, откуда денежки

растекаются по всей сети. Туда сходятся все телефонные линии, там первыми узнают все результаты всех соревнований, тамошние гении постоянно выдают сведения о текущем соотношении шансов и передают их в другие конторы, чтобы там могли принимать ставки до самого последнего момента. Потом они получают результаты, объявляют их, и все дело продолжается. Это очень даже серьезный бизнес: контора берет себе два процента и всегда находится в выигрыше, независимо от того, выиграл или проиграл игрок. Но и здесь имеется проблема: вся эта работа очень сильно зависит от состояния связи, то есть от того, насколько быстро они получают внешнюю информацию. Без этой информации их просто нет. Понимаете, в чем здесь хитрость? Если мы сможем закрыть главную контору, то разрушим всю систему. Мы прижмем их к ногтю.

– А нам известно, где она находится?

– Нет, конечно. Это знает много народу, но вряд ли кто-нибудь захочет известить нас. Так что нам нужно будет ударить сразу по многим местам, закрыть их, сломать машину и передать задержанных копам. В полиции их не продержат и дня, но весь смысл в том, чтобы заставить машину дать сбой. Стоит только пошевелить эти заведения, и сразу выяснится, что некоторые из них уже десять, а то и двадцать раз получали от департамента полиции Хот-Спрингса предписания о закрытии. Только вот почему-то это дело никогда не доходило до конца. Поэтому мы разносим букмекерские лавки, уничтожаем игровые таблицы, конфискуем деньги и бланки и ищем финансовые отчеты или что-нибудь еще, по чему можно будет установить, где находится центральная контора. Сами видите, это довольно просто. Очень похоже на войну. Мы занимаем японский штаб, и это означает победу.

Они не спеша шли на север по Сентрал, и из большинства окон двух- и трехэтажных домов, выстроившихся вдоль непритязательной с архитектурной точки зрения западной стороны, высывались девушки, которые то и дело окликали двоих видных собой мужчин.

– Эй, сладенькие! Заходите к нам, мы научим вас интересным штучкам.

– Малыш! Ты, большой! У нас здесь так сладко, что ты обязательно растаешь!

– Сэры, у нас самые лучшие девочки, настоящие конфетки. Самый высший сорт.

– Что, Эрл, тянет зайти? – поинтересовался старик.

– Не-а. Если я туда сунусь, то, как пить дать, подхвачу гонорею. Плюс ко всему моя жена далеко отсюда и к тому же беременна, так что мне не нужны никакие осложнения.

– Беременна? И давно?

– Ммм... Если честно, то я не знаю. Но уже некоторое время, только я ничего не замечал.

– Эрл, если бы я знал, что ваша жена беременна, я не стал бы уговаривать вас идти к нам на работу. Здесь может быть довольно горячо.

– Не беспокойтесь на этот счет, старина. Сами знаете: я буду заниматься делом, которое знаю лучше всего на свете.

– Неужели вы не чувствуете себя счастливым? У меня был сын, и я никогда не сожалел об этом, несмотря даже на то, что он умер совсем молодым. Это было счастливое время. Так или иначе, но вы будете отцом. Считается, что это радостное время для каждого мужчины.

– А-а, – недовольно буркнул Эрл.

– Вы поймете это, Эрл. Поверьте мне, обязательно поймете.

Они шли дальше, и справа тянулись водолечебницы, а слева казино и дома терпимости. Через некоторое время водолечебницы уступили место премиленькому небольшому парку, где отцы города посадили деревья, разбили цветущие клумбы и тому подобное. Это было действительно очень красиво, а сзади высилась гора, дарившая Хот-Спрингсу нагретую минеральную воду, благодаря которой этот город не походил ни на один другой город на свете.

На тротуаре было полно народу, поскольку в Хот-Спрингсе никто не сидел на месте. Двое мужчин, тайно осуществлявших рекогносцировку, проходили мимо отчаявшихся людей, которые прибыли в Хот-Спрингс, потому что верили, будто его горячие источники смогут их вылечить, и мимо кучек богачей, которые приехали сюда ради неограниченных просторов, предоставляемых местными развлечениями. Относившиеся к первой категории носили потертые костюмы и были худы и бледны; они уже казались наполовину мертвыми и оставались как бы невидимыми для искателей удовольствий – лошених, в отличных костюмах или платьях, в соломенных шляпах или шляпках с вуалью. Эти, в большинстве своем полные и розовощекие, были приветливы и нетерпеливы и жадно ждали ночных развлечений. Время от времени по улице проезжала черно-белая патрульная полицейская машина с несколькими офицерами, которые с заспанным видом скользили ленивыми взглядами по толпе, выискивая карманников, грабителей или просто драчунов.

– Если действовать по закону, то мы должны сказать этим копам, что там играют на деньги, – проронил Ди-Эй.

– То-то они удивятся, – отозвался Эрл.

Они подошли к роскошному зданию, находившемуся в кварталах в четырех к северу от клуба «Огайо», буквально в тени небоскреба «Медикал-арт» и гигантского отеля «Арлингтон», сверкавшего рядами ярко освещенных окон. Но хотя «Арлингтон» и был великолепен, он все же не мог конкурировать в элегантности со строением, располагавшимся на противоположной стороне улицы.

Это был «Южный клуб». Черный мраморный фронтон, опирающийся на мраморные же колонны портика, сразу заявлял о немалых амбициях заведения; камень был отполирован, и фасад сверкал в темноте, словно дворец из голливудского кинофильма о жизни в средневековом Багдаде. В холле сияла люстра, изливавшая на улицу потоки света, да и все вокруг сверкало огнями. К портику медленно подплывали лимузины и высаживали своих пассажиров, от которых за милю тянуло большими деньгами. Обычной одеждой для мужчин были смокинги, а женщины, в большинстве своем густо увешанные драгоценностями, красовались в полупрозрачных белых платьях, туго облежавших их тела.

– А вот куда ходят самые большие шишки, – объяснил Ди-Эй. – Это настоящий шедевр Оуни. Боже, какие деньжищи он там делает!

– Что он о себе думает? Что он король или, может быть, один из тех египетских парней, которые делали себе могильные памятники размером с гору?

– Что-то в этом роде, – подтвердил Ди-Эй. – У него там два казино, три комнаты для игры в покер с высокими ставками и зал, куда он привозит выступать звезд самой первой величины. Если я не ошибаюсь, на этой неделе у него Перри Комо. Как-то раз у него целую неделю выступал Бинг Кросби. О, это самое милое местечко между Сент-Луисом и Новым Орлеаном. Персик, а не место. Ничего подобного нет больше нигде.

– Дела у него идут нормально, не так ли? – осведомился Эрл, внимательно рассматривая здание и подходы к нему, как будто разрабатывал план ночной атаки.

– Давайте задержимся здесь ненадолго и пронаблюдаем обстановку.

Они не без труда отыскали свободную скамейку на тротуаре Сентрал-авеню, уселись и принялись наблюдать, как к зданию подкатывала медлительная чередка лимузинов, каждый из которых высаживал пару, а то и нескольких щеголей и щеголих. Можно было подумать, что здесь происходит конгресс модников. Эрл даже в своем новом синем костюме чувствовал себя так, будто облачен в отрепья.

– А теперь позвольте мне рассказать вам небольшую историю о том, откуда взялся «Южный». В тысяча девятьсот сороковом году наводнением снесло мост через Арканзас выше Литл-Рока. Из-за этого бокситовым королям пришлось изменить маршрут пересылки из Чикаго денег для выплаты жалованья работникам рудников Хэтти-Флетчер. «Алкоа»

направила деньги в Талсу, а оттуда, естественно, на ближайшую узловую железнодорожную станцию, а это оказался Хот-Спрингс. Только один перевод, пока восстанавливали этот несчастный мост на Арканзасе. Та выплата была особенной – видите ли, в сороковом году здесь никто не имел текущих счетов, и потому вся сумма перевозилась наличными. Более четырехсот тысяч долларов. Как бы там ни было, почтовый вагон с деньгами в пятницу поздно ночью въехал на товарный двор железнодорожной станции здесь, в Хот-Спрингсе, и быстрее, чем вы сможете произнести «Джек Спрэт»¹⁵, пятеро очень крутых парней провернули все дело. Они точно знали, какой из почтовых вагонов – а их на станции было много – им нужен. Они подорвали замок каким-то хитрым взрывным устройством и ворвались внутрь. Один из охранников попытался достать оружие, и они расстреляли всех, из обычных «томми». Четверо парней были мертвы через секунду. В каждом вагоне имеется по четыре больших хранилища для почты, и они точно знали, которое из них нужно открыть своими бомбочками. Прошло меньше трех минут, и они уже смылись со всеми деньгами. Конечно, департамент полиции Хот-Спрингса не смог быстро прислать на место свои патрули – наверно, они там нисколько не интересовались деньгами. Полиция штата была извещена только наутро, а когда в дело вмешалось ФБР, все следы давным-давно простыли. Разумеется, они выставили кордоны на дорогах и обратились за помощью в правоохранительные органы трех штатов, и дали объявления по радио, и даже перетрясли всех известных им любителей вооруженных ограблений и стрельбы во всех окрестных штатах. Но все было сделано слишком тонко для местных простофиль. Я не думаю, что даже сам Джонни Диллинджер был способен на такую операцию, и уж конечно, розыск не дал ровным счетом ничего. Грабители просто исчезли, ушли, словно вода в песок. Вы, как морской пехотинец, должны это оценить. Эрл, это был самый настоящий рейд командос.

– Они должны были иметь информатора изнутри, – сказал Эрл.

– Само собой, он у них был. А теперь вот в чем главная штука: через две недели Оуни Мэддокс покупает старый отель «Конгресс», сносит все подчистую и начинает строить на его месте свой «Южный» клуб. Откуда он взял деньги? Из внешних источников? Я так не думаю. Во всяком случае, Беккер не может найти никаких сведений о каких бы то ни было заимствованиях: дело находится всецело в руках Оуни. То ли ему надоело работать на подхвате у серьезных парней, то ли он не хочет быть связанным с ними, то ли он углядел возможность прибрать к рукам город со всеми его потрохами. Сами понимаете, никто не может ничего доказать, но остались четыре вдовы и куча сирот, которые не получили после смерти мужей и отцов ничего, кроме, разве что, трогательного письма с соболезнованиями от железной дороги, хотя в последнем я не уверен. А Оуни получил «Южный» клуб.

– Ненавижу гадов, которые платят другим, чтобы те убивали для них людей.

– Ну да, конечно, – рассеянно отозвался Ди-Эй, глядя на часы. – Да, вовремя, минута в минуту. После хорошего бифштекса у «Кой». Вот, сэр, это тот самый человек, о котором мы говорили.

Эрл увидел, как вдоль очереди лимузинов проехал самый темный, самый внушительный автомобиль, какой ему когда-либо приходилось видеть. Негр в ливрее вышел на мостовую со свистком во рту и остановил движение, чтобы дать возможность автомобилю подъехать к тротуару, не дожидаясь, пока освободится место.

– Пуленепробиваемый «кадиллак-38», – сообщил Ди-Эй. – Самая крутая тачка в Арканзасе. А может, и вообще по всей этой стороне от Чикаго.

Автомобиль, стоявший семь тысяч сто семьдесят долларов, был, естественно, черным, обтекаемой формы и сверкал массивными бамперами, серебристой радиаторной решеткой и боками крыши. Он носил гордое название «Флитвуд-таункар» серии 75 и являл собой вер-

¹⁵ «Джек Спрэт» – детское четверостишие про карлика.

шину всей продукции фирмы «Кадиллак». Его V-образный 16-цилиндровый двигатель имел объем 346 кубических дюймов; форма темного щегольского капота говорила об устремлении не только вперед, но и в будущее. Автомобиль подплыл прямо к почетному месту, и тут же к нему подбежали сразу двое чернокожих в ливреях, спешивших открыть дверь для мистера Мэддокса.

– Теперь пора подъехать и Перри Комо, – сказал Ди-Эй.

Оуни вышел, потянулся всем телом, затынулся дымом сигареты, вставленной в мундштук, а левой рукой пригладил зачесанные назад волосы.

Он был одет в светло-кремовый смокинг.

– Он вовсе не выглядит крутым, – отметил Эрл. – Скорее, просто модником.

– А вы знаете, что он англичанин? Или вроде англичанина. Он прибыл в эту страну, когда ему было тринадцать, а теперь выпендривается и называет всех не иначе как «старина» или «дорогой дружище» и тому подобными кличками в духе Рональда Колмена¹⁶. Но это всего лишь маска. Он заправлял уличной бандой на Ист-Сайде, когда ему было пятнадцать лет. За ним числится с дюжину убийств. Он гнусный беспределщик, вот что я вам скажу.

Эрлу не сразу удалось убедить себя в том, что данное описание относится к этому богатому вертопраху, низкорослому лощеному типу, обращающему слишком много внимания на свою внешность.

Оуни благовоспитанно наклонился, протянул руку, взял за кончики пальцев обтянутую серебристым рукавом изящную женскую руку и помог ее обладательнице выбраться из автомобиля. Дама сделала реверанс, после чего выпрямилась во всей красе.

– Ну вот, теперь появилась дама, – сказал Эрл. – Ведь это дама?

– Дама, конечно, – ответил Ди-Эй. – Нет, разве это не чертовщина?! Эту даму я знаю и готов держать пари, что знаю и нашего следующего гостя.

Женщина отступила в сторону и широко улыбнулась, заполняя ночь блеском своих зубов. Она обладала редкостной привлекательностью. Именно такой хотели стать все девочки (но это почти никому не удавалось), и именно с такой мечтали спать все парни. Ее темно-рыжие, мягкие, как музыка, волосы ниспадали на плечи.

– И какова же ее история? – спросил Эрл.

– Ее зовут Вирджиния Хилл. Она, что называется, из деловых. Ее знают и любят в Чикаго, где она имела особо дружественные отношения с некоторыми из тех итальяшек, которые держат в руках город. Они называют ее Фламинго, потому что она длинная и красивая. Но не позволяйте ей одурачить вас своей внешностью. Это крутая штучка из сталелитейных городов Алабамы. Она прошла суровый путь и повидала виды. Когда хочет, живет с кем-нибудь, а когда хочет – одна. Ей двадцать восемь, но опыта нажито на все шестьдесят. И теперь последний игрок. Хотя он, возможно, и не настолько интересен.

Пожалуй, так оно и было. Третий человек, вышедший из автомобиля, оказался загорелым до смуглоты, как это бывает у футболистов или каких-нибудь других профессиональных спортсменов. Одет он был не в смокинг, а в коричневый парусиновый костюм с двубортным пиджаком, из кармашка которого торчал желтый носовой платок, и обут в белые туфли. Сорочка на нем была ярко-синяя, а на голове сидела белая мягкая шляпа. В зубах он держал сигару, и даже с противоположной стороны улицы можно было разглядеть на его скулах желваки, говорившие об изрядной силе. От него исходили флюиды не то непреклонности, не то себялюбия или самоуверенности, но в целом окружавший его ореол был не тот, которым мог бы похвастаться нормальный богатый человек.

– А это что за тип? – спросил Эрл.

¹⁶ Колмен Рональд (1891–1958) – англо-американский киноактер, исполнял роли романтических героев, чаще всего аристократического происхождения. Получил премию «Оскар» за роль в фильме «Двойная жизнь» (1947).

– Это Бенджамин Сигел. Больше известен как Багси¹⁷, но в лицо его так не называют. Этакий психованный красавчик из нью-йоркского Ист-Сайда, имеющий крепкие связи с самой верхушкой. За два-три года до начала войны его отправили в Лос-Анджелес, где он руководил рэкетом и водил дружбу с кинозвездами. Но все это чертовски интересно. Какого дьявола он делает здесь, в гостях у Оуни Мэддокса? Что за яйцо собрались снести и высидеть эти две пташки? Уверяю вас, что Багси приехал сюда не для того, чтобы греть задницу в минеральной воде.

Три знаменитости тем временем немного постояли на тротуаре, обменялись несколькими фразами, чему-то беззаботно посмеялись, не обращая никакого внимания на зевак, привлеченных мощью их обаяния. Потом они плечом к плечу поднялись по ступенькам и направились в ночной клуб.

Эрл проводил их глазами. Он заерзал на скамейке, чувствуя себя довольно удрученным. Ему казалось, что это совершенно неправильно: столько прекрасных парней отдали свои жизни на говенных рифах Тихого океана «ради Америки», и вот перед ним эта самая Америка, место, где гангстеры в смокингах водят под ручку самых красивых женщин, имеют самые шикарные клубы и вообще ведут жизнь, какой позавидовал бы и махараджа. Все это – Оуни Мэддокс, Багси Сигел – терзало его душу до крови, до боли.

– На мой вкус, – сказал он, немного помолчав, – они одеваются чересчур уж хорошо. Неплохо было бы малость извлекать их в грязи, верно?

– Это наша работа, – ответил старик. – Ваша и моя, сынок. Только я не думаю, что в тюрьме им не позволят носить смокинги.

¹⁷ Багси – от bugs – ненормальный, рехнувшийся (амер. сленг).

Глава 07

Вирджиния пребывала в дурном настроении – вполне обычное дело, но этим утром ее гнев далеко перешел обычные границы.

– И когда же они намерены добраться сюда? – требовательно спросила она.

– Я их вызвал. Они приедут, как только смогут, – ответил Бен, уставившись на самую любимую вещь на свете, на свое собственное вызывающе красивое лицо в зеркале.

Он никак не мог правильно пристроить галстук-бабочку. Бабочка была ярко-красной с мелкими синими значками, обозначающими что-то мудреное. Он купил галстук в «Салке», когда в прошлый раз был в Лондоне вместе с графиней.

– Ну так пусть лучше потрясут своими задницами, – сказала Вирджиния.

«Они» означало целый отряд посыльных, необходимых для того, чтобы осуществить торжественное перемещение Вирджинии и Бена из «Аполлона» – так назывался этот номерлюкс «Арлингтон-отеля» – в лимузин, на котором им предстояло переехать на станцию Миссурийско-Тихоокеанской железной дороги, к поезду 4.15 до Сент-Луиса, чтобы потом пересесть на экспресс «Супер чиф», идущий непосредственно в Лос-Анджелес. Такая армия требовалась потому, что Вирджиния, где бы ей ни приходилось бывать, обязательно соблюдала все тонкости высшего стиля, включая, самое меньшее, десяток больших чемоданов из кожи аллигатора. Бен тоже любил путешествовать стильно и тоже не был согласен ни на что, кроме кожи аллигатора, но он все же ограничивал себя багажом из каких-нибудь восьми чемоданов.

Так что восемнадцать чемоданов лежали в гостиной «Аполлона» и ждали, когда их унесут вниз. Однако Вирджиния терпеть не могла ждать. Ожидание было не для Фламинго. Оно годилось для оставшихся 99,999999 процента обитателей мира. Она решила, что ей нужно выкурить сигарету. Но когда она вышла на террасу, ее ослепило яркое солнце Арканзаса. Ее солнечные очки были уже упакованы. По какой-то причине лучи солнца, ударившие ей в лицо, окончательно разъярили ее.

Она вернулась в комнату; сигарета несколько не успокоила ее нервы. Вирджиния не любила курить в закрытом помещении, потому что ее одежда пропитывалась запахом дыма. Ей хотелось скандалить.

– Этот городишко – просто какая-то проклятая свалка, – заявила она. – За каким чертом мы сюда приехали? Ты говорил, что я здесь встречусь с людьми из кино.

– Но, дорогая, ты же действительно встречалась с людьми из кино. Ты видела Алана Лэдда, Дика Пауэлла и Джун Оллисон.

– Ты что, идиот? – ядовито осведомилась Вирджиния. – Они не люди из кино. Они – люди из Хот-Спрингса! До тебя не доходит разница?

– Алан Лэдд считается знаменитым киношником! – возразил Бен.

– Да, но его жена вертит им как хочет и следит за ним, словно ястреб. И она ни в какую не позволит ему поболтать с симпатичной девчонкой вроде меня! Я чувствовала, как эта стерва всю дорогу на меня пялилась! Да она выцарапала бы мне глаза, вот только, если бы попробовала, я бы ей так рожу подправила, что она долбанный год ничего, кроме звезд, перед глазами не видела бы. А этот твой Дик Пауэлл, он же просто какой-то мистер Боб из заводской лавки. Словно старпер-политикан, который только и живет, чтобы грести взятки за каждый плевок! Я знаю таких типов: на словах все до небес, а как дойдет до дела, так шиш. Знай себе улыбается, мол, как поживаете, а на самом деле несколько мной не интересуется! Я хочу познакомиться с Кэри Грантом или Джоном Уэйном. Не со всей этой швалью, а с мистером Купером или мистером Богартом! А это все шушера. Тому, кто водится с шушерой, в Лос-Анджелесе делать нечего.

Бен вздохнул. Когда на Вирджинию находили такие припадки, ее нельзя было остановить никоим образом, разве что апперкотом в челюсть. Такое он проделывал уже несколько раз, и ему это поднадоело. Сколько можно дубасить девку! Он порой жалел, что у него не хватает мужества развязаться с нею, но, когда у нее бывало соответствующее настроение, она оказывалась в постели самой настоящей тигрицей и с ней не могла сравниться никакая другая женщина из всех, кого он знал.

– Пойми же, я приехал сюда по делу, – сказал он. – Мне есть чему поучиться у Оуни. У него имеются прекрасные идеи.

– У этого зануды? Да он такой же англичанин, как мой дядя Клайтелл.

– Конфетка, через несколько дней мы вернемся в Лос-Анджелес. Я куплю тебе новую норку. Мы устроим большой прием. Придут настоящие звезды. А сейчас послушай меня. Это было очень выгодно для меня. И там тоже все пойдет на лад. Вот увидишь, чего мы достигнем за десять лет. Мы станем такими...

– Ты повторяешь это целых полгода, и все равно ты так и остаешься чокнутым парнем, которого прислали в Лос-Анджелес, чтобы ты вышибал для них бабки, а я так до сих пор не могу и слова сказать! Ты звонил своему адвокату?

– Видишь ли, дорогая...

– Значит, не сделал! И ты все еще женат на этой паскуде Эстель?! Ты все еще мистер Кракоу! Мистер Кракоу, не хотите ли яичницы с беконом, и давай найдем фургон до Блумингдейла, дорогой, там сегодня распродажа! Ты не только не развелся, но даже и пальцем не пошевелил для этого. Ты, чокнутый жиденыш, я знала, что ты все врешь! Лжец, лжец! Долбанный лжец!

Она отступила на шаг, схватила с приставного столика красного дерева лампу, стоявшую не менее двухсот долларов, подняла ее над головой и шагнула к Багси. Ее ноздри раздувались, в глазах пылало форменное безумие.

Но к этому времени он тоже успел утратить контроль над собой.

– Не смей называть меня чокнутым! – взревел Бенни. Ничто не выводило его из себя в такой степени, как это слово. В мозгу вспыхнула ослепительно белая молния, начисто спалившая все сдерживающие начала. Он расправил плечи, сжал кулаки и сделал шаг навстречу своей противнице, которая наступала на него с яростным видом.

Но тут стук в дверь известил о прибытии носильщиков. Вирджиния фыркнула, поставила лампу, открыла дверь и гордо направилась к лифту.

Вирджиния с каменным выражением лица взирала на Хот-Спрингс, проплывавший за окном «кадиллака». При ярком дневном свете это был всего лишь очередной дрянной городишко, наподобие Толедо или Падьюки.

– Вирджиния, – обратился к ней Оуни, – вы не пользовались нашими знаменитыми ваннами? Очень успокаивает нервы.

– Вот еще, чтобы я позволила всяким черномазым драть меня железными щетками! А прическу прикажете загубить?

И пальцы на ногах сморщатся, как старый изюм, – возмущенно ответила Вирджиния.

– А-а, понятно. Конечно, кому что нравится, – ответил Оуни.

Бен вскинул на него быстрый взгляд, предупреждая о том, что его подруга пребывает не в настроении.

Оуни кивнул, откашлялся и ответил Бену понимающим взглядом.

– Оживленное место, – заметил Бен. – У вас здесь дела и впрямь идут, что надо.

– Да, не могу не согласиться. Это и можно назвать будущим.

Бен кивнул. Он понимал, что Оуни воспринимает себя не просто как профессионала, а скорее как старого мудреца, одаренного редкими, но меткими озарениями. Именно поэтому

многие из нью-йоркских деятелей относились к нему как к трепачу, не желали прислушиваться к его предсказаниям и передразнивали (довольно осторожно) его английские манеры. Но Бен был любопытен и имел свои собственные идеи.

– Будущим?

– Да. Полагаю, что вы можете сами увидеть это, Бен. Вы способны это почувствовать. Это почти так же, как с Браком, висящим в моей квартире. Вы должны это *чувствовать*. Если вы это чувствуете, то можете понять его значение во всей глубине.

Неизменно спокойное выражение лица Бена призывало Оуни продолжать, а также заставляло предположить, будто Бен глуп и нуждается в наставлениях, что совершенно не соответствовало истине.

– Будущее. Бен, проводная связь мертва. Война убила ее. Благодаря войне, старина, технологии связи стали развиваться по экспоненте. Нам было необходимо контролировать телеграф и телефон, потому что мы управляли коммуникациями. Мы были *организованны*. Мы могли получить информацию о любых скачках и спортивных соревнованиях по всей стране в считанные секунды, и никакая другая организация, включая американское правительство, не была способна конкурировать с нами. Информация – это власть. Информация – это богатство. Но началась война, и в конце концов правительство сообразило, насколько информация важна для управления предприятием всемирного масштаба. Сообразило и начало финансировать исследования в этой области. После того как джинн выйдет из бутылки, загнать его обратно нельзя никакими силами. Следующие несколько лет заставят вас, Бен, изумиться. Как насчет телевидения? Это великое дело! А прямая телефонная связь? Мгновенная, без операторов или промежуточных станций. Счетные машины высшего качества, позволяющие сделать самого простого, среднего человека способным проводить сложнейшие вычисления. Так что наше великое преимущество утеряно, а с ним источник нашего богатства и власти. Мы должны измениться! Измениться или умереть! Они, в Нью-Йорке, не могут этого понять, но поверьте мне, грядут большие перемены. Нужно подчинить их себе, не бояться их, а суметь использовать в своих интересах, разве вы этого не видите?

Бен кивал с понимающим видом. Однажды, в 1940 году, они с графиней были у Муссолини на летней даче и слушали, как этот лысый выпендрожник разглагольствовал на такие же темы. Будущее! Завтра! Фундаментальные перемены!

Ну и чем ему это помогло, когда его расстреляли, а потом повесили вверх тормашками на крюке, привязанном к рояльной струне, и старые крестьянки сплошь заплевали его коротенький жирный труп?

– Да-да, я понимаю, – с невинным видом откликнулся он.

– Бен, наше будущее заключается в казино. Именно туда пойдут самые большие деньги. Город казино, город, которым мы будем владеть и управлять. Именно это я пытаюсь создать здесь, медленно и верно, имея в виду долгосрочную цель сделать игорный бизнес легальным в Арканзасе. Это все равно что получить лицензию на чеканку денег. Сюда будут приезжать миллионы людей. Днем они будут шляться по городу, объедаться – пища будет недорогой, даже дешевой, – смотреть шоу, для начала с Перри Комо и Бингом Кросби, а по ночам погружаться в волшебный мир, испытывать острые ощущения и волнение, которые прежде были доступны только самым крупным шишкам и вырождакам из аристократических фамилий. Они будут платить! Они будут платить с величайшей охотой! В конечном счете мы превратимся в американскую корпорацию наподобие «Синклер ойл», или «Моторола», или «Ар-си-эй». В конечном счете мы сами станем Америкой!

– Разговоры, разговоры, одни разговоры! – отрезала Вирджиния. – Вы, чурбаны. Чикагские «механики»¹⁸ обдерут вас до нитки, и вы даже не заметите, как это произойдет. Ничего

¹⁸ Шулеры.

не изменилось и не изменится, Оуни. Эти старые ублюдки не станут ни с кем делиться тем, на чем сидят своими задницами. Они пришьют вас и глазом не моргнут, стоит вам только заикнуться о перемене этих гребаных правил.

Они так увлеклись разговором, что ни один из них не заметил черный «форд» 1938 года с двумя мрачными детективами, тащившийся за ними на расстоянии нескольких автомобильных корпусов.

Поезд вытянулся у перрона, словно жирная желтая змея, поражающая своей толщиной и длиной. Дизельный локомотив, казалось, тосковал по горизонту, по равнинам, которые нужно было пересечь, по рекам, которые необходимо было преодолеть, по горам, на которые предстояло подняться. Локомотив своей обтекаемой формой напоминал ракетный корабль, маленькая кабинка находилась в двадцати футах над землей. Машина издавала глухой шум и таинственное ворчание; ее опекал сонм почтительных хранителей. Проводники и прочие люди из железнодорожной obsługi рыскали по платформе, проверяли билеты, направляли людские потоки внутрь и наружу. Толпа на перроне бурлила.

Среди всей этой суеты, безразличные к ней, стояли два великолепно одетых лорда. Они курили гигантские сигары и величественно ждали отправления. Для того чтобы занести багаж в купе, требовалось время, и поэтому Оуни и Бен вспоминали былое.

– Это где-то здесь взяли тот поезд, верно? – поинтересовался Бен.

– Именно так, старина.

– Девятнадцать сорок один?

– Девятнадцать сорок.

– И что там хапнули?

– Насколько я помню, более четырехсот тысяч наличными. «Алкоа» везла зарплату на свои бокситовые рудники в Хэтти-Флетчер. В Боксит.

– Боксит?

– Да, старина. Они назвали город в честь единственного добываемого там продукта – боксита. Боксит из Боксита управляет миром, после того как его при помощи какого-то алхимического процесса, в котором я ничего не понимаю, превращают в алюминий, а из него потом строят легкие суда, самолеты и оружие. Мы выиграли войну благодаря алюминию. Чудесный металл. Металл будущего.

– Проклятье, мне кажется, что здесь, в Хот-Спрингсе, будущее на каждом шагу! Это случилось прямо здесь, на станции?

– Строго говоря, не совсем на станции. Это был почтовый вагон, и поезд стоял на грузовом дворе товарной станции. Его отсюда не видно, но это на самом деле двор. Там несколько путей, башня, с которой управляют движением, и склады с другой стороны. Вы увидите это место, когда поедете.

– А что команда? Ее ведь так и не зацапали?

– Совершенно верно. Это, по-видимому, были приезжие. Ни один местный вор не способен на такую виртуозную работу.

– Я слышал, что это были детройтские парни, которые обычно работают на «Пёрплз». Кое-кто из них во времена беспредела ходил под Джонни Дэ. Знают, с какой стороны братья за пушку. Я слышал это от самого Джонни Испанца.

– Я думал, его уже нет на свете.

– Никто и никогда не сможет убить Джонни Испанца. Он лучший стрелок во всей Америке.

– Что ж, раз вы так говорите... Я-то считал, что лучшим стрелком в Америке был я. Я мог бы порассказать вам о некоторых невероятных приключениях, которые были у меня Нью-Йорке перед Большой войной!

Оба рассмеялись. Бен глубоко затянулся своей сигарой, лучшим из лучших продуктов Гаваны, и окинул взглядом перрон, залитый лучами вечернего солнца. И тут он внезапно подумал: а где Вирджиния?

– Где Вирджиния? – спросил он; тревога разом вытеснила владевшую им приятную вялость.

– Но ведь она стояла здесь секунду назад, – ответил Оуни.

– Она была в кошмарном настроении сегодня утром. Она иногда бывает совершенно неспособной, – сказал Бен, осматриваясь вокруг и отгоняя подступившую к сердцу панику.

Наконец он увидел ее. Она гуляла по платформе и курила, пока носильщики грузили их багаж. Но с кем она разговаривала? Сквозь толпу он плохо видел; ему было ясно только то, что этого человека он не знает. Но в следующий момент народ, как по волшебству, расступился, и он увидел ее непрошеного спутника. Высокий, крутой с виду джентльмен в синем костюме, надвинутой на глаза мягкой фетровой шляпе и с обликом опытного человека, привыкшего командовать. Бен сразу учуял копа, а еще через секунду им овладел гнев, полностью лишивший его способности рассуждать.

– Будь она проклята! – рявкнул он.

Его лицо побелело от ярости, в висках запульсировала кровь, и он решительно зашагал туда, где застряла его женщина.

Утро они потратили на изучение игорных заведений, которых в городе были сотни, начиная с мелких, самых низкопробных букмекерских контор в негритянских районах Малверна и нескольких заурядных залов игорных автоматов на западной стороне Уошито-авеню и кончая достаточно аристократичным «Тадж-Махалом» на Централ-авеню. Любой из этих притонов мог быть центральной конторой, но каким образом это узнать? Ни один из семи или восьми, которые они осмотрели, в которые вошли и где проиграли по несколько четвертаков, не показался им хоть чем-то примечательным. В конце концов они остановились возле греческой кофейни и взяли гамбургеры и кофе.

– Так вот чем занимаются полицейские? – спросил Эрл. – Шляются по городу и изучают обстановку?

– В основном, – согласился Ди-Эй, откусывая хороший кусок гамбургера. – Но когда случается настоящее дерьмо, то случается оно быстро. Точно так же, как на войне.

– Ладно, мистер Паркер. Я верю вам.

– Эрл, прежде чем все это кончится, вы еще оглянетесь на эти первые дни даже с некоторой ностальгией. Начало всегда привлекательней, чем то, что бывает потом.

Эрл кивнул и вновь принялся за свой бургер.

Через некоторое время Ди-Эй отошел, кинул никель в телефон-автомат и набрал номер. Вернулся он с широкой улыбкой на морщинистом загорелом лице.

– Мой агент в «Арлингтоне», один из посыльных, говорит, что Багси и его красотка сегодня выезжают и они чуть не всей гостиницей отправляются вверх выносить и грузить в машину их багаж. Давайте отправимся туда и посмотрим, не сможем ли мы прицепиться к ним.

Эрл поставил свою кружку с кофе и оставил на прилавке несколько монет. Двое мужчин вышли и уселись в свой «форд».

Когда они добрались до «Арлингтона» и припарковались на Централ-авеню, не выпуская из виду главный вход, выяснилось, что задача им предстоит совсем несложная. Лимузин длиной больше тридцати футов отъехал от главного входа отеля. За ним следовал пикап, полный багажа и чернокожих мужчин. В третьем автомобиле, «додже», сидели шестеро боевиков из числа бандитов Оуни (все они были откуда-то из горных районов и принадлежали к одному семейству Грамли) и тупо пялились вокруг, имитируя обеспечение безопасности.

Эрл и Ди-Эй следовали за кортежем на небольшом расстоянии; им было хорошо видно, что пассажиры лимузина все время разговаривают. Эрл обратил внимание на то, что в основном разговор шел между Багси и Оуни. Женщина по большей части смотрела в окно; черты ее лица застыли неподвижной маской. Кавалькада влилась в напряженный поток уличного движения на Сентрал, и полицейский регулировщик поспешно переключил светофор, открывая важным персонам путь. Ди-Эй и Эрлу пришлось остановиться на красный. К тому времени, когда они добрались до станции, чернокожие мужчины в ливреях уже извлекли багаж из грузовика, погрузили на несколько ручных тележек и покатали к большому желтому поезду.

– Это поезд «Атчисон – Топика – Санта-Фе»? – поинтересовался Эрл у Ди-Эй, который выехал на Маркет-стрит и теперь искал место, куда бы приткнуться машину.

– Нет, Эрл, не тот. Это «Миссури – Тихий океан» в четыре пятнадцать на Сент-Луис, первый этап в поездке до Лос-Анджелеса. Давайте выйдем, послоняемся там и попытаемся увидеть, что получится. Скорее всего, толку никакого не будет, но уж больно я устал от букмекеров из Ниггертауна.

– Полностью согласен, – ответил Эрл.

Они порознь прошли через толпу на перроне, которая становилась тем гуще, чем больше приближалось время отправления. Эрл закурил сигарету, нашел столб, прислонился к нему и принялся покуривать и разглядывать платформу. Довольно скоро он обнаружил обоих гангстеров, которые оживленно разговаривали, стоя около здания вокзала; каждый из них курил гигантскую сигару. Похоже, что эти парни неплохо проводили время. Ничего особенного не происходило, если не считать того, что в поезд садилось все больше и больше народу и проводники начинали потихоньку звереть. Поглядев на «гамилтон», Эрл увидел, что время подходит к 16.00. Скоро должна последовать команда всем занять свои места. Его нога немного побаливала; левое запястье тоже беспокоило. Он несколько раз согнул левую руку и переступил с ноги на ногу, пытаясь отвлечься от боли. Он не привык носить галстук целыми днями, и это тоже действовало ему на нервы, но он не собирался ослаблять узел, даже невзирая на сильную жару, пока Ди-Эй не сделает этого первым. Он мечтал о том, как примет хороший горячий душ в своем номере.

Внезапно Эрл заметил, что перед ним кто-то остановился, и мысленно выругал себя за рассеянность. Это оказалась женщина. Ее темно-рыжие волосы были собраны в пучок под желтым беретом. Она была одета в желтый дорожный костюм, кончавшийся выше колена и открывавший ноги в белых туфлях гораздо выше, чем на это решилось бы большинство женщин. Темные глаза смотрели прямо ему в лицо.

– Эй, красавчик, – сказала женщина, – вы использовали последнюю спичку, чтобы зажечь свою сигарету, или у вас в коробке осталась еще пара штук?

Ничего похожего на женскую застенчивость. И пахло от нее тоже не так, как от остальных. Акцент у нее был тягучим и напоминал о горячих лепешках, которые подают прохладным южным утром. Эрл решил, что она из Джорджии или Алабамы.

– Пожалуй, найдется, мэм, – ответил он. – Только позвольте, я проверю.

Он извлек из внутреннего кармана спичечную коробку, ловко открыл ее, вынул спичку, чиркнул о коробок и сложил ладони чашкой. Его большие ладони успешно защищали слабое пламя от любых порывов ветра. Женщина подошла к нему вплотную, приложила свои ладони к его рукам, дополнительно прикрывая огонек, и сунула кончик «честерфилда» в пламя.

– Вот и все, – сказал Эрл.

– Благодарю вас, мне это было нужно.

Она отступила, глубоко затянулась и выдохнула длинную струю дыма.

– Я вас, кажется, знаю. Вы, наверно, снимаетесь в кино? – спросил он.

– Было пару раз, малыш, – ответила женщина, – Только нужно очень уж сильно пялить глаза, чтобы увидеть меня на экране. Это дрянной бизнес, если не знаешь больших парней, а я, так уж получилось, знаю не тех больших парней. Больших парней, с которыми я знакома, слишком уж сильно все боятся. А вы, красавчик, часом не знакомы с какими-нибудь большими парнями?

– Нет, мэм, – сказал Эрл, улыбнувшись. – Разве что парочка генералов, вот и все.

– О, солдатик. А я решила, что вы коп.

– Я вообще-то был морским пехотинцем.

– Могу держать пари, что вы уложили кучу японцев.

– Знаете, мэм, это нельзя сказать наверняка. Там все происходило очень быстро, и дыму было столько, что в двух шагах ничего не видно.

– Мой чурбан-друг торчал в Лос-Анджелесе, сидел на проводе, по которому передавали спортивные новости. Он настоящий герой, вошь поганая. Затянул меня в этот городишко, чтобы, мол, встретиться с киношниками, а они здесь все шушера, дрянь. Я десять лет убила на то, чтобы выбраться из таких вот городишек, и вот я опять в такой же дыре.

– Вы из Джорджии, мэм?

– Из Алабамы. Бессемер, стальной город. Если вы там не бывали, то можете считать, что ничего не потеряли, мой сладкий. Я...

Боковым зрением Эрл заметил чье-то приближение. Человек казался разъяренным, разгоряченным едва ли не докрасна и несся так быстро, что кто-нибудь другой мог бы и растеряться.

– Что здесь происходит, твою мать?

Это был Багси Сигел, его ноздри раздувались, а глаза побелели от злости. Около углов рта застыли серые желваки. Его тело излучало неприкрытую агрессию, а зрачки прищуренных глаз, с ненавистью глядевших прямо вперед, походили на две булабочные головки.

Он грубо схватил женщину за локоть и дернул так резко, что у нее мотнулась голова и хрустнули шейные позвонки. А он продолжал стискивать ее руку с такой силой, что у него побелели суставы на пальцах.

– Что это значит, Вирджиния?! – гаркнул он.

– Господи, Бен, я только попросила у этого бедного парня огоньку, – ответила она, пытаюсь высвободить руку.

– Сэр, – вмешался Эрл, – здесь не было вообще ничего.

– Заткнись, ковбой. Будешь говорить, когда я тебе прикажу. – Он снова повернулся к Вирджинии. – Ты, обдолбанная шлюха, у меня так и чешутся кулаки начистить тебе харю. Живо в поезд. Шевелись, уноси отсюда свою проклятую задницу!

Он толкнул ее в сторону вагона и шагнул было следом. Но вдруг передумал и вернулся к Эрлу. Его яростные глаза мерили незнакомца с головы до ног.

Эрл ответил ему твердым взглядом.

– Что уставился, мужлан?

– Я никуда не смотрю, сэр.

– Ты, поганый пес, я просто обязан вытряхнуть из тебя дерьмо прямо здесь. Я должен затоптать тебя в асфальт. Ты никто. Ты просто кусок гребаного дерьма.

Ярость придавала его лексикону особую красочность.

– Бен, оставь бедного парня в покое. Я спросила...

– Заткнись, лахудра! Да засуньте ее в поезд, черт возьми! – заорал он на двоих Грамли, которые подошли на тот случай, если ему потребуется поддержка.

Эрл увидел самого Оуни еще с парой телохранителей, стоявших в нескольких шагах. Вокруг уже столпились зеваки, но, несмотря на многолюдность, стояла почти мертвая тишина.

– Да ты знаешь, кто я такой? – продолжал орать Бен.

– Бен, держите себя в руках, – сказал издали Оуни.

– Он же просто парень с платформы! – выкрикнула женщина, вырываясь из рук громил.

Но теперь гнев Бена полностью сфокусировался на Эрле, который стоял на том же месте с непроницаемым выражением лица.

– Ты знаешь, кто я такой? – снова выкрикнул Сигел.

– Нет, сэр, – ответил Эрл.

– Твое счастье, что не знаешь, гребаный идиот. Знал бы, у тебя бы уже яйца от страха раскололись. Ты бы уже полные штаны наложил. Ты на кого тут разгавкался? Да тебе не должно быть места в одном штате со мной, ты понимаешь, придурок деревенский?

– Да, сэр, – сказал Эрл. – Я только зажег спичку, чтобы леди прикурила сигарету.

– Ну так скажи спасибо своей гребаной счастливой звезде, что я не суну тебя под поезд. Ты понял это, пастух дерьмовый? Понял, я спрашиваю?

– Да, сэр, – ответил Эрл.

Багси подался почти вплотную к нему.

– Я убил семнадцать человек, – процедил он. – Скольких убил ты, жалкая деревенщина?

– Точно не знаю. Человек триста или триста пятьдесят, – ответил Эрл.

Багси невольно взглянул ему в лицо.

– И вот в чем штука, – проникновенным голосом добавил Эрл, – просто забавная штука: те парни, которых я убивал, все до одного пытались убить меня. У них были и винтовки, и пулеметы, и танки. А парни, которых убивал *ты*, сидели в парке или на заднем сиденье автомобиля и думали о прошедшем футбольном матче.

Сказав это, он чуть заметно улыбнулся.

В первый момент Багси остолбенел. Никто никогда не говорил с ним таким тоном, особенно во время его хорошо отработанных припадков ярости. А больше всего его задело то, что этот деревенский олух нисколько не боялся его. Парень улыбнулся Багси и – чтоб он сдох, чтоб он сдох, ЧТОБ ОН СДОХ! – самым натуральным образом подмигнул.

Багси нанес удар правой рукой. Это, конечно же, не был удар наотмашь, потому что он отлично умел драться и знал, что от удара наотмашь легко закрыться или уклониться. Это был удар снизу вверх, нанесенный всей силой тренированного тела, обладавшего молниеносными рефлексамми, стальной мощью и великолепной координацией и направляемого сейчас контролируемой яростью. Он хотел ударить ковбоя кулаком прямо под левый глаз.

Он выбросил вперед кулак и довольно долго – что-то между пятью и шестью тысячными долями секунды – ощущал нарастающее удовольствие, которое всегда рождал в нем триумф в сражении, удовольствие от момента, когда он навязывал непослушному миру свою волю, от силы своей личности, от своей красоты, от своей хитрости, от всех качеств, несомненно нашедших в нем наивысшее воплощение. Он знал важных людей! Он знал с кинозвездами! Он трахал графиню, он трахал Уэнди Барри, он трахал сотни самых красивых во всем мире звездочек! Он был Багси, Багмен, Багхаус¹⁹, друг Мейера и Лаки, он очень даже немало значил в этом мире!

А потом это ощущение исчезло. Со скоростью, которую он, пожалуй, даже не мог себе представить, ковбой подставил очень сильную руку под его запястье, чтобы не столько блокировать удар, сколько просто изменить его направление, а второй рукой ударил сам.

Багси не был трусом. Ему приходилось участвовать во множестве уличных драк, и в большинстве из них он одерживал победы. Он не знал усталости в драке, если ее результат

¹⁹ Bag man – посредник между преступным миром и полицией, также держатель «общака» – гангстер, собирающий откупные деньги и распределяющий их среди членов шайки. Bughouse и Bugsy – сумасшедший, чокнутый.

имел для него значение, а его знаменитая ярость позволяла ему отключать чувство боли, так что та доходила до его сознания лишь спустя несколько часов. Ему приходилось получать множество ударов. Но такого удара, как сейчас, он еще никогда не получал. Это был короткий правый удар, нанесенный с расстояния, пожалуй, дюймов в десять, но нельзя было не почувствовать, что нанесен он с превеликим знанием дела человеком, обладающим несравненным опытом. Кулак попал чуть пониже сердца и, похоже, сломал сразу три ребра. Это был молот, поршень, звуковой удар реактивного самолета, атомная бомба. Этот удар сразу вышиб из него дух. Перед глазами Багси сначала покраснело, потом почернело, его ноги подогнулись, и он осел на платформу, испуская звуки, похожие не то на скрип, не то на дребезжание, чувствуя, как из его ноздрей течет желчь или кровь, грозящая бесповоротно уничтожить его любимый галстук-бабочку. В следующее мгновение его стошнило, и он изверг все, что съел за завтраком. Он забился в конвульсиях, прижал колени к груди, пытаясь отогнать боль, он отчаянно хватал ртом воздух и чувствовал нечто такое, о чем успел забыть за последние годы, — *страх*.

Его противник присел рядом с ним на корточки.

— Знаешь, что я тебе скажу? — произнес Эрл. — Я ведь ударил тебя только вполсилы. А если я еще раз увижу тебя в этом городе, то врежу тебе так, что у тебя кишки размотаются под ногами. Теперь садись в поезд и уезжай отсюда подальше. И не возвращайся сюда никогда, ни при каких обстоятельствах, ни по какому случаю.

Он выпрямился и взглянул Оуни прямо в глаза.

— Может быть, вы или кто-то из ваших парней хочет помериться со мною силами, мистер Мэддокс? Прошу.

Оуни и вся его команда, носившая одну фамилию Грамли, отступили.

— А я-то надеялся, — сказал Эрл.

Он усмехнулся, подмигнул рыжей красотке и пошел прочь.

Глава 08

После того как к Багси вернулась способность говорить и держаться на ногах, но не цвет лица, он обратил свой гнев на Оуни, требуя, чтобы тот немедленно сказал, кто этот наглый ковбой. Оуни сознался, что видел его впервые в жизни. Пока двое Грамли под руки вели Багси, изо всех сил пытавшегося превозмочь боль в боку, к пульмановскому вагону, он произносил фразы, которые следовало расценивать исключительно как эдикты, подкрепленные всей мощью восточных королей, стоявших за ним:

– Узнайте, кто этот парень. Выясните, где он живет, с кем и под кем ходит, чем занимается. Узнайте про него все до последних мелочей. Но не трогайте его даже пальцем. Я сам его трону. Он мой, вы меня понимаете?

Оуни кивнул.

– Любовь моя, – с деланным сочувствием вмешалась Вирджиния, – а чем ты собираешься его тронуть? Гаубицей? Атомной бомбой? Реактивным самолетом? – Она победным жестом отбросила назад волосы и рассмеялась громким грудным смехом, звучавшим сочно и хрипловато. – Дорогой, – продолжала она, отсмеявшись, – у тебя же кишка тонка снова полезть за колотушками, вот что я тебе скажу. Ха! Как же он тебе врезал! Ты бы видел себя, когда он тебе заехал! Бедный старикашечка. Вот ты и дожил: белый приложил тебя так, что ты чуть не отбросил копыта!

– Вирджиния, заткнись, – приказал Багси. – Это ты во всем виновата.

– По-твоему, я могла предполагать, что он сильнее Джека Демпси? Нет-нет, ты сам оказался идиотом и стал задираться. Ты что, сам не видел, что это крутой парень? По нему сразу видно. Он стоял как крутой. И разговаривал как крутой. И, радость моя, кулаки у него тоже крутые!

– Не хотите пригласить доктора, старина? – спросил Оуни. – Мы могли бы задержать поезд.

– И позволить этому олуху еще раз посмеяться надо мной? Чтобы какой-то деревенский костолом указывал на меня пальцем? Нет, Оуни, бо-ольшое спасибо. Вы говорили, что держите весь город в руках. Вы говорили, что нам здесь не угрожает ни малейшая опасность, что в городе, принадлежащем Оуни, ничего не происходит без его согласия. И тем не менее кое-что происходит. Какой-то громила. Он наверняка боксер-профи. Никогда не видел парня, который умел бы так быстро махать руками, и еще ни разу в жизни ни один долбак не долбал меня так сильно. Так что, может быть, у вас не такой уж безопасный город и работа ваша не так уж хороша.

С этим он решительно, хотя и сильно хромая, вскарабкался по лесенке в тамбур спального вагона поезда «Миссури – Тихий океан» и был почтительно препровожден в купе целой толпой негров-проводников.

Вирджиния последовала за ним, но, поставив ногу на ступеньку, обернулась и шепотом обратилась к Оуни, который тоже до сих пор не пришел в себя от потрясения.

– Скажите этому ковбою, чтобы держал ухо востро. Проклятый Багмэн злопамятен, как черт. И еще передайте этому милашке, что, если его когда-нибудь занесет в Лос-Анджелес, пусть разыщет там меня!

Вскоре после этого поезд тронулся, и Оуни позволил себе в глубине души понадеяться, что он навсегда распрощался с Бенджамином Сигелом по прозвищу Багси, который приезжал «отдохнуть и принять лечебные ванны» по настоянию Мейера Лански и Фрэнка Костелло, которые являлись очень важными персонами в Нью-Йорке.

– Ладно, – сказал он, проводив взглядом последний вагон и обращаясь не столько к стоявшим вокруг него Грамли, сколько к самому себе, – теперь понятно, что здесь что-то

происходит. Узнайте, кто такой этот парень, причем узнайте быстро. Но не трогайте его! Здесь творятся какие-то дела, и я должен знать, что за дерьмо заваривается у меня под боком.

Он был не на шутку встревожен: назревали большие перемены, он это знал наверняка, и, чтобы удержаться на гребне волны, он был обязан добиться того, чтобы его дела шли без сучка без задоринки. Хот-Спрингс должен был оставаться маленькой, абсолютно спокойной империей, где никогда не случается ничего непредвиденного, куда парни, принадлежащие к самым разным бандам, могут спокойно приезжать и спокойно развлекаться, встречаться и общаться между собой, не имея никаких проблем со стороны закона. Именно это он продавал. Это был его главный и неповторимый продукт. Все, чем он обладал, появилось благодаря этому. Если же он этого лишится, значит, он лишится всего.

– Мистер Мэддокс, он давно уже ушел, – сообщил Флем Грамли, один из сыновей Папаши Грамли, самый старший из братьев. – Он так затерялся в толпе, что мы даже не успели заметить, куда он направился. Кто бы мог подумать, что у какого-то парня хватит смелости помять ребра Багси Сигелу?

– Найдите его.

Это было все, что смог ответить Оуни.

Они отъехали от станции молча. Эрл хмуро смотрел вперед. Его рука немного ныла. Он подумал, что утром она разболится по-настоящему.

– Знаете, что я вам скажу? – нарушил наконец молчание Ди-Эй. – Я никогда еще не видел, чтобы один человек так сильно ударил другого. Вы, наверно, занимались боксом.

– Немного, – проронил Эрл.

– Профессионально?

– Нет, сэр.

– Эрл, мы тут не в игрушки играем. Где? Когда? Как?

– В тридцать шестом, тридцать седьмом и тридцать восьмом. Я был чемпионом Тихоокеанского флота в среднем весе. Третий чемпионат выиграл у очень крепкого поляка. Дело было на старом линкоре «Аризона» в Манильском заливе.

– Вы очень быстро двигаетесь, Эрл. Таких быстрых рук я никогда и ни у кого не видел, даже у Младенца. Вы, должно быть, немало поработали с мешком за эти годы.

– Да, сэр, по правде говоря, размолотил несколько штук.

– Эрл, вы та еще штучка.

– Со мной все в порядке, – ответил Эрл. – Но я допустил ошибку, верно?

– Да, Эрл, так оно и есть.

– Я должен был позволить ему ударить меня?

– Да, должны были.

– Понятно, – сказал Эрл.

Он почти сразу понял, что допустил промашку, и прокрутил случившееся в мыслях, поэтому заранее знал, что намеревается сказать ему старик.

– Вы ведь сами понимаете, в чем дело, Эрл?

– Да, сэр, понимаю, – ответил Эрл. – Я позволил моей гордости взять верх. И позволил этому маленькому ничтожеству, там, на платформе, занять слишком много места в моих мыслях.

– Именно это с вами и случилось, Эрл.

– Теперь я понимаю, как должен был себя вести. Я должен был позволить ему ударить себя. Я должен был позволить ему повалить меня на землю и почувствовать себя королем. Я должен был просить его не бить меня больше. Тогда он подумал бы, что я испугался его, что он поимел меня, как хотел. И в таком случае, если бы нам пришлось снова встретиться, он

смотрел бы на меня, как солдат на вошь, а у меня появилась бы возможность пригвоздить его к двери ближайшего сарая так, чтобы он никогда уже не смог освободиться.

– Все верно, Эрл. Вы умеете учиться. Но есть и другая сторона. Вы начисто забыли о всякой осторожности. Вы имели дело с вооруженным полусумасшедшим профессиональным преступником, окруженным такими же, как он, вооруженными до зубов мерзавцами. У вас оружия не было. Если бы вы ударили его еще раз, то, скорее всего, уже были бы мертвецом, и ни один суд присяжных в округе Гарленд не вынес бы обвинительного приговора вашим убийцам – не забывайте о влиянии Оуни, который принялся бы защищать Багси. Получается, что игра в данном случае вовсе не стоила свеч.

– Я не привык слишком сильно беспокоиться о себе, – ответил Эрл.

– Как и подобает настоящему герою. Но время героизма закончилось, Эрл. Настало время взаимодействия, несиловых действий, осторожной, профессиональной разведки, подготовки, дисциплины. Дисциплины, Эрл! Я знаю, вы сможете вдолбить молодым полицейским, что мы должны соблюдать строжайшую дисциплину. Но вы должны и сами показывать пример, стать воплощением дисциплины. Эрл, вы меня понимаете?

– Да, сэр.

– Мне вовсе не по душе то, что приходится таким тоном говорить с героем нации о подобных вещах, но я должен выложить вам все начистоту.

– Ну так валяйте, сэр, говорите.

– Это хорошо, Эрл. Это очень хорошее начало.

Некоторое время они опять ехали молча.

– Теперь они знают, что в городе появился новый парень, а то и несколько, – сказал Эрл после долгой паузы.

– Да, Эрл, знают.

– И поэтому нам не следует возвращаться в гостиницу?

– И это правильно.

Они миновали Малверн через негритянский квартал, и старик то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида. В негритянских публичных домах и в пивных уже начиналось оживление, говорившее о приближении долгой шумной ночи. Проститутки выглядывали в окна, покуривали, что-то кричали. На тротуарах сутенеры уговаривали прохожих, независимо от расовой принадлежности, зайти в заведение, чтобы хотя бы выпить пива после жаркого дня и, может быть, развлечься каким-нибудь другим способом. Время от времени попадались негритянские казино, обычно меньшие по размеру и довольно жалкого вида по сравнению с игорными домами для белых. Но главным образом по сторонам проезжей части мелькали перед глазами просто чернокожие люди, сидевшие без дела, скучающие, поглядывающие по сторонам.

– Эрл, скажите, что у вас оставалось в комнате?

– Нижнее белье на смену. В ванной висело постиранное белье. Несколько пар носков. Две новые рубашки. Бритва, мыльный порошок. Зубная щетка и тюбик «Колгейта». Пара пачек сигарет.

– Какие-нибудь книги, документы, что-нибудь еще в этом роде? Что-то такое, по чему можно было бы установить вашу личность?

– Нет, сэр.

– Вот и хорошо. Вы проживете без этого барахла?

– Легко.

– Это хорошо, потому что, если я что-то понимаю в этой жизни, они уже начали переворачивать город вверх тормашками в поисках Джо Луиса²⁰, так грубо обошедшегося с их

²⁰ Луис Джо (Джозеф Луис Барроу, 1914–1981) – американский боксер, чемпион мира в тяжелом весе 1937–1949 гг.

почетным гостем. Я заплатил за номера до следующего понедельника; если мы рассчитаемся сегодня или примемся упаковывать вещи и укладывать их в машину, это будет все равно что дать объявление в газетах о том, кто мы такие. Поэтому лучше всего будет просто тихо исчезнуть. Они проверят во всех отелях, кто внезапно сорвался оттуда или уехал, не расплатившись. Если мы не сделаем ничего такого, что привлекло бы к нам ненужное внимание, мы сможем еще некоторое время поводить их за нос.

– Да, сэр, – сказал Эрл. – Пожалуй, я немного сожалею.

– Эрл, в этой работе от сожаления нет никакого толку. Уверенность куда лучше, чем сожаление. Запомните: разум – это лучшее оружие. Думайте головой, а не быстрыми кулаками.

Повинуясь приказу Оуни, семейство Грамли и в самом деле перевернуло город вверх тормашками. У местного заправилы имелась команда парней, занимавшихся во время сухого закона проводкой караванов со спиртным, а теперь – осуществлением всех жестких мер, которые он считал необходимыми. Эта команда состояла из многочисленных Грамли, связанных между собой различными степенями родства: несколько Лютов, множество Биллов, не менее трех, а возможно, даже семь Слайделлов, а также Берн и Стив. Слайделлы Грамли считались хуже всех, и их нужно было держать порознь, поскольку они всегда подначивали друг друга убить парочку-другую лишних людей и тем самым порой портили дело.

Один Грамли посетил все гостиницы, мотели и палаточный лагерь и везде изучил – когда с полного согласия персонала, а когда и с угрозами – регистрационные книги. Другие Грамли – их было двое, Билл и Лют, – обошли публичные дома. Они порасспросили мадам и девочек, пережили попутно несколько сексуальных приключений, но этого нельзя было не ожидать. В конце концов, Грамли есть Грамли. Еще несколько Грамли проверяли водолечебницы. Другие Грамли вылавливали по городу многочисленных посыльных и монтеров связи, работавших на Оуни, и передавали им приказ держать глаза широко раскрытыми. Оуни даже велел нескольким своим парням-неграм – это были определенно не Грамли – посетить черные районы и порасспросить там, потому ни в чем нельзя быть уверенным: времена изменились, и теперь уже вполне можно допустить, что белые люди будут скрываться среди негров и, более того, даже иметь с ними общие дела. Кто знает, какие еще чудеса преподнесет сорок шестой год? Даже полиции были даны определенные рекомендации. Впрочем, Оуни ожидал от нее немногого: от копов всегда было мало толку.

Но все эти усилия ничего не дали. Не удалось раскопать никаких следов этого ковбоя. Оуни начал беспокоиться.

Поздно вечером он сидел на своей крыше, высоко над потоком машин и людей, протекавшим по Централ-авеню на шестнадцать этажей ниже его местопребывания. Стояла мягкая арканзасская ночь. На стеклянном столике возле него стоял стакан с мартини и лежала в пепельнице сигарета, заправленная в мундштук. Перед собой он видел стену, испещренную светящимися окнами, а это говорило о том, что отель «Арлингтон» полон сосунков с туго набитыми карманами, мечтающих о том, чтобы сделать свой вклад в благосостояние Оуни. Правее гостиницы возвышалась гора Хот-Спрингс с ее двадцатью семью скважинами горячей воды, успокаивающей души и излечивающей триппер.

В руках Оуни держал голубя – такую приятную гладкую птицу с полными жизни фиолетовыми радужками во весь глаз, с теплом, доходящим до самого сердца Оуни, с грудью, раздувавшейся от нежного воркования. Птица являлась воплощением теина и нежности.

Он пытался разобраться в своих проблемах, и ни одна из них не казалась особенно серьезной, если рассматривать ее в отдельности, но вместе, одновременно, все они слагались в довольно серьезный нажим. На него охотился Колл Бешеный Пес, он задолжал пару пуль «Гудзонским тряпичникам», он постоянно ощущал наезды Тома Дьюи, он сумел разобраться

с самыми серьезными людьми из Нью-Йорка, так что все эти нынешние дела не должны были иметь никакого значения.

Однако имели. Возможно, он начал стареть.

Оуни продолжал поглаживать гладкую головку птицы, но вдруг сделал интересное открытие. Раздумывая о том, что мешало ему жить, он незаметно для себя выдавил жизнь из голубя. Птица была бесповоротно мертва.

Он бросил трупик в корзину для бумаг, одним глотком выпил мартини и ушел внутрь.

Часть 2

ДНЕВНАЯ ЖАРА

Август 1946

Глава 09

В первое утро Эрл вывел группу молодых полицейских на спортивное поле, находившееся в центре городка, из недавно опустевших казарм, располагавшихся на обнесённой несколькими милями колючей проволоки территории армейских складов в Ред-Ривере. Нещадно жгло техасское солнце. Все были одеты в шорты и спортивные туфли. Он гнал их нещадно. Гнал непрерывно. Гнал вперед и вперед. Никто не выбыл. Но никто не мог сравняться с ним. Чтобы задать им ритм, он громко напевал бессмысленные песенки, которые были в ходу у морских пехотинцев:

Я не знал, но мне сказали:
Эскимо вкусней едва ли.
Ты бежишь,
Раз-два,
Словномышь,
Три-четыре.

Их было двенадцать, молодых людей, имевших хорошую репутацию и приличную подготовку. Во время своих многолетних странствий в джунглях закона Ди-Эй завел знакомства с множеством полицейских начальников. Так что, получив это назначение, он встретился с некоторыми из них и попросил одолжить ему несколько самых способных молодых полицейских, мечтавших о большой карьере и желавших послужить во временном подразделении, которое будет проводить подготовленные по самому последнему слову тактической науки рейды под руководством живой легенды ФБР. Платить будет штат Арканзас; места откомандированных будут считаться вакантными до тех пор, пока те не вернутся в свои отделы, обогащенные новым опытом, который, в свою очередь, смогут передать коллегам. Таким образом, выиграют все. Благодаря репутации Ди-Эй недостатка в добровольцах не было.

Мальчишкам было от двадцати до двадцати шести лет; несформировавшиеся юнцы с чистыми лицами и волосами, закрывавшими глаза. Кое-кто изрядно напоминал Микки Руни, которого Эрл видел в Хот-Спрингсе, но ни в ком из них не было и тени светского лоска киноактера. Зато куда больше эти серьезные дети походили на многих и многих молодых морских пехотинцев, которых ему довелось видеть живыми и мертвыми.

Когда позади осталось шесть миль, он позволил им остановиться, вытереть пот со лбов, выжать промокшие насквозь от пота майки и отдышаться. Сам он только слегка запыхался.

– Что ж, парни, у вас неплохо получается, – громко сказал он, сделал паузу и добавил: – Для гражданских.

Ответом ему был дружный стон.

Затем наступило время для очередной хитрости. Эрл знал, что он должен истребить в этих мальчишках чувство страха, сомнения, осознание собственной индивидуальности и в самый короткий срок слепить из них некое подобие единой команды. В 1930 году на Пэр-

рис-айленде для этого требовалось двенадцать изматывающих тяжелых недель; правда, за время войны этот период смогли сократить до шести недель. Но Эрл изобрел одну хитрость, которая почти безотказно действовала в каждом взводе, в котором он служил или которым командовал, так что он не сомневался, что и здесь эта штука тоже сработает.

Он даст им новые имена.

– Ты, – сказал он, – как тебя звать?

Помимо всего прочего, Эрл в совершенстве овладел искусством принимать угрожающий вид. При желании его взгляд становился пронизывающим и холодным, а сам он, как казалось подчиненному, каким-то невероятным образом увеличивался в размерах, пока не заслонял собой горизонт. Вот и этот молодой человек попятился от него, от его мощи, его мужественности, его командирства.

– Э-э... Шорт, сэр. Уолтер Эф, – ответил двадцатилетний юноша, не отличавшийся от остальных ничем, кроме темных волос и напряженного выражения лица.

– Шорт, готов держать пари, что тебя всю жизнь звали Шорти²¹. Я прав?

– Да, сэр.

– И опять же могу побиться об заклад, что тебе это чертовски не нравилось.

– Да, сэр.

– Хмм... – Эрл демонстративно закатил глаза, как будто глубоко задумался о чем-то. – Ты бывал во Франции, Шорт?

– Нет, сэр.

– Ладно, с этого момента твое имя будет Френчи. Просто потому, что я так решил. Френчи Шорт. Как тебе нравится?

– Ну ладно...

– Вот и прекрасно. Рад, что тебе понравилось. Так, а теперь слушайте все! Сейчас вы все во весь голос крикнете: «Здорово, Френчи!»

– Здорово, Френчи! – загремели успевшие отдохнуть парни.

– Так, Шорт, теперь ты Френчи. Понял?

– Я...

Не дослушав, Эрл перешел к следующему, длинному, неуклюжему с виду мальчишке с всклокоченными белобрысыми волосами и лицом, усыпанным веснушками; его тело почему-то казалось чересчур длинным.

– Ты?

– Хендерсон, сэр. Си-Ди Хендерсон, Талса, Оклахома.

– Ну вот, с тобой уже начинаются проблемы, Хендерсон. Нашего босса, как вы все знаете, зовут Ди-Эй, так что нам нельзя злоупотреблять инициалами, а то мы сразу запутаемся. Что значит «Си»?

– Карл.

– Карл? Что-то мне не очень нравится.

– Мне и самому не нравится, сэр.

– Хмм... Как же тебе помочь? Вот что мы сделаем: прибавим к твоему имени букву «о». А «эс» прибавлять не будем. Так что ты станешь у нас Карло. Не Карлос, а Карло. Карло Хендерсон. Нравится?

– Э-э... Я...

– Парни, поздоровайтесь с Карло.

– Привет, Карло!

Таким образом он переименовал их всех. В группе появился коренастый Тощий, банальный Длинный, который, однако, был чуть ниже среднего роста, Ник, умудрившийся

²¹ Шорти (shorty) – коротышка (англ.).

сильно порезаться, пока брил почти отсутствующую щетину, Тэрри, читавший книгу «Тэрри и пираты», шуленький и низкорослый Медведь, крупный Орешек, флегматичный Шустрик. Успев утратить вдохновение, Эрл закончил процедуру, переименовав Джимми в Джеймса и Билли Боба в Боба Билли, и наконец, Джефферсон сделался не Джеффом, а Эффом.

– Итак, тех людей, какими вы были прежде, больше не существует. А что же существует? То, чем вы стали теперь, то, что вам предстоит сделать, и то, чему мистер Ди-Эй Паркер собственной персоной, героический федеральный агент, прикончивший Младенца Нельсона и уложивший в гробы банду Баркер, будет вас учить. Вам очень повезло, что вы будете учиться у такого замечательного человека. Теперь вам не придется слушать легенды, он самый настоящий. Вы встретитесь с ним завтра и получите возможность впитать частицу его мудрости. Вопросы?

Вопросы, вероятно, были, и много, но никто не набрался смелости их задать.

Когда Ди-Эй наконец-то показался своим людям – это случилось на одном из обширных стрельбищ старого военного городка, – он мало походил на живую легенду. Вероятно, молодежь рассчитывала увидеть такого же натренированного, энергичного, резкого, с бычьей шеей, желваками на щеках и громоподобным голосом вояку, как Эрл, но парней ожидало разочарование. Перед ними появился довольно крупный, но уже старый человек в мешковатом костюме, стоптанных ботинках и мягкой фетровой шляпе с обвисшими полями. Он выглядел так, будто только что слез с трактора, на котором вспахивал поле где-нибудь в Оклахоме, постоянно отплевываясь от пыли.

Это произошло после утренней пробежки, когда молодежь успела переодеться в свою обычную повседневную одежду, то есть в костюмы и галстуки, и уже начала проклипать жару.

Старик не стал отдавать никаких приказов вообще, он сразу дал понять, что намерен командовать силой не власти, а мудрости. Начал он с того, что предложил подчиненным сесть. Затем он громко посетовал на жару и посоветовал по такому случаю снять пиджаки. Когда пиджаки были сняты, он прошелся среди своих курсантов и осмотрел их личное оружие, по большей части современные «смиты» и «кольты» системы «спешиал» тридцать восьмого калибра, лежавшие в наплечных кобурах, как это подобает полицейским в штатском. У одного оказался даже старый «бисли» калибра 0,44–40 дюйма.

– Это серьезное оружие, молодой человек.

– Да, сэр. Мой дедушка носил это, когда был шерифом в округе Чикаго перед Первой мировой войной.

– Понимаю, понимаю. Только беда в том, что заряжается оно чересчур медленно для наших целей. Не поймите меня превратно. «Кольт» одинарного действия – прекрасное оружие. Равно как и «смит-вессон» двойного действия. Но сейчас одна тысяча девятьсот сорок шестой год, и времена успели измениться. Значит, нам придется учиться тому, как действовать в условиях нового времени.

– Да, сэр, – отозвался юноша. – Именно поэтому я сюда и прибыл.

– Хороший мальчик. Далее. Я предполагаю, что все вы отличные стрелки. Я даже готов держать пари: каждый из вас стреляет так, что остается только позавидовать. Давайте-ка посмотрим, сколько у вас таких. Поднимите руки.

Двенадцать рук взлетело в воздух, извещая о молодой непоколебимой самоуверенности их хозяев.

– Все. Эрл, вы только посмотрите! Они все мастера.

Эрл, стоявший в стороне со сложенными на груди руками и недовольным выражением, которое редко сходило с лица хорошего сержанта, молча кивнул.

– Да, сэр. Мне и самому доводилось использовать «смит», – сказал Ди-Эй.

Он поднял полу пиджака и явил свету то, что ему не удавалось полностью спрятать: свой собственный «Смит-и-вессон хеви дьюти» калибра 0,38/44 дюйма с белыми роговыми накладками на рукояти, покоившийся в хитроумной мексиканской кобуре, которая висела на особой портупее ниже брючного ремня.

– Да, сэр, прекрасное оружие. А теперь скажите мне, кто сможет сделать вот это?

Он сунул руку в карман и извлек серебряный доллар. Затем отвернулся от курсантов и подбросил монету в воздух. Блестящий кружок взлетел вверх, на мгновение завис и начал падать. А старик молниеносным движением, за которым невозможно было уследить, вскинул руку и выстрелил не целясь, настолько быстро и внезапно, что, казалось, движение вообще не заняло времени. Монетка звякнула и отлетела футов на тридцать в сторону.

– Вы, – Ди-Эй указал на самого младшего из полицейских. – Не могли бы сходить, принести ее старику?

– Конечно, сэр, – отозвался парнишка, которому Эрл накануне дал имя Френчи.

Шорт сбегал и принес упавшую монетку.

– Подержите ее, – сказал Ди-Эй.

Молодой полицейский вытянул руку, в которой держал монету, пробитую пулей тридцать восьмого калибра точно в центре. Сквозь дыру бил луч яркого техасского солнца.

Молодежь возбужденно зашепталась.

– Ну вот, – сказал Ди-Эй, – вы, наверно, думаете, что это высший класс, да? Если честно, это промах. Потому что я попал точно в центр. Обычно, когда я развлекаю детей такими фокусами, я стараюсь попадать поближе к краю, чтобы было удобнее вешать монетку на цепочку и носить на шее. Так она висит гораздо удобнее. Кто из вас может проделать такую же штуку?

На сей раз не поднялась ни одна рука.

– Мистер Эрл, как по-вашему, вы сможете? – спросил старик.

Эрл был очень хорошим стрелком, но знал, что такой трюк ему не по зубам.

– Нет, сэр, – признался он.

– Говоря по правде, – сказал Ди-Эй, – в мире найдется всего четыре-пять человек, которые могут с уверенностью сделать такой выстрел. Пара техасских рейнджеров. Мой старый приятель Эд Макдживерн, цирковой стрелок. Возможно, один pistolero из Айдахо, некий Элмер Кит. Видите ли, тому, что умею я, что умеют те парни, которых я вам назвал, вы научиться не сможете. Для этого нужен особый талант. Способность мозга за доли секунды рассчитать движение мишени и скоординировать с ним движения собственной руки и глаза. Вот и все. Это всего лишь дар природы.

Он повернулся к слушателям.

– Я показываю это вам, потому что хочу, чтобы вы это увидели и забыли. Мне повезло. Мне очень сильно повезло. Вам – нет. Вы обычные люди. Вы не сможете сделать этого. Никто в ФБР не мог сделать это. Поэтому я хочу научить вас, как может уцелеть и победить в перестрелке обычный человек, не такой, как я. Вы видели быструю и довольно зрелищную стрельбу; теперь забудьте об этом. Быстро и зрелищно – не решение проблемы. Проблемы решают уверенность и точность. Теперь отнесите револьверы в ваши шкафы и закройте их там. Вы больше не будете использовать их, не будете стрелять одной рукой и не будете доверять вашим рефлексам. Вот наш рабочий инструмент.

Он снял пиджак и показал всем автоматический пистолет сорок пятого калибра, висевший у него под мышкой слева в сложной кожаной сбруе.

– Мы пользуемся вот такими автоматическими пистолетами калибра сорок пять. Носим их взведенными и поставленными на предохранитель. Вынимаем пистолет одной рукой, подхватываем второй и крепко держим, сосредоточившись на прицеле. Локти фиксируем так, чтобы получился треугольник. У нас получается треугольник, образованный

руками между нашим телом и оружием, и треугольник, образованный ногами между нашим телом и землей. Треугольник – единственная жесткая фигура, существующая в природе. Немного приседаем, потому что именно так наше тело хочет сделать, когда нам страшно. Мы не полагаемся на способность нашего сознания производить сложные расчеты в условиях высочайшего напряжения и волнения, и мы не рассчитываем на то, что наши пальцы будут совершать сложные движения, когда единственное, к чему они стремятся, это согнуться. Каждая из всех чертовых вещей, которые мы делаем, делается очень естественно, просто и уверенно. Наши движения просты и естественны. Самое главное: мушка, мушка и еще раз мушка. Здесь все зависит от тренировки. Если вы видите мушку, то победите и выживете, если не видите, то умрете. Я слышал смех? Я слышал, как кто-то захихикал? Конечно, слышал. Вы хотите сказать мне, что мужчина стреляет одной рукой. Вся стрельба по мишеням и все полицейские игры со стрельбой производятся одной рукой. Старые ковбои стреляли с одной руки, и в кино все звезды пользуются одной рукой. Вы не хотите пользоваться двумя руками, потому что это девчачья стрельба. Вы большие сильные мужики. Вы обойдетесь и одной рукой. Так вот, это образ мыслей, который наверняка приведет вас в могилу.

Он вынул из кармана еще один серебряный доллар, повернулся и снова подбросил вверх. Пистолет превратился в расплывчатое пятно, с такой быстротой он занял место в вершине треугольника, образованного руками, и из этого расплывчатого пятна трижды полыхнуло огнем. Монета подскочила в воздухе три раза и отлетела заметно дальше, чем первая. Шорт снова сбегал за ней и поднял на вытянутой руке. Монета не годилась на сувенир. Она была искорежена до полной неузнаваемости.

– Вот видите, парни. Двумя руками такие вещи можно делать так же быстро, как и одной.

В первый день они работали с незаряженными стандартными армейскими пистолетами сорок пятого калибра. Быстро выдернуть из лоуренсовской кобуры, носимой на поясном ремне над бедром, прицелиться, произвести холостой выстрел. Затем взвести курок, поставить на предохранитель и убрать в кобуру. Такова была система Ди-Эй – носить пистолет взведенным и поставленным на предохранитель, чтобы, когда ты его вынимаешь, большой палец попадал прямо на предохранитель и сдвигал его, пока оружие обращается дулом к цели, а другая рука тем временем обхватывала рукоять и ты сам подавался корпусом вперед, опуская голову и поднимая оружие, пока не увидишь перед собой крошечный выступ мушки, накладывающийся на пятно черного силуэта.

Раз!

– Вы должны научиться медленно делать верное движение, прежде чем начнете безошибочно выполнять его быстро, – повторял Ди-Эй. – Приготовьтесь и... вынуть... целься... огонь!

Северотехасский ветер унес дюжину щелчков.

– Теперь повторить, – приказал старик. – И думайте о нажиме на спусковой крючок. Контролируйте его. Палец движется точно назад. Нажим на спусковой крючок должен быть ровным, верно направленным и вообще идеальным.

Упражнение повторялось снова и снова, пока кожа на пальцах курсантов не растрескалась до крови. Даже Эрл безостановочно выхватывал и направлял в цель свой пистолет, отлично понимая, что не имеет права ни пожаловаться, ни отказаться выполнять упражнение. Однако во всем этом деле было нечто, серьезно беспокоившее его.

В конце концов вверх поднялась рука.

– Сэр, а вы уверены насчет всего этого? Я могу гораздо быстрее действовать своим «официал полис». Мне бы не хотелось отказываться от своего револьвера.

– Есть еще вопросы?

В первый момент воцарилась тишина, но затем поднялась одна рука. Потом другая. И третья.

– Мушка очень маленькая, намного меньше, чем у моего «смит-вессона». Я ее и не вижу толком.

– Я слышал, что автоматические пистолеты отказывают гораздо чаще, чем барабан револьвера. Это меня сильно беспокоит.

– Мне кажется, что я чувствовал бы себя лучше, если бы носил его на полувзводе и взводил бы до конца большим пальцем, когда нужно его вынуть, как я это делал с моим старым однозарядным.

Робким сомнениям не было конца.

И даже у Эрла были сомнения. Ему не нравилось ходить с пистолетом, поставленным на предохранитель. Чтобы выстрелить, нужно было нащупать этот маленький рифленый выступ и нажать на него, причем сделать это в напряженной и даже, возможно, очень напряженной ситуации. Его сильно раздражала мысль о том, что он может навести оружие на кого-то, намереваясь его убить, нажать на спуск – а выстрела не последует.

– Эрл, а как ваше мнение?

– Мистер Ди-Эй, вы здесь босс.

– Вот, молодежь, обратите внимание на поведение Эрла. Он хороший морской пехотинец и поддерживает старика до последнего, независимо от того, насколько сильно тот спятил. Но, Эрл, что вы сказали бы, если бы я не был боссом? Валяйте, Эрл, скажите этим ребятишкам правду.

– Хорошо, сэр, – ответил Эрл, – раз вы так хотите, я скажу. Меня немного тревожит то, что придется носить пушки на предохранителе. Возможно, что возня с ним помешает быстро выстрелить, а я знаю по островам, что очень часто бывают такие случаи, когда приходится очень быстро стрелять, чтобы не умереть. В бою никакое оружие не держат на предохранителе. Может просто не хватить времени, чтобы его снять.

– Очень полезное замечание, Эрл. И все остальные вопросы тоже были очень полезными. Поэтому мы с вами сейчас перейдем к другим занятиям. Вы должны понять, какая разница между тем, что работает по-настоящему хорошо, и тем, что работает хуже. Давайте вернемся в помещение.

Группа толпой двинулась к зданию, предназначенному для демонтажа взрывных устройств, где была устроена классная комната. Там у стены стояла картонная почтовая коробка размером примерно два на два фута, старательно упакованная в плотную бумагу и залепленная ярлыками. Взглянув на ярлык, Эрл увидел, что посылка пришла из какой-то конторы «Гриффин и Хоув», находившейся в Нью-Йорке. Порывшись в памяти, он попытался определить, откуда ему знакомо это название, но так и не вспомнил, хотя ощущение, будто он где-то его встречал, не проходило.

– Так, ребята, кто-нибудь вдвоем поставьте-ка эту штуку на стол, – распорядился Ди-Эй.

Двое молодых полицейских поспешно повиновались. По тому, что они поднимали коробку с заметным напряжением, нетрудно было понять, что в ней содержится изрядное количество стали.

– Эрл, откройте, пожалуйста, коробку.

Эрл вынул перочинный нож и разрезал упаковочную бумагу и картонные стенки с трех сторон. Подняв крышку, он увидел внутри несколько небольших – приблизительно восемь на шесть дюймов – коробок с надписями «„Кольт“, Хартфорд, Коннектикут», эмблемой «Кольта», изображающей жеребенка, приподнявшегося на дыбы, и еще одной надписью: «Модель, утвержденная национальным правительством».

– Я изрядное количество лет проработал на «Кольт», и поэтому мне удалось договориться с ними об этом оружии. Его переправили мне через фирму «Гриффин и Хоув», это известные нью-йоркские торговцы оружием. Эрл, выньте один, пожалуйста, и покажите его всем.

Эрл извлек одну коробку и сорвал с нее крышку. Внутри лежал отливавший глянцевой чернотой «кольт» правительственной модели, но Эрл сразу обратил внимание на то, что боковина картонной коробки в одном месте заметно выпирала, как будто лежавший в ней предмет был больше того, для которого предназначалась коробка. Он достал пистолет.

– Ну, и что там у вас? – спросил Ди-Эй. – Объясните им, Эрл.

– Прицел заметно крупнее, – не задумываясь, сказал Эрл.

Действительно, вместо регулируемой прицельной рамки здесь стоял более крупный фиксированный прицел – широкая полоса с прорезанным точно по центру углублением, а на конце дула вместо маленького, похожего на узелок выступа торчало большое квадратное широкое лезвие.

– Нестандартная задняя часть. Мушка системы «Патридж». Что еще, Эрл?

Эрл взял пистолет за рукоять, ухватился поудобнее, и большой палец самым естественным образом уперся в предохранитель, который тоже оказался заметно больше и представлял собой рычажок, дополнительно увеличенный приваренной пластинкой. Подушечка большого пальца удобно легла на предохранитель, и было ясно, что не попасть на него нельзя даже в самой большой спешке.

– Теперь продемонстрируйте выстрел, – сказал старик. Эрл послушно повернулся в безопасном направлении, взвел курок и отпустил предохранитель. Когда он нажал на него, большой палец ощутил сопротивление никак не больше двух унций, а затем рычажок с четким щелчком сдвинулся. Эрл нажал на спусковой крючок, который сработал под усилием в четыре фунта – ровно и плавно.

– Это боевой пистолет, – пояснил старик. – Лучший из всего, что у них есть. Совершенно безопасный при ношении во взведенном состоянии на предохранителе. Рама так обработана и отполирована, что все движется легко, как язычок котенка, лакающего молоко. Спусковой механизм имеет четко фиксированный ход крючка. Семизарядный, перезарядка занимает две секунды, а то и меньше. Патроны сорок пятого калибра с остроконечными пулями обладают самой большой останавливающей способностью, если, конечно, вы не решите перейти на «магнум» калибра 0,357 дюйма, обращению с которым вам придется учиться года два в лучшем случае. И наконец, самое короткое в мире, безошибочно выверенное движение спускового механизма. Джентльмены, это оружие, которое вы будете носить с собой, оружие, из которого вы будете стрелять, это оружие, с которым вы будете жить. Это оружие, которое вы будете чистить два раза в день. Это оружие, с которым вы выигрываете все ваши поединки, если будете хорошо за ним ухаживать. Должен сказать вам, что оно изобретено гением. Не мной, ни в коем разе. Нет, это именно то, что Младенец сделал со своим сорок пятым. Он был убийцей и, как утверждали некоторые, даже сумасшедшим, но он соображал по части оружия лучше любого другого человека на земле, не исключая, пожалуй, и самого старого Джона Браунинга.

Вынуть, целясь, огонь.

Вынуть, целясь, огонь.

Хват двумя руками, предохранитель сдвигается нажимом большого пальца в тот самый момент, когда пальцы второй руки охватывают первую руку, сжимающую рукоять, и надвигают мушку на цель.

– Вам совсем не нужно точно совмещать все три точки прицела, – объяснял старик. – Вам нужно одно: мгновенно сориентироваться. Вы должны знать, что оружие направлено в

нужную сторону, вы не должны тратить время на совмещение мушки с прорезью прицельной рамки. Вы ориентируетесь по мушке. Видите, что мушка совместилась с целью, и стреляете.

Вынуть, целясь, огонь.

Вынуть, целясь, огонь.

Эрл немало удивился тому, насколько хорошо все стало получаться, как только он обрел некоторый навык. Немало помогало то, что у него и впрямь были очень сильные и быстрые руки, зато вся его огромная практика яростной боевой стрельбы и спокойной учебной стрельбы по мишеням теперь не значила почти ничего. Впрочем, у него, несомненно, имелась некоторая толика того дарования, которым был так щедро благодетельствован Ди-Эй: пистолет моментально вылетал из кобуры, дуло устремлялось к цели и – БАНГ! – пуля почти всегда оставляла пробойну в центре мишени.

– Забудьте о голове, забудьте о сердце, – поучал старик. – Цельтесь в самое широкое место и палите до тех пор, пока враг не упадет. Стреляйте в центр. Точно в середину. Если он не хочет валиться и все еще идет на вас, стреляйте в таз, перебейте тазовые кости. Это поставит его на место. Чтобы свалить с ног некоторых из этих громил, требуется чуть не коробка патронов. Именно поэтому вы должны стрелять быстро, метко и много. Обычно тот, кто выпустит больше пуль, уходит с места перестрелки на своих ногах.

Ди-Эй наблюдал за своей командой прищуренными глазами, и его взгляд был настолько пристальным, что не упускал ни одной мелочи. Этот мальчик, тот мальчик, снова этот, и снова он же: небольшие недостатки в технике, слишком резкие движения, недостаток концентрации, палец неудобно лежит на спусковом крючке, так и норовит дернуться или, что хуже всего, заметна неспособность полностью погрузиться в скучную работу бесчисленного повторения движений, которая одна может вбить эти идеи в умы. Но Ди-Эй был терпелив, добр и никогда не раздражался.

– Шорт, должен отметить, что у вас очень хорошо получается и достаточно быстро, – похвалил он молодого парня из Пенсильвании, который действительно очень быстро учился и был лучшим из всех.

Шорт и впрямь двигался быстро. Не так быстро, как Эрл или сам Ди-Эй (через некоторое время старик полностью уверился в том, что никто не может двигаться быстрее, чем Эрл), но быстро. Паренек уловил верное движение с первого раза и с тех пор так и выполнял его правильно.

Хендерсон из Оклахомы был куда более неловким. Высокий и белокурый, со слишком длинными руками и чересчур большими кистями, он словно путался в собственных конечностях и совершал лишние движения. Он не имел тех способностей, которыми обладал Шорт и еще некоторые из курсантов. Но боже, как же он работал! Он вставал раньше всех и практиковался в имитации выстрелов, а после занятий уделял этому упражнению еще немало времени.

– Вы настоящий труженик, сынок, – похвалил его Ди-Эй.

– Да, сэр, – согласился Хендерсон. – Мои старики сумели меня этому научить.

Он сражался против воображаемых преступников до тех пор, пока на его пальцах не появлялись кровавые мозоли.

– А вот это, – сказал Эрл через несколько дней – отличная штука.

Он держал в руках автомат «томпсон» сорок пятого калибра, модель 1928 года, с отлично обработанным деревянным цевьем, компенсатором, вертикальной рукояткой и идеально регулируемым прицелом системы «Лайман».

Еще пять новеньких, лоснящихся от масла экземпляров такого же оружия лежали перед ним на столе.

– Мистер Ди-Эй немало поработал в Мэне, поэтому на всех этих пушках стоит клеймо «Полиция штата Мэн». Это будет нашим главным наступательным оружием, не столько из-за его огневой мощи, сколько ради психологического эффекта, который оказывает его использование. Когда ты очутишься рядом с таким оружием со стороны дула, возникает мысль, что, пожалуй, хватит воевать. Правда, это не слишком-то помогало, когда мы имели дело с японцами, но должно сработать в отношении горцев из Хот-Спрингса.

Курсанты впились взглядами в оружие, которое сержант держал перед собой на вытянутых руках.

– Это полностью автоматическое оружие с полусвободным затвором. Понятие «полусвободный» очень важно, оно означает, что оружие может стрелять только с отведенным назад затвором. Если забыл взвести затвор, считай, что тебе сильно не повезло. Если не поставишь магазина, он не будет стрелять, разве что ты станешь собственными ручками вкладывать патрон в патронник, а потом взводить затвор. Правда, я никогда не слышал, чтобы хоть кто-нибудь это делал, но моя теория говорит, что, если существует хоть какая-то возможность что-то испортить, всегда найдется новичок, который сумеет это сделать, как бы ему ни было трудно. Никогда не досылайте патрон в патронник, потому что любой будет уверен, что он пуст, и именно таким образом случаются несчастные случаи при обучении. У вас будет множество возможностей пролить кровь в Хот-Спрингсе, так что совершенно ни к чему делать это здесь. Сегодня вечером я научу вас разбирать автомат, чистить его и собирать. Вы будете разбирать, чистить и собирать оружие каждый раз, когда будете им пользоваться, и причина для этого та же самая, которую я вам уже называл: хорошо ухаживайте за оружием, и оно отблагодарит вас. Теперь, кто из вас знает, как стрелять из этого оружия?

Поднялось несколько рук, принадлежавших в основном более старшим курсантам, пришедшим в группу из полицейских агентств своих штатов.

Френчи тоже поднял руку.

– Френчи Шорт, ты тоже? Что ж, молодой человек, выйди сюда. Где ты научился стрелять из «томми»?

Френчи встал с места и подошел к сержанту.

– Моя мать была знакома с шефом полиции нашего города. Она устроила так, что мне на пятнадцатый день рождения дали пострелять из всех видов оружия.

– Вот это подарок на день рождения. Будь я проклят, это дорогого стоит. Раз так, Френчи, давай покажи ребятам, как это делается.

Френчи вышел на линию огня, приставил коробчатый магазин, вскинул оружие и подался корпусом вперед.

В двадцати пяти ярдах красовалась силуэтная полицейская мишень в виде мужчины, который стоял в полный рост, положив руку на бедро.

– Приготовились, парни! – скомандовал Эрл.

Френчи переступил с ноги на ногу и нажал на спусковой крючок. Ничего не произошло. Он вспомнил о затворе и потянул за рукоять – послышался глухой щелчок хорошо смазанного металла, – снова встал в позу для стрельбы и нажал на спуск. И опять безрезультатно.

– Дерьмо! – пробормотал он.

– Предохранитель, – напомнил Эрл.

Френчи наугад сдвинул какой-то рычажок.

Снова вскинул автомат к плечу.

Прозвучал одиночный выстрел. Магазин упал на землю.

– Дерьмо!

– Теперь послушайте меня. Френчи решил, что он уже все знает. Он не стал ждать, пока научится. Он был уверен, что знает, и хотел похвастаться. На этой работе нет места хвастов-

ству, потому что хвостовство наверняка погубит вас. Поняли? Здесь командная работа, а не «Эй, посмотрите, какой я молодец!». А также, – Эрл подмигнул Френчи, – когда приставляешь магазин, нужно хорошенько шлепнуть его по дну, чтобы убедиться, что замок защелкнулся. Иногда он не запирается полностью, но пружина держит магазин на месте, а тебе кажется, что, мол, все, полный бибоп²². На самом деле никакого бибопа нет, а есть только боп – один-единственный боп. Френчи не знал, что магазин у него в автомате держится на не очень-то честном слове. Ну, и что он теперь скажет Младенцу Нельсону, который бежит на него с обрезом? Нужно сильно хлопнуть по магазину снизу и услышать, как замок защелкнется.

Эрл вставил магазин в гнездо, сильно хлопнул по нему снизу ладонью, отжал рукоять затвора, выпрямился и приложил приклад к плечу.

– Теперь, ребята, заткните уши, но широко откройте глаза. Я буду стрелять трассирующими, чтобы вы могли проследить полет пуль.

Он нагнул голову, приняв классическую стрелковую стойку, рекомендуемую ФБР, и выпустил сразу полмагазина. Не обращая внимания на застарелую боль в левом запястье, он очень крепко стиснул цевье, не позволяя дулу смещаться, куда ему захочется. В этом была вся штука. Оружие дергалось, затвор скакал взад-вперед, пустые гильзы градом летели вбок, дуло норовило уползти в сторону под действием вспышек огня, выброса пороховых газов и, конечно, огня трассеров. Грохот, с которым пули летели в сторону мишени, сливался в один оглушительный рев. Со среза дула срывалось такое яркое пламя, что отдельных вспышек, конечно же, нельзя было разглядеть, зато огненные струи, бившие из хвостовой части пули, были хорошо видны. Они вспыхивали на невообразимо короткие доли секунды, обозначая траекторию полета каждой пули. Они как бы были и в то же время не существовали, иллюзорные светящиеся полосы, похожие своим бело-голубоватым светом на электрические разряды, более прямые, чем можно было бы нарисовать по самой лучшей линейке, тянувшиеся без единого отклонения от дульного среза к мишени. Пули Эрла моментально проделали в центре силуэта, стоявшего в двадцати пяти ярдах, отверстие с неровными краями.

– Что, впечатляет? А теперь скажу вам, что все это совершенно неправильно. Никогда не стреляйте очередями длиннее, чем по три патрона. В кино все время строчат точно так же, как я сейчас, но дело в том, что у них прямо за камерами сидит толпа всяких помощников с горой таких вот «томми», и они готовы в любой момент прибежать и перезарядить пушку, когда камеры остановятся и звезда усядется выкурить свой «кэмел». Вам придется весь свой боезапас таскать самим, и никому из вас, конечно же, не захочется просадить его впустую. Если только ты не гений, каждый чертов выстрел после третьего пойдет в молоко. Так уж получилось, что я гений. Возможно, Френчи тоже. А вот все остальные, кажется, нет. Теперь смотрите, *как* мы должны стрелять.

Он снова повернулся к мишени, вскинул оружие к плечу и выпустил три коротких очереди по три патрона. Каждая очередь угодила в голову мишени, каждую сопровождал огненный шлейф. А от головы мишени не осталось почти ничего, только разлохмаченный картон.

На протяжении нескольких дней они с утра упражнялись с пистолетами, а ближе к вечеру – с автоматами. Они упорно трудились, некоторые овладевали оружием быстрее, чем другие, но к концу каждый достиг определенных успехов. Благодаря использованию трассирующих пуль – старому приему, который в ФБР давно уже применяли для обучения своих агентов, – было значительно легче замечать ошибки и вовремя указывать стрелку, что дуло его автомата ушло в сторону и пули ложатся не туда, куда нужно. Но Эрл сразу предупредил, что трассирующие пули можно использовать только при обучении, но никогда в бою, потому

²² Бибоп – стиль джазовой музыки, сложившийся в 1940-х гг.

что, во-первых, они сразу выдают положение стрелка, а во-вторых, пылающий состав при попадании пули в сухое дерево, скажем в старый дом, или в сено, сухую листву или мусор почти наверняка вызовет пожар. На таких островах, как Иво, подобная проблема не вставала, зато в городе вроде Хот-Спрингса, где большинство казино находилось в старых деревянных зданиях, об этом необходимо было помнить.

На пятый день Эрл показал курсантам автоматическую винтовку «браунинг».

– Это оружие можно смело назвать смертью для японцев. Оно стреляет большими стандартными правительственными пулями тридцатого калибра, несущимися со скоростью около двух тысяч трехсот футов в секунду, и они пробивают все, во что попадают. Если надо достать парня, стоящего за мягким прикрытием, пуля пробьет защиту и попадет в него. Против автомобилей или легких грузовиков не выдумано ничего лучшего. Магазин на двадцать патронов, дальность прицельной стрельбы тысяча ярдов, отвод газов из канала ствола с запиранием, удобно в переноске, но весит весьма изрядно – около шестнадцати фунтов. Они идут в комплекте с сошками, но сошки сразу же выбрасывают. Здесь сошек уже нет. Каждый взвод морской пехоты или простой пехоты имел хотя бы одну такую винтовку, они составляли основу огня, прикрывавшего все маневры отряда, и использовались для подавления стрельбы противника с дальнего расстояния. Мы будем использовать это оружие очень ограниченно. Оно может пробить три стены и убить человека, который в своей квартире идет в ванную. Но вы должны уметь владеть им хотя бы на тот случай, если мы нарвемся на действительно отчаянных парней, сидящих в надежном укрытии и намеренных биться до последнего. Вот тогда-то и нужна БАР. Это оружие не годится для Джона Уэйна. Из него нельзя поливать очередями во все стороны, как в кино. Оно для этого слишком мощно.

Однако для молодежи оказалось гораздо проще стрелять из БАР, чем из «томми», потому что винтовки были заметно тяжелее и лучше гасили отдачу, а также потому, что длинные стандартные патроны тридцатого калибра намного легче заряжать в магазин, чем короткие для «томпсона». Курсанты стреляли с расстояния в сто ярдов и быстро научились кучно всаживать пять пуль подряд в центр силуэтной мишени.

Половина времени была потрачена на оружие, которое следовало знать, хотя и не предполагалось использовать: дробовики «Винчестер-97» и карабины «М-1». А потом наступил выходной, и большинство учащихся отправились в Тексаркану, чтобы посмотреть кино или развлечься еще каким-нибудь образом. А Эрл и Ди-Эй составляли график. Все знали, что должно было последовать потом.

Настоящая потеха.

Глава 10

Оуни никогда не устраивал встреч в одном месте два раза. Это была привычка, оставшаяся со старых времен. Нельзя действовать шаблонно, потому что шаблон очень быстро погубит тебя. Если тебе удалось выжить после охоты, которую вел на тебя Колл Бешеный Пес, ты не мог не овладеть элементарными навыками выживания, остающимися на всю жизнь.

Таким образом, когда Оуни созывал совещание, большинство Грамли высшего ранга: главных менеджеров казино, главных букмекеров, менеджера телефонной и телеграфной связи, адвоката Ф. Гарри Херста – в общем, всех тех людей, которые управляли другими людьми, которые, в свою очередь, управляли бесчисленным количеством рядовых агентов и так далее, и так далее, приходилось разыскивать по всему городу.

Никто не знал заранее, когда последует вызов и куда придется направляться. Так что сегодняшний сбор был обычен в том смысле, что он был не более необычен, чем любой другой сбор. Оуни назначил встречу в водолечебнице «Фордайс» на Сентрал-авеню. Ради этого случая заведение временно закрыли для посетителей.

Все были голые и сидели, завернувшись в простыни, под многоцветной витражной стеклянной крышей, разукрашенной цветочным орнаментом. При известной фантазии можно было подумать, что собравшиеся расселись в цветах. Дело происходило днем, как и подобает бизнесу. Сквозь стеклянный потолок лился солнечный свет, окрашенный в синелиловый цвет. Все искупались в воде, которую природа нагрела до 60 градусов, пока каждый не почувствовал себя распаренным, как вываренный изюм. Затем все прошли через игольчатый душ, промывший поры. Теперь они сидели в парной и походили бы на облаченных в тоги римских сенаторов, если бы не плавающие по помещению клубы пара. Снаружи патрулировали Грамли, чтобы исключить самую возможность того, что поблизости окажутся какие-нибудь шпионы или случайные зрители. В женскую половину водолечебницы направили нескольких девочек Грамли, которые должны были удостовериться, что никакие леди не сделали попытки спрятаться там.

Встреча проходила в деловой обстановке, и Оуни здесь вовсе не был тем космополитом, тем любезным хозяином, с величайшим тактом принимавшим важных гостей из других мест, говоря со светским британским акцентом, которому был обязан актерскими способностями, а отнюдь не врожденной памяти. В своем собственном святилище, где его власть была абсолютной и престиж непререкаемым, Оуни разговаривал в манере манхэттенского Ист-Сайда, где прожил с тринадцати до сорока трех лет.

– Ничего, – повторил он, разжевывая незажженную сигару, великолепную «гавану». – Только время профукали!

– Ни даже самого поганого хвостика, – подтвердил Флем Грамли, ставший старшим Грамли после того, как Папаша Грамли месяц назад забузил и ушел на покой, заявив, что устал и с него хватит. Флем, закаленный в бутлегерских войнах двадцатых годов, говорил на арканзасском диалекте, да к тому же с таким сильным сельским акцентом, что для того, чтобы понимать его, требовался не один год знакомства. – Мы прочесали весь город от сих до сих и обратно. Эти проклятые фраера смылись, как ветром сдуло. Чертова Богом проклятая штука, будь она проклята.

Оуни впился зубами в сигару, так что чуть не откусил от нее кусок.

– Только, – добавил Флем, чуть помолчав, – малость попозже братан Слайдел, тот, пацан Уилла Слайдела, а не Джада, не Боба, не...

– Да, да, – сказал Оуни, чтобы остановить перечисление всех, кто мог и кто не мог быть отцом Слайдела Грамли.

– А, ну да, сэр, так вот этот Слайдел, он чего сделал? Он проверил один мотель за Уошито. Называется «Лучший туристский». И ему сдалось, что какие-то фраера там подсняли нумерки на недельку. Один старый, такой навроде грустный. А второй с ним помладшее, и такой навроде сильно крутой, такое вот дело, значаца.

– Получается, что их было двое? – заметил Оуни.

– Угу, сэр, очинно может быть. Менеджер говорит, что они куда-то свалили середь недели. И так и не приперлись до хаты. Уиллов Слайдел взял ключ, проверил обе комнатенки. Ничего хошь малёк полезного. Токмо нижнее белье, зубные щетки, да порошок, да газета из Литл-Рока. Ни оружия, ничего вообще толкового. Эти парни катаются налегке, хоша они те, кого мы ищем, хоша не они.

– Мне плевать на все это дерьмо, – громче, чем надо бы, заявил Оуни. – Если бы эти говнюки были ни при чем, они, мать их, не стали бы бросать в мотеле свои подштанники. Они могли свалить из города, но не до проверки. Эти парни, они знали, что я буду их искать. Этот чертов ковбой, попортивший ребра Сигелу, он знал меня. Он посмотрел на меня и сказал... – И здесь Оуни довольно похоже повторил убийственно язвительную реплику Эрла: – «Может быть, вы или кто-то из ваших парней хочет помериться со мною силами, мистер Мэддокс? Прошу». Этот раздолбай знал меня. Откуда он меня знает? Я его не знаю. Откуда, черт вас возьми, он меня знает?

Оуни взгляделся в плававшие по комнате клубы пара, как будто надеялся разыскать в них решение и этой новой проблемы, и всех остальных. У парня с вокзала были самые лучшие руки, какие ему когда-либо приходилось видеть.

– Этот долбанный тип, у него есть удар. Я не один год содержал боксеров. Просто здоровый болван не мог так ударить. Я-то знаю, что такое бокс, так вот, этот парень был нокауте ром!

– Это могли быть нью-йоркские парни? Или чикагские парни?

– Чикагские парни могли быть, – согласился Оуни. – Багси происходит из Нью-Йорка, и я уверен, что его там каждая собака знает. Если бы они были из Нью-Йорка, я знал бы о них. Нет, но как же он врзал этому еврею!

– Может, копы? – решил поумничать кто-то.

– Вы проверяли полицейских? – спросил Оуни Флема Грамли.

– Ага, сэр, а как же. Шеф говорит, что это не был никто из егойных парней. И никаких новых он не нанимал. Он звонил в Литл-Рок своему другу из ФБР, так тот говорит, что это никакие не федеральные типы. И не из акцизного департамента или еще какого-нибудь дерьма в этом роде. Вы уж поверьте мне, я этих акцизников знаю от и до, так вот, эти фраера никакие не налоговики. Ни один акцизник не сумеет так врзать.

– А может, они работают на нового окружного прокурора? – спросил кто-то. – Рядом с Беккером у нас нет никаких источников.

Флем ответил, не задумываясь:

– Этот мальчишка так напугался, когда Руфус бросил ему на лужайку дохлую собаку, что его с тех пор даже в городе не видно. Он даже в своем офисе почти не бывает!

Ответом ему был дружный смех.

И с этим вопросом покончили. Было много и других важных дел, касавшихся старого бизнеса: новая китайская прачечная около Оуклона задерживала платежи, и ее хозяевам нужно было объяснить, что следует соблюдать аккуратность; пивоваренный завод «Джакс» из Нового Орлеана поставил слишком много пива, но Грамли убедил водителя грузовика не сообщать об этом; колесо рулетки в «Подкове» заедало, что позволяло с немалым успехом угадывать выигрышные поля, его можно было отремонтировать, но лучше бы заменить стол целиком; начинался сезон скачек в Хайалиа, и Оуни предстояло решить вопрос о том, чтобы добавить в центральную контору одного-двух человек, поскольку во время сезона в

Хайалиа сведения оттуда передавали так часто, что провода, казалось, начинали дымиться от перегрузки.

Но после окончания совещания менеджер «Золотого солнца», заведения, расположенного около оуклонского ипподрома, отвел Оуни в сторону.

– Оуни, я кое-что слышат.

– И что же, Джок?

– Может быть, это и ничего не значит, но вы в любом случае должны об этом знать.

– Ну так валяйте.

– Мой шури́н из Лос-Анджелеса частенько открывает заведение во внеурочный час для Микки Коэна. Так уж случилось, что он служил в игорном доме на пароходе, который они держали за пределами двенадцатимильной зоны.

– И что?

– Так вот, после того как пароход прикрыли, дела у них стали паршивыми. Но Микки сказал моему шури́ну, что скоро наступят хорошие времена.

Оуни слушал внимательно. Микки Коэн был правой рукой Багси.

– Но что же это значит?

– Он говорит, что скоро найдется много работы для всех настоящих профессионалов игорных столов.

– То есть? Багси намерен попытаться получить этот пароход обратно?

– Нет, Оуни. Задумка куда крупнее. Похоже, что он купил большой кусок пустыни возле границы Невады. Азартная игра в Неваде не запрещена. Туда никто не ездит, но там это вполне законное дело.

– Я все еще не...

– У него большой план. Он собирается выстроить город. Большой город. У него есть сколько-то там нью-йоркских денег, которые он в это вложит. Считается, что этот план совершенно секретный. В общем, он собирается выстроить в пустыне город, где будет идти игра на деньги. Он собирается выстроить Хот-Спрингс в пустыне. Лично я думаю, что это дерьмо. Кому нужно переться в гребаную пустыню, чтобы проигрывать там свои денежки?

Однако Оуни уже понял смысл визита Багси и увидел в нем серьезную угрозу своему будущему. Значит, Багси затеял свою собственную игру. Но Хот-Спрингс мог быть только один. Он мог находиться либо здесь, в Арканзасе, где был создан и где, по всем понятиям, было его место, или в гребаной невадской пустыне, куда эта жидовская рожа Багси вознамерился его перенести.

В двух местах он существовать не мог.

Кому-то предстояло умереть.

Глава 11

Ди-Эй все продумал очень тщательно. Он разбил всю команду на огневые группы по два человека и сформировал два отделения, в каждое из которых входили по три таких группы. Одно предназначалось для проникновения с парадного входа, а второе – с черного.

Теперь пришло время отрабатывать операции с разряженным оружием, но в остальном снаряжение было полным, включая тяжелые бронежилеты, которые все ненавидели лютой ненавистью.

Конечно, молодой Карло Хендерсон оказался в одной группе с еще более молодым Френчи Шортом, полным соображений, слишком важных для того, чтобы хранить их при себе. Эти соображения были одной из причин того, что никто другой не захотел работать на пару с Френчи.

– Посуди сам, – говорил Френчи, – с какой это стати я буду пользоваться дробовиками и карабинами? Это тебе не двадцатые годы. «Томпсоны» сделали для войны в окопах. Для стрельбы очередями. Попадаешь в помещение, поливаешь его очередью и...

– Да ведь тебе же все время твердят: не стреляй длинными очередями, – ответил рассудительный Карло. – Мистер Эрл прямо так и сказал: стреляйте по три выстрела.

– Что ты говоришь? Да ведь эти болваны просто свихнутся, если кто-нибудь начнет в них стрелять. Они разнесут в клочки все, что хоть немного движется. И превратят свои драгоценные казино в дома из швейцарского сыра.

– Ты бы лучше делал то, что тебе говорят.

– А-а, – протянул Френчи, – значит, ты тоже один из них? Тебе, наверно, нравится все это дерьмо. И этот громила, мистер Эрл, который шляется здесь с таким видом, будто он Бог, или Джон Уэйн, или кто-то еще в этом роде.

– Да он, по-моему, нормальный мужик. Я слышал, что на войне он был большим героем.

– Ну и что он с этого поимел? Строит из себя сержанта и готовится высаживать двери казино в арканзасской дыре, в Хот-Спрингсе. Дерьмо все это. Неужели он не мог нажать со своей медали ничего большего, чем это?

– А ты-то что здесь делаешь, если все это такое дерьмо?

– Э-э-э...

– Ну?

– Ты никому не скажешь?

– Конечно, нет. Ты мой напарник. Я должен прикрывать тебя.

– Меня вышибли из Принстона. Дружище, у моего старика аж задница покраснела от злости! Он судья, большая шишка, вот и пристроил меня в департамент полиции. Но чего я на самом деле хочу, это пробиться в ФБР. Однако без бумажки из колледжа – нет, сэр! Зато если я покажу себя хорошим копом...

– За что тебя выгнали?

– Это длинная история, – ответил Френчи; его взгляд вдруг сделался жестким, и глаза вспыхнули фанатичным огнем. – Это была совершенная туфта, можешь мне поверить. Меня обвинили в том, чего я вовсе не делал! Как бы там ни было, если мне удастся попасть в ФБР, то оттуда можно будет перебраться в БСС. Ты хоть знаешь, что это такое?

– И что?

– Что, что! Хендерсон, да ты еще тупее, чем кажешься. Это Бюро стратегических служб. Знаешь, дружище, там я был бы как раз на месте! Работа в разных странах, в чужеземных странах, а у меня настоящий талант к языкам и акцентам. Да все парни, которых собрали сюда, на чистом глазу верят, что я вылез из какого-то жабьего болота в Джорджии!

А уж в БСС можно вдоволь повалить дурака. Во время войны они взрывали поезда, убивали нацистских генералов, перерезали провода и подслушивали разговоры дипломатов. Мой дядя занимался всеми этими делами.

– Ладно, – сказал Хендерсон, – но пока что лучше будет, если ты забудешь обо всем этом и сосредоточишься на том, что нам предстоит делать через несколько минут.

– Ладно, только я возьму «томпсон», договорились?

– Мне казалось, что тебе не нравится «томпсон».

– Я не говорил, что он мне не нравится. Я сказал, что им нужно пользоваться не так. Но я хочу ходить с «томпсоном».

– Вот и прекрасно. Я пойду первым.

– Нет, первым пойду я. Ты сам посуди, я намного быстрее, чем ты, я лучше стреляю, я ловчее, я умнее, я...

– Ты не можешь и идти первым, и нести автомат. Это против правил.

– Правила! – огрызнулся Френчи с таким видом, будто только и делал, что боролся с правилами. – Будь они прокляты, эти правила! Да подавись ты своими правилами!

В качестве учебного объекта выбрали строение 3-3-2, одну из множества пустых казарм, выстроенных в безжизненной техасской степи. Эта казарма ничем не отличалась от всех остальных: обычное неухоженное, чуть покосившееся здание из расколовшегося дерева, выкрашенное облупившейся желто-коричневой краской; несколько оставленных открытыми оконных рам, скрипя, раскачивались под ударами всепроникающего ветра.

Строение 3-3-2 было целью. Двенадцать полицейских заняли позиции в третьей от объекта казарме, провели рекогносцировку, изучили объект атаки и выработали план. Длинный, самый старший из всех – ему было уже двадцать шесть, – дорожный патрульный из Орегона, был назначен номинальным командиром операции и вел себя рассудительно и даже мудро, отлично понимая, что простота действий наполовину обеспечивает успех. Он был уверен, что все пройдет легко, если, конечно, все будут действовать по плану и поддерживать друг друга.

Однако почти сразу же ему начал мешать Френчи. Френчи все знал лучше всех. Френчи все рассчитал. Френчи, обаятельный, разговорчивый, своенравный, продолжал утверждать:

– Я лучше всех стреляю и поэтому должен идти впереди. В самом деле, почему лучшему стрелку не позволяют идти первым?

– Шорт, а ты не хочешь дать попробовать кому-нибудь другому?

– Я просто говорю, что правильнее всего использовать лучших людей впереди. Я очень хорошо стреляю. Никто не может стрелять так, как я. Разве я не прав? Если я не прав, поправьте меня. А раз так, я должен входить первым.

У него совсем не было совести, и на все доводы он просто плевал. В конце концов, чтобы отвязаться от него и продолжить работу над планом, Длинный дал Френчи добро на то, чтобы он, в паре со своим партнером, пошел передовым в группе, штурмующей задний вход.

Затем он разъяснил остальным их обязанности, и курсанты поверх пиджаков облачились в жилеты с вшитыми тяжелыми пластинами брони и нахлобучили шляпы. Все расселись в три автомобиля – два старых черных «форда» дорожного патруля и «де сото», который некогда принадлежал пограничной охране штата по борьбе с перевозчиками спиртного – покатали по пустынным улочкам казарменного городка к вскоре с разных сторон подъехали к строению 3-3-2.

Длинный посмотрел на часы.

– Всем группам, – скомандовал он в микрофон карманной рации. – Начать развертывание!

Автомобили остановились. Люди высыпали наружу. Один сразу же споткнулся и упал, ткнувшись дулом автомата в суглинок тexasской степи и забив компенсатор сухой землей. Второй умудрился на бегу удариться коленом о нижнюю кромку своего бронежилета – о толстенную пуленепробиваемую стальную пластину – и упал, скорчившись от боли; он выбыл из операции с самого начала.

Но Френчи, первым выскочивший из заднего автомобиля, успел и к двери подбежать первым. Он держал наперевес автомат. Карло, не такой ловкий и хуже приноровившийся к броне, замешкался позади.

Френчи пнул дверь.

Она даже не пошевелилась.

– Дерьмо! – разозлился он.

– Черт возьми, ведь ты же по плану должен дожидаться меня! – сказал Карло, подбежав к двери с остальными четырьмя членами их группы.

– Гребаная дверь забита.

Френчи пнул ее снова, без всякого результата.

– Мы должны...

Но Френчи не мог ждать. Он стянул через голову свой тяжеленный бронежилет, разбил стекло в окне, головой вперед нырнул в темноту, очень удачно упал и сразу же вскочил на ноги.

– Служба окружного прокурора, – заорал он во весь голос – Это облава! Руки вверх!

– Подожди меня, черт возьми! – тщетно зывал несчастный Хендерсон, все еще оставшийся по ту сторону двери.

Френчи услышал, как отставшие колотили в дверь. Впрочем, ему даже не пришлось в голову отпереть ее. Он не собирался никого ждать и потому бегом бросился по длинному коридору в дразнящую своей неизвестностью темноту. Тело, освободившееся от двадцати фунтов брони, казалось очень легким. Коридор вывел в более просторное помещение, и Шорт мгновенно навел свой незаряженный автомат на какие-то угрожающе громоздкие тени, которые, как он понял через секунду, были всего лишь старыми столами и стульями. А в следующий момент помещение заполнилось дымом. Дымовое облако сразу разошлось, полностью дезориентировав его. Шорт закашлялся, побежал дальше – все еще в полном одиночестве – и оказался в более свободном месте, где дым был не таким густым. Все предметы, которые были вокруг, казались ему сломанными. Затем он увидел перед собой контуры, напоминавшие человеческие фигуры. Ни о чем не думая, он опустился на колено, привычным движением навел на них мушку «томми» и нажал на спуск. Затвор громко лязгнул.

Он передернул затвор, понимая, что в реальной обстановке его действия означали бы, что он убил несколько человек, и внезапно прямо перед ним появилась еще одна фигура.

Ба-бах! Он выстрелил снова и в следующую секунду узнал изумленное лицо Карло Хендерсона, которого только что «убил». Он метнулся налево, в сторону лестничной клетки, пинком распахнул дверь и выбежал.

– Шорт!

Он обернулся. Позади стоял Эрл, нацелив свой пистолет сорок пятого калибра прямо ему в лицо. Громко клацнул спусковой крючок.

– Прими мои поздравления, Шорт, – сказал Эрл. – Ты только что убил трех человек из своей команды, убил своего напарника и погиб сам. А теперь подумай о том, что ты мог бы натворить еще, если бы добрался до второго этажа!

Ди-Эй собрал курсантов прямо на грунтовой дороге, проходившей перед строением 3-3-2. Он предложил им освободиться от бронежилетов, положить оружие, снять шляпы и пиджаки, слегка распустил галстуки, а курящим разрешил курить. День по обыкновению

выдался жарким, и у большинства молодых полицейских одежда промокла от пота. Вид у всех был довольно печальный и удрученный.

– Что ж, друзья, – начал Паркер, – если бы я сказал, что вы хорошо поработали, это означало бы беззастенчивую ложь. Если быть до конца честным, то толпа голодных енотов, запертых в подвале с десятью фунтами сырого мяса, пожалуй, действовала бы более согласованно. По большей части то, что я видел, представляло собой ошибки, помноженные на ошибки, накладывающиеся на ошибки. Я не понимаю, что случилось с вашей системой взаимодействия. Команда переднего входа, по крайней мере, держалась вместе, но, к великому сожалению, ее перебила команда черного входа. В который уже раз повторяю вам: половина успеха заключается в том, что обе команды входят одновременно. Это принципиально важно. Вы должны появиться сразу с двух сторон и поразить находящихся внутри своей мощью. Они должны понять, что у них нет никаких шансов на победу и сопротивление бесполезно. Сознаюсь, что мы устроили вам несколько сюрпризов. Мистер Эрл бросил дымовую гранату, только чтобы сбить вас с толку. Я сказал бы, что ему это удалось в высшей степени. Кто-нибудь со мной не согласен? Черный ход был заперт. Хоть кому-нибудь пришло в голову посмотреть на притолоке? А ведь именно там и лежал ключ. Вместо этого команда тылового входа сразу же раскололась. Согласовывала ли она свои действия по радиации со второй командой, у главного входа? Нет. Я сидел на втором этаже и контролировал радиосвязь. Вы не поддерживали связь, а когда связи нет, нужно ожидать самых неприятных сюрпризов. И наконец, друзья мои, ни в коем случае нельзя позволять себе слишком возбуждаться. Мы имеем неудачный опыт того, как один член команды отделился от остальных и повел себя чересчур агрессивно. Предполагалось, что он должен был находиться в группе прикрытия, а он вместо этого помчался вперед, открыл огонь по своей же второй группе, затем застрелил своего напарника, после чего выбежал на лестничную клетку, даже не подумав проконтролировать зону позади себя, и был без труда застрелен мистером Эрлом. Друзья, нужно научиться сохранять спокойствие. Если вы станете действовать под влиянием эмоций, то будете представлять опасность для своих же товарищей. Мы должны работать командой, помните об этом. Взаимодействие, связь, хорошее умение стрелять, контролируемая агрессивность, разумная тактика. Вот основа нашего искусства. Хотите что-нибудь добавить, Эрл?

– Только одно. Мне это знание дорого досталось. Бой получится таким, каким получится. Вы должны быть готовыми вступать в бой, идти туда, куда он вас приведет, и побеждать. Помните: всегда обманывайте противника, и всегда будете побеждать.

Стрельба и движение.

Это был самый необходимый элемент обучения и самый опасный.

– Я отложил это напоследок, – объяснил Ди-Эй, – потому что вы должны отработать навыки обращения с оружием и самодисциплину, прежде чем вам можно будет хотя бы подумать об этом. Это такая вещь, где вы, если оплошаете, наверняка убьете своего товарища или случайного прохожего.

Учебный курс, который лично разработал Ди-Эй, осваивался в бывшем административном корпусе (естественно, временном, как и все постройки этого городка), откуда осуществлялось управление всей округой в то время, когда здесь хранилось армейское имущество. Теперь здание было намечено к сносу и ждало лишь появления в бюджете необходимых денег. С ним можно было делать все, что угодно, и Ди-Эй разрешил стрелять по всем стенам, кроме переднего фасада. Это дало сектор обстрела в добрых 270 градусов.

– Вы проходите по помещениям командами по два человека, точно так же, как во время настоящего рейда. Идущий справа берет на себя цели, находящиеся справа. Тот, что слева,

соответственно, левые. Короткие, контролируемые очереди. Помните: напарнику нужно верить, как самому себе. И, ради бога, держитесь вместе!

Это говорил Эрл. Ему надлежало идти по пятам за каждой парой и обеспечивать безопасность во время выполнения упражнения.

Пока очередная пара проходила по зданию, остальные курсанты ждали своей очереди. Изнутри доносились только быстрый стрекот «томми» и отрывистый лай пистолетов, говорившие о том, что команда расправляется со своими мишенями. Потом появлялись возбужденные, невредимые парни, и Эрл вызывал следующую пару.

Наконец настала очередь Карло и Френчи.

– Ладно, парни. Главное, не волнуйтесь. Шорт, сегодня ты намерен выполнять правила?

– Да, сэр.

– Прекрасно. Так, у кого будет большая пушка?

Напарники не обсудили это заблаговременно и теперь лишь уставились друг на друга.

– Хендерсон, ты покрупнее. Поэтому возьми автомат. Шорт, ты чертовски ловок с пистолетом. Вот и будешь им пользоваться. Помните: соблюдайте скорость движения, внимательно следите за своими мишенями, не отходите от напарника. Постоянно знайте, где он находится, и в таком случае никто не пострадает.

– Понял, – заявил Френчи.

Два молодых офицера под наблюдением Эрла зарядили и поставили на предохранители свое оружие, а потом облачились в тяжелые бронежилеты.

– Так, – сказал он, – теперь держите дула на нужной высоте, идите плечом к плечу. Мы никуда не торопимся, мы внимательно смотрим по сторонам, чтобы не пропустить цели. Стреляете только по черным мишеням. По мишеням с белым крестом не стреляете. Они обозначают гражданских лиц. Хендерсон, помни: очереди по три выстрела в самый центр мишени. Ты, Шорт, контролируешь левую сторону, а ты, Хендерсон, правую. Держите оружие, не напрягаясь. Ладно, парни, я иду прямо за вами. Готовы?

Оба согласно кивнули.

– Давайте постараемся все сделать хорошо, – добавил Эрл.

Френчи пнул дверь, которая на сей раз легко распахнулась. Почти соприкасаясь плечами, они шли по длинному коридору. Через несколько шагов Эрл быстро щелкнул прикрепленным к стене выключателем, и перед полицейскими возникли две мишени. Френчи – его пистолет был очень, очень быстр! – всадил две пули в грудь своей. Долей секунды позже Хендерсон короткой экономайной очередью проделал в правом силуэте дыру как раз там, где у человека находится сердце.

– Хорошо, отлично, – похвалил Эрл. – Теперь двигайтесь дальше, не мешайте друг другу, не останавливайтесь, чтобы полюбоваться собой, сохраняйте предельное внимание.

Они дошли до угла. Френчи отскочил к стене, его оружие, поддерживаемое треугольником рук, опирающимся на треугольник ног, грозно метнулось в поиске целей. Мгновением позже из-за угла выскочил Карло и опустился, приняв позу для стрельбы с колена. Перед ними были две мишени, и Эрл почти физически почувствовал, как мальчишки напряглись, наводя на них оружие; впрочем, они тут же расслабились, заметив, что мишени помечены белыми крестами.

– Все чисто, – пропел Френчи.

– У меня тоже, – отозвался его напарник.

– Хорошее решение, – сказал Эрл. – Идите дальше.

Пара двинулась дальше, к лестничной клетке.

– Помните прошлый раз? – спросил Эрл.

Это был намек. Френчи выскочил на площадку, оборачиваясь в прыжке к тому месту, которое не было видно из-за дверного проема, а Карло присел возле дальней стены, нацелив свой «томпсон» вверх по лестнице. Оба мгновенно увидели свои мишени. Пистолет Френчи рывкнул дважды, продырявив два силуэта с расстояния в два фута, а Карло выпустил семь или восемь коротких очередей и разнес в клочки два силуэта, возникшие на верхней лестничной площадке.

– Чисто.

– Чисто.

Пороховой дым заполнил небольшое помещение. Под ногами хрустели стреляные гильзы.

– Хорошая работа, – одобрил Эрл.

Френчи быстро вынул из пистолета полупустой магазин и вставил новый.

– Прекрасно, Шорт. Никто, кроме тебя, не додумался перезарядить, а некоторые даже побежали наверх с пустыми пистолетами. Хорошо мыслишь, сынок.

Френчи не мог сдержать довольной улыбки.

Команда, крадучись, двинулась вверх по лестнице.

Еще раз им пришлось отскочить к противоположным стенам, когда они поднялись наверх и перед ними возник еще один пустой коридор. Вдоль него по обеим сторонам тянулись ряды дверей.

– Теперь нужно очистить комнаты, – подсказал Эрл.

Пара врывалась в комнату за комнатой. Это оказалось напряженной работой: они распахивали двери, мгновенно просматривали комнаты и обнаруживали в них цели, которые следовало расстрелять, и цели, которые следовало пропустить. Огонь был быстрым и точным, и ни один из пары не ошибся ни разу. Ни один невинный не погиб, ни один плохой парень не уцелел.

В конце концов осталась одна комната, последняя.

Напарники переглянулись. Френчи кивнул, набрал полную грудь воздуха, пинком распахнул дверь, ворвался в комнату и повернул голову, глядя, нет ли цели слева. На один шаг сзади и чуть правее держался Карло, который увидел три силуэта, отделенных от входа столбом, вскинул «томми» к плечу, поймал взглядом мушку и нажал на... .

Френчи на мгновение обалдел, когда почувствовал, что вроде бы не должен никуда двигаться, но внезапно явившееся ощущение свободы и скорости сорвало его с места. Дело было в бронежилете: ремень лопнул, и жилет скособочился, мгновенно изменив распределение веса и лишив Шорта возможности управлять своим телом. Затем оборвался второй ремень, и жилет двумя отдельными частями свалился на пол, но Френчи уже успел потерять равновесие. Его кинуло вперед, а когда он переставил ноги, то они разъехались на некстати валявшихся по полу пустых гильзах.

Происходившее казалось ему совершенно нереальным. Время почти остановилось. Грохот «томпсона» сделался оглушительным и полностью вытеснил из действительности все остальное. Даже падая, Шорт чуял запах порохового дыма, ощущал исходящий из дула жар. Его качнуло в сторону выбивавшегося из дула огня, и он испытал моментальный приступ ужаса, точно осознав, что умрет, потому что в следующий миг пересечет ту линию, по которой летят пули, а Карло совершенно не ожидает подобного, и это будет концом.

«Вот дерьмо!» – успел подумать он, ныряя под струю пуль.

Однако неведомо каким образом он не попал под свинцовый град и упал на землю невредимым, хотя из глаз у него посыпались искры, а затем кто-то тяжело рухнул на него сверху, и он услышал голоса, показавшиеся ему приглушенными.

– Господи помилуй! – воскликнул Карло.

– Ты жив? – спросил Эрл.

Эрл лежал на полу в не очень естественной позе. Впрочем, он тут же вскочил на ноги.

– Ты живой? – повторил он. – Цел?

– Черт возьми все это! – пробормотал Карло.

– Шорт, ты ранен?

– Э-э... Нет, я... Что случилось?

– Я чуть не убил тебя, вот что случилось, – ответил Карло; его голос явственно дрожал. – Ты упал прямо мне на линию огня, я не успел убрать...

– Все хорошо, что хорошо кончается, – перебил его Эрл. – Ну-ка, успокойтесь!

– Что за чертовщина с тобой приключилась? Как ты там очутился?

– Жилет развалился, и я упал вперед, а ноги у меня разъехались на поганных гильзах.

– Ты везучий сукин сын, Шорт. Ты знаешь, что мистер Эрл отвернул ствол моего автомата в сторону, наверно, за одну десятую доли секунды до того, как тебя должно было прошить? Он подскочил, схватил автомат за ствол и оттолкнул его!

– Боже, – выдавил из себя Френчи, чувствуя, как на него нахлынула волна запоздалого страха.

– Ну так как, парни, с вами все в порядке? – спросил Эрл.

– Боже, – повторил Френчи и согнулся в приступе рвоты.

– Ничего страшного, такое часто бывает после пережитой опасности. А теперь соберитесь, и пошли отсюда.

– Вы спасли мне...

– Да, да, а заодно спас и самого себя от трех недель дурацкой писанины. Шевелитесь, парни, пора уже и отдохнуть. Нет никаких причин сходить с ума из-за всякой ерунды. Только одно, Шорт: в следующий раз проверь ремни. Возьми за правило проверять снаряжение всякий раз, когда отправляешься в рейд. Понял?

– Я никогда...

– Вот это «никогда», Шорт, и могло тебя прикончить.

Но, сказав это, он подмигнул, и Френчи почувствовал себя немного лучше.

Поблизости не было никакого офицерского клуба, куда Эрл и Ди-Эй могли бы пойти в этот вечер, и, возможно, это было даже хорошо, поскольку ни один, ни другой не пили. Но Ди-Эй пригласил Эрла на обед. Они отыскиали в Тексаркане, около железнодорожной станции, заведение, где готовили барбекю, и заказали жареное мясо на ребрышках и много холодной коки.

Мясо было хорошим, в помещении было полутемно и прохладно, музыкальный автомат играл какой-то негритянский блюз, и скачущий ритм бибопа помог обоим отвлечься от текущих дел. Потом они довольно долго сидели и курили, допивая последнюю коку, но Эрл уже достаточно хорошо знал старого агента, чтобы понимать, что следует быть готовым к какой-то неожиданности. К тому же у него имелся и свой собственный сюрприз, который он намеревался рано или поздно преподнести Ди-Эй, и сегодняшний вечер подходил для этого ничуть не меньше, чем любое другое время.

– Ну, Эрл, вы проделали прекрасную работу. Я уверен, что вы лучший из всех сержантов, которые когда-либо были в Корпусе морской пехоты. Вы в немыслимо короткий срок смогли сделать из них какое-то подобие людей.

– Да, сэр, – ответил Эрл, – дела у мальчишек действительно идут неплохо. Жаль, что у нас нет еще парочки месяцев на подготовку. Но они серьезные, дисциплинированные молодые люди, они упорно трудятся, они прислушиваются к тому, что им говорят, и, возможно, они смогут справиться с делом.

– Кто вас беспокоит?

– О, ну, конечно же, этот Шорт. Есть в нем что-то такое, не позволяющее мне до конца поверить в него. Он хочет делать все как можно лучше, и это, при определенных обстоятельствах, может заставить его принять глубоко неверное решение. Спору нет, он быстро учится, и у него есть некоторый талант в обращении с пистолетом. Но все равно, пока не полетят пули, ни о ком нельзя сказать ничего определенного.

– Я согласен с вами насчет Шорта. Чуть ли не единственный янки во всей группе, а по разговору такой южанин, какого не найдешь от истока до самого устья Суони.

– Я тоже это заметил. Не могу даже предположить, откуда это в нем. Может быть, какая-то южная кровь?

– Ничего подобного. Он мне сказал, что у него талант усваивать диалекты. Может быть, он даже сам не замечает, как это у него получается.

– Может быть. Хотя лично я не встречал ничего подобного за все пятнадцать лет службы в морской пехоте.

– Я спрашиваю вас об этом потому, что получил некоторые новости.

– Я в этом не сомневался.

– Мистер Беккер очень волнуется. Его здорово донимают анонимными телефонными угрозами и тому подобными штуками, а жители города уже смеются: дескать, когда же он начнет хоть что-нибудь делать, а не просто сидеть у себя в офисе за закрытыми дверями и ни с кем не разговаривать. За его женой, куда бы она ни направилась, в открытую шлятся по пятам парни Грамли. А ведь нас нанимали именно для того, чтобы покончить со всем этим. Нам пора двигаться, причем уже скоро. Как по-вашему, мы готовы?

– Если серьезно, то полностью готовым быть вообще нельзя. Но можно сказать, что мы готовы, при одном условии.

– Я думаю, что знаю, каково это условие, Эрл, – сказал старик, насупив брови.

– Как и моя жена. Она сказала, что таков уж мой характер.

– Она знает вас, Эрл. И я вас тоже знаю, хотя впервые увидел вас в лицо всего недели три тому назад. Вы, черт возьми, герой. И я никогда не смогу понять, каким образом вам удалось дожить до конца этой войны.

– Как бы там ни было, я должен быть там. Мальчишки привыкли ко мне, и им станет страшно, если меня не окажется рядом.

– Они преодолеют страх.

– Мистер Паркер, я должен быть там. Вы сами это знаете, и я знаю тоже. Им нужна твердая рука, а у вас будет слишком много дел с Беккером по подготовке рейдов, и кроме того, придется разбираться с полицией, а потом и с прессой.

– Эрл, если вы нарветесь на пулю, я себе никогда этого не прощу.

– А если один из этих юнцов нарвется на пулю, когда я буду сидеть где-нибудь за тридевять земель и попивать кока-колу, то я сам себя никогда не прощу.

– Да, вы твердый орешек для любого босса.

– Я знаю, что правильно и что неправильно. Плюс к тому, ни один из этих чертовых горцев с дробовиками со мной не справится.

– Эрл, нельзя недооценивать вашего врага. Вы должны были накрепко заучить это на войне. Оуни Мэддокс в Нью-Йорке был известен под кличкой Мокрушник. Согласно данным конторы нью-йоркского окружного прокурора, он в свое время убил более двадцати человек. А когда это дерьмо заварится, он пустит против нас бандитов, которые давно уже научились нажимать на спусковой крючок. Не надо ребячиться, Эрл. Это будут крутые парни. На это нужно настроиться.

– Значит, вы разрешаете мне идти с вами?

– Черт возьми! Да, Эрл, вы пойдете. Я вижу это так же ясно, как свой нос в зеркале во время бритья. Но я хочу, чтобы вы сначала поехали домой и поговорили с вашей женой.

Слышите меня? Чтобы вы поговорили с нею, как мужчина. Чтобы она все знала. А вы скажете ей, что любите ее и что все будет прекрасно. И послушаете, как в животе у нее шевелится малыш. Вот, смотрите, здесь двадцать пять долларов. Пригласите ее на хороший обед в самый прекрасный ресторан Форт-Смита.

– В Форт-Смите нет прекрасных ресторанов.

– Тогда наймите повара.

– Да, сэр.

– А потом мы с вами встретимся во вторник в Хот-Спрингсе.

– Во вторник?

– Именно так, Эрл. Наше первое задание. В двадцать два ноль-ноль мы разнесем «Подкову». Во вторник ночью. Мы сразу зайдем с крупной карты.

Глава 12

Эрл вернулся домой в пятницу, уже под утро. Поселок ветеранов мирно спал, и ему потребовалось некоторое время, чтобы найти свою собственную хижину. Низенькие строения из рифленого алюминия были настолько схожими между собой, что большинство женщин пыталось как-то украсить их цветниками и куртинами кустов, шпалерами вьющихся растений и всякими другими подобными глупостями. Но все равно лачуги оставались тем, чем были: поваленными набок бочками, наполовину врытыми в землю и используемыми под жилье. В конце концов он сумел сориентироваться – менее опытный человек мог бы блуждать здесь много часов, причем даже днем, настолько каждая улочка была похожа на любую другую, – и отыскал 5-ю стрит, на которой и жил в доме номер 17. Эрл постучал, но не услышал ответа. Она, конечно же, спала. Он открыл дверь, потому что Джун даже не подумала ее запереть. Эрл услышал дыхание жены из клетушки, носившей громкое название спальни; в действительности это был всего лишь закуток, образованный хлипкой стенкой, не достающей до полукруглой крыши из тонкой жести. Женщина дышала ровно, глубоко, как будто за двоих. Он не хотел пугать ее и поэтому не пошел в спальню, а бесшумно устроился в большой комнате.

Он поставил маленькую настольную лампу так, чтобы свет не попадал в спальню, включил ее и начал раздеваться, оглядываясь по сторонам. Помещение производило впечатление изрядной запущенности. Вся мебель была сильно подержанной, выпуклые стены как будто промялись внутрь, словно старались сделать жизнь здесь совсем невозможной. Джун приложила много сил для того, чтобы как-то приукрасить свое жилище как снаружи, так и внутри, замаскировать его бросающийся в глаза казенный облик. Она красила стены, вешала репродукции картин и занавески, ставила какие-то безделушки. Но все попытки были заранее обречены на неудачу из-за неистребимого запаха алюминия и хилости прогибавшихся при каждом шаге досок пола.

Оборудовано это, с позволения сказать, жилище было самым примитивным образом: печка с плитой да маленький холодильник. Это место совершенно не подходило для того, чтобы растить здесь ребенка.

Эрл пошел в кухню, вернее, в угол, где размещалась кухонная утварь, и открыл холодильник, надеясь найти молоко или что-нибудь другое, хотя бы бутылку кока-колы. Но Джун не ожидала его, и потому холодильник был почти пуст. Движимый каким-то инстинктом, очевидно сродни воровскому, он открыл какой-то шкафчик и действительно обнаружил там, как ему и подсказывало неосознанное воспоминание, полупустую бутылку бурбона «Бун каунти».

Эрлу потребовалось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не выпить его. Он был совершенно не в настроении отказываться от бурбона, потому что дальняя дорога до западного угла Арканзаса по 71-му шоссе провела его, по сути, через родные места. Дорога, две извилистые полосы хорошо укатанного щебеночного покрытия, проходила через округ Полк, где его отец был когда-то шерифом и большим человеком. Около полуночи трасса вывела Эрла напрямик в Блу-Ай, центр округа, лежащего в горах Уошито, которые лишь кое-где пересекались дорогами. Он не был здесь уже много лет. По сторонам главной улицы, тянувшейся параллельно железнодорожной линии, западнее путей, громоздились невысокие здания. Ему совершенно не хотелось притормаживать, чтобы взглянуть на контору шерифа, которая столько лет была конторой его отца, и еще меньше хотелось давать крюк по 8-му арканзасскому шоссе в сторону Борд-Кемпа, где лежали давно заброшенные земли фермы, которую он унаследовал как последний уцелевший представитель семьи Свэггеров.

Он видел свои владения однажды, во время краткосрочного отпуска, и с него было достаточно.

Казалось, что его окружают призраки. Неужели они выбрали эту ночь вместо Хэллоуина? Нет, призраки были воспоминаниями, частично счастливыми, частично грустными, просто возникающими в его памяти яркими картинками из детства, воспоминаниями о парадах, и экскурсиях, и выездах на охоту – отец был страстным, увлеченным охотником, и одна стена дома была сплошь увешана его трофеями, – и о всяких других вещах, которыми была заполнена жизнь мальчика из сельской местности Соединенных Штатов в двадцатые годы. Но он постоянно ощущал гигантский масштаб личности своего отца, весомость его натуры, его неподдельную серьезность в отношении к жизни и то опасливое почтение, которое все окружающие испытывали к Чарльзу Свэггеру, шерифу округа Полк.

Эрл попытался не думать об отце, но не смог и дальше удерживать свое сознание от этого, как не мог запретить своим легким дышать. Мысли об отце навалились на него всей своей великой тяжестью, и он отчетливо осознавал, что в ближайшее время не сможет думать ни о чем другом, что образ отца, как это не раз бывало на протяжении всей его жизни, опять перевесит все, что происходило и происходит в действительности.

Его отец был настоящим шеголем, всегда в черных костюмах и белых льняных сорочках, выписанных по каталогу «Сирс и Ребук». Его черные галстуки-бабочки всегда были повязаны идеальным образом; он каждое утро уделял этому немало времени. Избороженное морщинами лицо отца было всегда серьезным и искажалось гримасой гнева от малейшего неповиновения. Добро и зло делилось для него точно по баптистской Библии. Справа у него на поясе висел «кольт-миротворец», в заднем кармане лежала обтянутая кожей дубинка, при каждом его шаге раздавалось позвякивание ключей, наручников и всяких других важных железных причиндалов. Он носил с собой также «оружие Иисуса» – удерживаемый под левой манжетой специальной подвязкой крохотный «смит-вессон» тридцать второго калибра с патронами кругового воспламенения. Такая предусмотрительность спасла ему жизнь в 1923 году, когда у него случилась перестрелка с тремя отчаянными парнями: он убил всех троих и стал большим героем.

Чарльз Свэггер также имел способность пугать окружающих своим видом. Частично причиной этого были его внушительные габариты, но в большей степени его непреклонная, суровая стойкость. Он защищал то, что находил правильным, защищал прямым и непрекаемым образом и олицетворял собой, некоторым образом, Америку. Бросить ему вызов означало бросить вызов Америке, и он даже на мгновение не задумывался, если нужно было пресечь неповиновение. Люди любили его или боялись его, но и первые, и вторые отдавали ему должное. Он был сильным человеком, который твердой рукой управлял своим маленьким королевством. Он был лично знаком со всеми врачами, священниками и адвокатами; конечно, он знал и мэра, и всех членов окружного совета, и всех видных собственников. Он знал их всех, а они все знали его и могли доверять ему. Он поддерживал мир везде, кроме собственного дома, где нарушал его своей агрессивностью.

Чарльз пил не каждый вечер, а только через два дня на третий. Он пил бурбон, причем делал это для того, чтобы самому считать себя тем самым мужчиной, каким его считали все окружающие, и чтобы избыть страхи, которые, вероятно, твердо укоренились в нем. В пьяном виде он становился еще более могущественным, более героическим и более непреклонным. Его непреклонность делалась еще крепче и превращалась в явление природы. Сомнения напрочь покидали его, а самоуверенность взлетала до небес. Он в который раз пересказывал историю минувшего дня и сообщал о том, как разрешил все проблемы и что сказал множеству людей, которых следовало поставить на место. Но когда он смотрел вокруг, ему неизменно казалось, что собственная небольшая семья испытывает слишком мало почтения к столь благородному по своим качествам и происхождению человеку, как он,

и это задевало его до глубины души. Он принимался исправлять многочисленные ошибки, которые якобы делала его жена, и попутно напоминал ей, что ее родственники меньше чем ничто по сравнению с его родней. Он замечал недостатки в поведении сыновей и порой – чем старше он становился, тем чаще это случалось – принимался воспитывать своего старшего, либо снимая с гвоздя ремень для правки бритв, либо вынимая поясной ремень из брюк. Этот мальчишка вызывал в нем глубочайшее разочарование. Он был совершенным ничтожеством. Следовало ожидать, что у такого выдающегося человека, как Чарльз Свэггер, родится замечательный сын, но нет, у него был всего лишь никчемный Эрл и еще более жалкий его младший брат Бобби Ли, который все еще продолжал мочиться в постели. Он внушал своему первенцу, что тот ни на что не годен, с такой страстью и настойчивостью, словно был глубоко уверен, что мальчик неспособен понять даже этого, хотя на самом деле сын все понимал очень хорошо.

«Он ни к чему не способен! – орал Чарльз на свою жену. – Ни к чему! Ему давно уже пора бы найти работу, но он слишком ленив для того, чтобы работать! Он жалкое ничтожество и всегда останется жалким ничтожеством, но я вобью в него страх Божий, пусть даже это будет последним, что я сделаю в своей жизни».

Результатом этих воспоминаний мальчика, давно уже ставшего мужчиной и одиноко сидевшего сейчас в своем собственном доме, явилось то, что в нем вновь проснулась тяга к бутылке. Бутылка могла быть проклятием и могла являться проявлением трусости, но она была также спасением от настигавшей из прошлого тени отца. Она манила его к себе. Она предлагала себя как спасение, как спокойная музыка, как ощущение размытости, неясности и смягчения всего, что существовало в жизни. Но на следующее утро всегда приходилось просыпаться с поганим вкусом во рту и смутными воспоминаниями о том, что ты говорил что-то такое, чего нельзя было говорить, и слышат такие вещи, которых нельзя было слышать.

Эрл открыл бутылку и вылил бурбон в помойное ведро. После этого он отнюдь не почувствовал себя лучше, но по крайней мере переборол искушение, и в ближайшие часы ему не угрожала опасность снова запить. Он улегся на кушетку и лежал в темноте, слушая, как его жена дышит за двоих, и в конце концов тоже погрузился в поверхностный и неспокойный сон.

На следующее утро Джун была беспредельно счастлива. Он был дома, и больше ей ровно ничего не требовалось. Эрл слушал, как жена рассказывает, что сказал ей доктор, и по ее просьбе прикасался к ее животу, чтобы почувствовать, как их ребенок шевелится.

– Доктор говорит, что все идет прекрасно, – сказала Джун.

– Да, черт возьми, – протянул Эрл, не зная, что на это ответить. – Это здорово!

– Ты уже придумал имя? – совершенно неожиданно для него спросила Джун.

Нет. Имени он не придумал. Даже ни разу не подумал об этом. Он понял, что жена, вероятно, считала, что его мысли, как и у нее, сосредоточены на будущем ребенке. Но это было не так. Он лишь притворялся, что ребенок интересует его. На самом деле то, что она носила в себе, страшило его, как ничто иное в жизни. Думая о содержимом ее живота, он не испытывал никакого иного чувства, кроме страха.

– Я не знаю, – сказал он. – Может быть, назовем его в честь твоего отца.

– Мой отец был идиотом. А когда напивался – еще хуже, – ответила Джун и рассмеялась.

– Ну а мой отец был ублюдком. А когда он напивался, то делался хуже некуда.

И они рассмеялись уже вдвоем.

– Тогда назовем его в честь твоего брата.

– Хмм... – протянул Эрл.

Его брата? И чего ради ей понадобилось вспоминать о нем?

– Ладно, может быть, – ответил он. – В конце концов, у нас еще масса времени, чтобы подобрать имя. Почему бы нам не взять что-нибудь новенькое? Скажем, имя кинозвезды. Назовем его Хэмфри, или Джон, или Корнелл, или Джозеф, или как-нибудь еще.

– Хотя возможно, это будет девочка, – заметила Джун. – В таком случае мы могли бы назвать ее в честь твоей мамы.

– А почему бы нам не начать все сначала? – предложил Эрл. – Может быть, милая, не стоит так цепляться за прошлое?

Беременность Джун уже была заметна с первого взгляда. Ее лицо немного расплылось, и все равно она была самой милой из всех женщин, каких он когда-либо видел. И та тяжесть, какую ей приходилось таскать на своих плечах, а вернее, в животе, нисколько не портила ее.

– Милая, я ничего не понимаю в именах. Назови ребенка сама. Ты его носишь, тебе и придумывать имя. Справедливо, правда?

– Ну как же, Эрл, ты тоже должен в этом участвовать.

– Я просто не знаю! – Против своего желания он произнес эти слова повышенным тоном и потому тут же добавил: – Прости меня. Я вовсе не хотел грубить. Ты получила деньги, да? С этим все нормально? Как ты, родная? Обходишься без проблем? Черт возьми, ты же знаешь, каким злобным старым ублюдком я иногда бываю.

Джун через силу улыбнулась, и могло показаться, что маленькое недоразумение уже предано забвению, но он-то знал, что это не так.

Тем же вечером Эрл повел ее в ресторан «Уорд-отеля», где была самая лучшая кухня во всем Форт-Смите.

Ее муж был очень хорош собой. Костюм так прекрасно сидел на нем, Эрл был загорелым и вежливым и казался даже счастливым, хотя и как-то странно; таким он не был ни разу с самого окончания войны. У Джун потеплело на душе оттого, что она видела его таким счастливым.

– Что ж, – сказала она, – похоже, дела действительно начали устраиваться. Ты завел автомобиль. И мы даже выбрали в такое прекрасное место, как это.

– Верно, – согласился он. – Все идет на лад. Знаешь, ты, пожалуй, могла бы снять квартиру в городе и выехать из этого поселка. Сейчас повсюду начали строить новое жилье.

– Но мне кажется, что это просто глупо. Зачем переезжать куда-то сейчас, когда вот-вот придется снова сниматься с места и перебираться в Хот-Спрингс? Я полагаю, что когда-нибудь все же отправлюсь в Хот-Спрингс.

– Ну, в общем, я думаю, все будет именно так, – бессмысленно промямлил он.

На его лицо набежала тень. Это было поистине ужасно в Эрле: его отдаленность. Иногда он просто как бы исчезал, будто что-то забирало все мысли из его головы и вкладывало на их место воспоминания о войне или что-то еще в этом роде. Порой Джун чувствовала себя сродни тем женщинам, малозаметным персонажам «Илиады», женам греческих воинов, которые были богатырями, но за время войны потеряли слишком много крови, слишком часто оказывались на пороге смерти и вернулись домой с ее нестираемым клеймом. Ей на память пришло выражение, которое она слышала еще в детстве: «Черный, как граф смерти»²³. Жители холмов частенько употребляли это выражение, и когда ее отец, врач, порой брал ее собой в объезды по миссурийским просторам, она слышала эти слова: «Черный, как граф смерти» – и хорошо понимала тон, с которым эти слова произносились. Как бы там ни было, это был ее собственный Эрл, и она была уверена, что должна спасти его от этого наваждения.

²³ «Black as the earl of death». Имя Эрл (Earl) по-английски означает «граф».

Подошедший официант предложил коктейли. Эрл взял лишь кока-колу, но своей жене предложил не стесняться, к Джун заказала напиток под названием «мимоза», который оказался смесью апельсинового сока с небольшим количеством шампанского.

– И откуда же ты узнала, что туда входит?

– Прочитала в журнале «Редбук».

– Он, кажется, издается в каком-то очень большом городе.

– В Лос-Анджелесе. Он очень популярен. Там пишут, что теперь, когда война окончена, Калифорния превращается в край неограниченных возможностей.

– Что ж, может быть, мы переедем туда, когда все это закончится.

Но его лицо снова заволокла тень, как будто мысль о Калифорнии вызывала у него какие-то неприятные ассоциации.

– Но я не смогу оставить мать, – поспешно проговорила Джун. – И когда я жду ребенка...

– Да я же не всерьез. Я просто не представляю, что можно делать в Лос-Анджелесе. Черт возьми, я толком не понимаю даже, что делать в Хот-Спрингсе.

– О, Эрл...

Обед получился действительно прекрасным. Они заказали жареных цыплят и рост-биф. Было по-настоящему восхитительно не просто видеть его, но видеть в цивилизованном месте и самой находиться в таком уютном помещении, заполненном другими хорошо одетыми людьми. Официанты носили смокинги, какой-то мужчина играл на фортепьяно, и все было очень парадно и приятно.

– А теперь, дорогая... – сказал он через некоторое время.

На этот раз тень омрачила ее лицо. Она прекрасно знала этот тон: он означал, что следовало ждать чего-то ужасного.

– Что это значит, Эрл? Я догадывалась, что здесь что-то нечисто.

– Ну, это просто мелочи.

– Что-то насчет твоей работы?

– Да, мэм.

– Хорошо. В таком случае расскажи мне.

– О, действительно пустяки. Мистер Паркер... Он решил, что мне нужно съездить сюда и устроить тебе праздничный обед и все такое. Он прекрасный человек. Я надеюсь когда-нибудь познакомить вас, если представится случай. Он ничуть не хуже тех офицеров, с которыми мне приходилось иметь дело в Корпусе, включая Чести Пуллера. Он думает о работе, но притом заботится и о своих людях, а такое встречается очень редко.

– Эрл? Что это значит?

– Ладно, милая. Помнишь, как я тебе говорил об этих рейдах и сказал, что не буду в них участвовать? По казино и букмекерским лавкам. Так вот, эта молодежь занималась как проклятая и действительно смогла за короткое время добиться серьезных успехов. Но две недели... Черт возьми, чтобы стать хорошим морским пехотинцем, требуется два года. Как бы там ни было, эти ребята, они...

Он беспомощно умолк, потому что никак не мог найти подходящих слов.

– Что они?

– О, просто они еще недостаточно знают.

– Недостаточно для чего?

– Чтобы этим заниматься.

– Я не...

– Вот я и сказал мистеру Паркеру, что должен еще остаться с ними. На первых порах. Просто чтобы убедиться. Приглядеть, вот и все. Я хотел сказать тебе об этом. Тогда я сказал

тебе, что буду только учить их. А теперь я пойду вместе с ними. Только и всего. Я хотел сказать тебе прямо.

Джун смотрела на него.

– Опять оружие и стрельба? Эти рейды будут силовыми?

– Вероятно, нет.

Она видела его насквозь.

– Нет. Это именно такая работа. Вам придется иметь дело с вооруженными преступниками, которые не захотят покорно сдаваться. Поэтому, что бы ты ни говорил, это будут силовые операции.

– Мы знаем, что делать в случае сопротивления. Если, конечно, оно будет. Именно этому и было посвящено обучение. Вдобавок мы носим тяжелые пуленепробиваемые жилеты.

Некоторое время она сидела молча. Потом сказала:

– Но что будет со мной и с ребенком, которого я ношу? Предположим, что ты погибнешь. Тогда...

– Я вовсе не собираюсь умирать. Там деревенские старики с ржавыми дробовиками, которые...

– Там гангстеры с автоматами. Я читаю газеты. Я читаю «Сатердэй ивнинг пост». Я знаю, что происходит в стране. Предположим, тебя убьют. Я должна буду одна растить нашего ребенка? Он даже не увидит своего отца? И ради чего? Чтобы спасти город, разлагающийся от грязи и коррупции уже целых сто лет? Предположим, что ты умрешь и они возьмут верх. Значит, все это пройдет впустую? Что я тогда должна буду сказать своему мальчику? Твой папа умер, чтобы помешать дуракам выбрасывать деньги при помощи маленьких белых кубиков? Он отдал жизнь не за свою страну, не за свою семью, не за еще что-нибудь такое, что было ему дорого, а только за то, чтобы дуракам было труднее играть в азартные игры. И если вам удастся очистить Хот-Спрингс, те же самые дураки просто отправятся в какое-то другое место. Ты не сможешь положить конец греху, Эрл. Ты можешь только защитить от него себя и свою семью.

– Да, мэм, но сейчас я дал слово, и от меня зависят эти мальчишки. И если по правде, я счастлив. Впервые с тех пор, как кончилась война, я счастлив. Я делаю что-то хорошее.

Не очень много, но все же действительно что-то делаю. Я могу помочь этим мальчишкам.

– Эрл, ты самый настоящий дурак. Ты храбрый, красивый, благородный человек, но ты дурак. Тем не менее спасибо за то, что ты рассказал мне об этом.

– Давай возьмем что-нибудь на десерт.

– Нет. Я хочу, чтобы ты сейчас пошел домой и обнял меня, любил меня. Чтобы, если ты все-таки умрешь, у меня осталось воспоминание об этом и чтобы я могла улыбаться, рассказывая об этом нашему сыну.

– Да, мэм, – сказал он.

Он чувствовал себя так, будто только что услышал лучший приказ из всех, какие когда-либо получал за всю жизнь.

Глава 13

Два яйца вкрутую, подсушенный тост, свежевыжатый апельсиновый сок. Затем он три часа просматривал счета и сделал несколько телефонных звонков. На завтрак он отправился к «Кою» и съел там филе. Потом ему приспичило завернуть в устричный бар на Сентрал-авеню, где он взял дюжину крупных свежайших моллюсков, только что доставленных из Луизианы, и к ним несколько бокалов холодного пива «Джакс». Потом он вернулся домой и вздремнул. В 15.00 пришла девочка от «Максина», и он, как обычно, хорошо провел время. В 16.00 он встретился с судьей Леграндом в гольф-клубе, и они быстро прошли девять лунок. Он набрал 52 очка, лучший результат за неделю. Эта проклятая игра всерьез увлекала его. В 18.00 он отправился в «Фордайс», принял ванну, посидел в парной и получил массаж. В 19.00 он пообедал в ресторане «Роман тэйбл» с доктором Джеймсом, главным хирургом больницы, и мистером Клинтоном, хозяином агентства «Бьюик». Оба входили в правления местного клуба, больницы, местного отделения «Киванис» и «Славных парней». В 21.00 он отправился в «Южный», где застал часть шоу Ксавьера Кугата, которое, впрочем, видел уже десяток раз, затем поговорил со своими дежурными менеджерами, распорядителями и надсмотрщиками, чтобы лишний раз удостовериться, что о мистере Кугате и его мальчиках хорошо заботятся. В 23.00 он вернулся в здание «Медикал-арт», поднялся на лифте, переоделся в халат и расположился с мартини в патио, чтобы прочесть утренний номер «Нью-Йорк миррор», который только что доставили из Литл-Рока. Ах этот Уинчелл! Трудно было даже ожидать, что он окажется таким ублюдком.

Перед тем как отправиться в постель, Оуни минутку постоял на балконе. Он прошел длинный путь. Он был необычным явлением в своей профессии, которая оставляла ему лишь крохи внутренней жизни. Он жил не только физиологическими потребностями. Он знал, что существует, знал, что мыслит.

Сегодня был такой хороший день, такой изумительный день и все же настолько типичный день, что он получил от него совсем немного удовольствия; какую тяжелую борьбу он вел, насколько жестокой она была и как красиво все получилось. Столько народу полегло, например Голландец, болтавший что-то на никому не понятном языке, пока жизнь вытекала из него вместе с кровью, или Бешеный Пес, пробитый множеством автоматных пуль и засыпанный разбитым стеклом в будке телефона-автомата, или Кид Твист, взлетевший на воздух после того, как вызвался продать парней. Некоторые сходили с ума, как Капоне, безвылазно сидящий в своем флоридском особняке, по сообщениям, совершенно спятивший, настолько безнадежно изувеченный сифилисом и умственно, и физически, что никто даже не хочет навестить его.

Оуни хорошо помнил Капоне, пухлого сластолюбца с короткими, словно у римского императора, пальцами и фалангой легионеров, повсюду охранявших его; помнил, как тот поселялся в номере «Аполлон» «Арлингтон-отеля», потому что там было два входа или, как предпочитал думать Альфонс, два выхода. А в углу всегда стоял вошедший в легенду «томми» – на тот случай, если у Аля или его помощника внезапно возникнет проблема, которую сможет решить только сотня-другая пуль сорок пятого калибра.

«Аль, здесь совершенно безопасно. В этом вся суть: тихо и безопасно. Вы можете спокойно приехать сюда поездом и наслаждаться. Человек такого положения, как ваше, Аль, должен иметь возможность хоть немного расслабиться».

Аль только подозрительно рассматривал его; паранойя уже начала разъедать его разум, превращая его глаза в маленькие черные точки. Говорил он мало, зато укладывался в кровать с девками, самое меньшее, три раза в день. Ходили слухи, что мужской орган у Аля был даже больше, чем у Диллинджера. По-настоящему его интересовали только киски, и киски

в конце концов и сгубили его. Он боялся уколов и потому приехал в Хот-Спрингс, поверив в то, что водные процедуры могут его вылечить. Это, конечно же, было заблуждением. Воды могли только немного притормозить развитие болезни. Все долгое время, которое он пертерпел, сидя в воде с температурой 60 градусов по Цельсию, подарило Меченой Роже лишь несколько дополнительных часов пребывания в здравом рассудке.

Оуни допил свой martini, повернулся, чтобы проверить, есть ли корм у его голубей, убедился, что корытца полны, и шагнул в комнату, где его, к великому удивлению, остановил Ральф, слуга-негр.

– Сэр, пришел мистер Грамли.

– Флем?

– Нет, сэр. Другой Грамли. Тот, которого называют Папаша. Он покинул свою постель. Это известие сразу взбодрило Оуни, что само по себе значило немало.

Он быстро прошел в холл, где обнаружил бледного, как призрак, Папашу Грамли, которого поддерживали под руки двое младших кузенов, или сыновей, или еще каких-то родственников.

– Что случилось, Папаша? – спросил Оуни.

– Грамли пришлепнули, – сказал старый бутлегер, битый и тертый подонок, сражавшийся против закона уже без малого шесть десятков лет и, по слухам, носивший в себе добрую дюжину пуль.

– Кто? Неужели наехали беспредельщики?

– Все куда хуже, мистер Мэддокс.

– Что вы хотите сказать?

– В вашем заведении устроили облаву.

Оуни никак не мог понять, что же на самом деле произошло. В течение года в одном-двух из его заведений и правда устраивали облаву, но ведь облавой эта акция была только на бумаге и проводилась полицией для украшения отчетности. Обычно самое меньшее за неделю до намеченного срока к нему приходили. Он говорил полиции, какое казино или публичный дом в этот раз можно побеспокоить и когда это можно сделать. Муниципального судью заранее предупреждали, что этой ночью нельзя напиваться, чтобы он мог без неуместной задержки освободить под подписку всех задержанных; персонал казино было необходимо поставить в известность, чтобы никто не удивился, не напугался и не натворил никаких глупостей; в газеты Литл-Рока заблаговременно сообщали, чтобы оттуда могли прислать репортеров и фотографов, да и мэра тоже следовало проинформировать, чтобы он мог должным образом одеться для фотосъемок. Обычно такие вещи происходили, когда в Литл-Роке какой-нибудь политикан произносил в законодательном собрании штата речь о преступности.

– Я не...

– Они ворвались силой, все с кучей оружия и в пуленепробиваемых жилетах. И один из них пристрелил Грамли. Это был мальчик Джеда, Гарнет, туповатый такой. Он умер на месте. Мы отвезли его в морг, и...

– Кто устроил облаву?

– Они сказали, что работают на окружного прокурора.

– Беккера?

– Да, сэр. И этот Беккер, он был там. И с ним еще десять-двенадцать человек, все при оружии. Они ворвались внутрь бегом, и один из них убил Гарнета, когда Гарнет достал свой дробовик. Мистер Мэддокс, вам следовало сообщить нам, что готовится облава. Что я теперь буду говорить Джеду и Эми?

– Где это случилось?

– В «Подкове». Всего час назад. А потом они поломали все столы и оси у колес и расстреляли из «томми» все игровые автоматы.

– Что?!!

– Да, сэр. Они искрошили из автоматов более тридцати ваших машин. Стрельба была – чистый ад! Весь пол этого несчастного заведения усыпан монетами. Хоть в ведра собирай.

– Они работали на Беккера?

– Да, сэр. Он был там, как я вам уже сказал. Но боссом был какой-то здоровенный, очень крутой с виду незнакомый парень. Он тоже все громил. Он-то и застрелил Гарнета. Мне сказали, что еще не видели, чтобы у человека так быстро двигались руки. Он вынул пушку и убил бедного мальчика меньше чем за полсекунды. И прямиком опломбировал ему тикалку, что в груди. Гарнет отошел в мир иной, даже не успев свалиться на пол.

Ковбой! Ковбой вернулся!

К тому времени, когда он добрался до «Подковы», там уже толпились репортеры и фотографы. Они сразу же окружили Оуни, который всегда славился своим колоритным языком; газеты с превеликим удовольствием публиковали его англицизмы. Было даже несколько парней из Литл-Рока.

Но Оуни был совершенно не в настроении для тонких замечаний. Он отмахнулся от журналистов и подозвал к себе Грамли.

– Отбери у них пленки. Мы не хотим, чтобы об этом деле стало широко известно, раньше чем мы сами в нем разберемся. И отправь всех по домам. И еще скажи им, чтобы не пытались сочинять истории, пока мы не растолкуем им, что и как было на самом деле.

– Хорошо, сэр, – ответил Грамли. – Но им уже выдали пресс-релиз.

Он передал Оуни лист бумаги. Там было напечатано следующее:

Хот-Спрингс, 3 августа 1946 г.

Офицеры управления окружного прокурора Гарленда сегодня совершили рейд и закрыли игорный дом в западной части Хот-Спрингса, уничтожив при этом 35 автоматов и большое количество запрещенного законом оборудования для азартных игр.

Во время рейда в незаконном казино «Подкова», 2345, Уошито-авеню, было также конфисковано около 32 000 долларов, незаконно полученных в качестве дохода от азартных игр.

«Это является первой из наших инициатив, направленных на избавление Хот-Спрингса от незаконных притонов для азартных игр, – заявил окружной прокурор Фред К. Беккер, лично руководивший рейдом. – Мы хотим ясно дать понять гангстерам и акулам игорного бизнеса, что время их вольготной жизни в Хот-Спрингсе закончилось. Законы будут исполняться, и мы будем бороться за их исполнение до тех пор, пока азартные игры и связанная с ними коррупция не будут полностью изгнаны из нашего города».

Операции, направленные против незаконной деятельности...

Оуни выпустил лист из рук и усмехнулся: очень может быть, что тридцатифутовую неоновую надпись на крыше «Подковы», гласившую: «30 АВТОМАТОВ. РАСПЛАТА МГНОВЕННО!», стоило считать его ответом.

– Кем, черт его побери, он себя считает? – спросил Оуни у Грамли.

Но у того не нашлось никакого ответа.

– Где мой адвокат? – тут же воскликнул Оуни, обращаясь на сей раз в пространство. Почти сразу же перед ним оказался Ф. Гарри Херст.

– Это хоть в какой-то степени законно? – набросился на него Оуни. – Я имею в виду, как они могли просто высадить двери и начать все крушить?

– Знаете, Оуни, похоже, что так. Беккер все организовал очень тонко. Поскольку гора Хот-Спрингс является правительственной собственностью, любые незаконные действия в пределах округа, в который она входит, могут считаться все равно что под судебным запретом. Так что любой федеральный судья может выдать постановление, и оно вовсе не обязательно должно исполняться именно федеральными чиновниками. Вместо них могут действовать и местные власти. У Беккера в кармане федеральный судья из Малверна. Вот тут-то и лежит ваша проблема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.